

ВЛАСТЪИ

НЕРУШИМЫЕ: КНИГА 1

Никто не смеет отвергать меня.
Особенно она.

ЧЕЛСИ КЭМЕРОН
РАЙАН МИШЕЛЬ

BOOKS ABOUT BAD BOYS | Переводы

Никто не смеет меня отвергать. Особенно она.

Она недооценила меня, что стало ее первой ошибкой.

Она считала меня хорошим парнем — ошибка номер два.

У нее появилась надежда. Это было последней каплей.

Я Оникс Блейк.

Я — власть в этом уродливом мире, который она видела лишь в своих кошмарах.

И она быстро поймет, что я не тот человек, который что-либо упустит...

Включая ее.

Челси Кэмерон, Райан Мишель

Властный

Серия: Нерушимые, часть 1

Автор перевода: Дашуля Коваленко

Обложка: Дашуля Коваленко

Переведено для группы: vk.com/books_boys

ОНИКС

Я рассеянно щелкал зажигалкой «Zippo», открывая ее и закрывая, открывая и закрывая... каждый раз прислушиваясь к звуку щелчка. Чертовски ненавидел ждать.

Взглянул на блестящие серебряные часы, наблюдая, как стрелка отсчитывала секунды. 18:03. Джейкоб опаздывал на три минуты. Три минуты моего времени потрачены впустую.

Пунктуальность я особенно ценил. Опоздание ассоциировалось с волнением, которое мне было совсем не нужно. Опоздание показывало неуважение ко мне, чего нельзя было допускать ни при каких обстоятельствах. Я правил балом. И все подчинялись моему графику, а не наоборот.

Закрытый на ночь тихий, тускло освещенный ресторан стал идеальным местом для встреч — никаких помех и любопытных глаз. Запахи томатного соуса и чеснока витали в воздухе, будто за годы въелись в стены. Это семейное заведение, разумеется, принадлежало не мне, ведь я понимал, что в бизнесе необходимо соблюдать осторожность. Семейей тоже не обзавелся, по крайней мере, по кровному родству.

Я встал, сунул зажигалку в карман и направился к входной двери как раз в тот момент, когда вошел Джейкоб — над дверью звякнул маленький колокольчик. С выражением страха на раскрасневшемся лице, что было нормальным явлением для опоздавших, он забежал в помещение, пытаясь скрыть свои эмоции, что лишь сильнее меня разозлило. Опоздание являлось неприемлемым для кого бы там ни было. Всегда. Все знали, что я — единственный, кто обладал властью, контролировал ситуацию и являлся королем для моих последователей. Не разочаровывать меня, не заставлять ждать и, черт возьми, не бесить — все знали правила, включая Джейкоба Коула. Это первое, что обсуждалось, когда кто-то приходил работать на меня и подписывал соглашение кровью.

Джейкоб стоял слева, но я смотрел прямо перед собой, потому что для меня он больше не существовал. У него был шанс завладеть моим вниманием, выполнив работу. Второго шанса я не давал. Не существовало карточки «*Можно выйти из тюрьмы просто так*», как и в «Монополии». Облагаться можно было всего однажды, и Джейкоб решил сделать это сегодня.

— Босс, прошу прощения. Я вел переговоры, — пробормотал он, и слова ударили по ушам, словно иглы, до крови вонзающиеся в барабанные перепонки.

Я сделал было шаг вперед, но встал как вкопанный, услышав его заявление. Вместо того чтобы обратить на Джейкоба все свое внимание, я продолжал смотреть перед собой, прокручивая в голове лишь два слова. Слова, которые никогда не должны были сорваться ни с чьих уст, кроме моих.

Прежде чем я успел ответить, парень заскулил:

— Покупатель сорвется, если не увидит товар сейчас. Сказали, что даже фотография подойдет. Угроза пустая, но они хотят гарантии. Это их первая сделка, они слегка нервничают, поэтому просят немного больше.

Повернув голову, я уставился на дрожащего молодого человека. Отвращение, гнев и абсолютное презрение затуманили зрение. Я считал Джейкоба ничтожеством. Мы были далеко не равны, как физически, так и духовно. Мой рост составлял шесть футов четыре дюйма, а парень был ниже на целых десять дюймов. Я был безжалостным бизнесменом, а он

— бездельником, по уши погрязшим в дерьме. Поэтому я глядел на него сверху вниз во многих смыслах. Именно так я предпочитал вести дела, и лишь немногие на равных смотрели мне прямо в глаза. Но даже эти немногие с трудом удерживали мой взгляд.

Джейкоб коротко стригся из-за редеющих волос, те, по всей видимости, скоро совсем выпадут. Капли пота катились по его лицу, а подбородок заметно дрожал от страха. Я почувствовал запах свежего ментола от недавно выкуренной сигареты. Это дико меня взбесило. Каким же он был никчемным отребьем!

Опоздал на три минуты... которые, скорее всего, провел, пыхтя табачным дерьмом и пытаясь успокоить нервы, тогда как должен был стоять здесь. Три минуты *моего* времени он потратил на сигарету! К черту все!

Джейкоб мог курить, тратя свое время, а не мое. Мое время — деньги. Мое время — власть. Мое время принадлежало лишь мне, а не ему или кому-то еще.

— Что ты сказал? *Вел переговоры?* — спросил я твердым голосом.

Он кивнул, а затем сразу помотал головой. Нерешительный мудака. Что за ответ такой? Да или нет? Хотя это, черт возьми, уже не имело значения — Джейкоб был ходячим мертвецом, его время подходило к концу.

— Ты произнес слово «переговоры»? — я снова задал вопрос, требуя большего, а не гребаного тупого кивка головой. — Говори яснее, Джейкоб. Ответ прост: да или нет.

— Да, сэр, — пробормотал он, его руки дрожали, а пот продолжал стекать по лицу, пропитывая рубашку с белым воротничком.

Я питался его страхом.

Наслаждался его ужасом.

Моя репутация в городе требовала уважения. Я управлял жестко и никому не давал расслабиться.

Быстрым движением я вытащил из потайного кармана скальпель, вшитый в рукав рубашки. Поместив металл между средним и безымянным пальцами, я сжал деревянную рукоятку. Потом размахнулся и, определив нужную точку, ударил Джейкоба в пах.

Я всегда попадал в цель.

Моим намерением было причинить боль, устроить медленную пытку, а еще привести мудака в себя, чтобы тот трезво оценил происходящее. Мой бизнес был только моим. Джейкоб не обладал полномочиями вести переговоры с клиентами. Никто ими не обладал, и благодаря мудаку, среди моих людей распространились бы слухи по городу, достигая даже глубин преступного мира. А так, все уяснят, что со мной шутки плохи, черт возьми. Простое напоминание: они работали на меня, а не наоборот.

Вся власть находилась у меня. В том числе власть над жизнью и смертью.

Я остановился только тогда, когда скальпель уже не входил глубже. Бедрa Джейкоба дрожали, будто он больше не мог стоять.

— Твой член слева, так что я попал тебе прямо в яйцо, — спокойно произнес я, пока парень кричал в агонии. — Джейкоб, в нашем деле надо иметь стальные яйца. А у тебя их явно нет.

Я выдернул скальпель и отошел от жертвы, оставив парня стоять в луже собственной мочи и крови. Кровь текла по его ногам, и Джейкоб вдруг упал на колени на кафельный пол.

Он смотрел на меня со слезами на глазах, но не мог произнести ни слова. Я на сто процентов знал, что боль была невыносимой, мучительной. Как и планировалось. Джейкоб быстро заморгал, по всей видимости, пытаясь привести мысли в порядок. Хотел молить о

пошаде, но в то же время боялся.

— Считай, что твои услуги больше не нужны. «Выходное пособие» доставят в ближайшее время, Джейкоб.

Он открыл и закрыл рот, прежде чем смог, наконец, произнести хоть слово.

— Умоляю, Оникс. Пожалуйста, дай еще один шанс.

Гребаное ничтожество.

Мольба — совсем не то, что хотелось услышать. Единственной, кто однажды меня умолял, была женщина с сочными изгибами, желающая мой член.

А когда умолял взрослый мужик, произнося при этом мое имя — подобное дерьмо лишь сильнее раздражало с каждой секундой. С каких пор мужчины превратились в тряпки?

— Оникс, пожалуйста, я сделаю все, что угодно!

Я тут же покачал головой.

— Нет. Повторю, раз на лицо проблемы с пониманием. Твое «выходное пособие» доставят в ближайшее время. Приведи дела в порядок, Джейкоб. И побыстрее.

Из-за того, что он провалил сделку, я должен был сам нанести «роковой удар». Парень знал, во что ввязывался, как и все остальные члены моей организации. Человек, которого назначат устранить Джейкоба, понимал свою работу, свою роль и не захотел бы слушать мольбы о спасении чьей-то жалкой задницы. Таков был наш мир — у каждого существовала своя работа, и мы ее выполняли.

И заработали на этом хренову кучу денег. Мы знали цену всему и принимали разного рода дерьмо, как настоящие мужчины. Джейкоб стал слишком мягким — позор, потому что, когда он начинал, то имел стальные яйца. Увы, он сам себе вырыл могилу.

Взяв салфетку с соседнего стола, я начисто вытер лезвие и бросил ее обратно на стол. Разумеется, мне выставят счет за уборку, но произошедшее внутри этих стен, никогда не выйдет за их пределы. Последствия поступка Джейкоба были суровы и безоговорочны. Все это понимали и следовали правилам.

Сунув скальпель в потайной карман на рукаве рубашки, я направился к выходу из ресторана. Джейкоб протянул руку и схватил меня за ноги, словно гребаный малолетка. Я стряхнул с себя руку, развернулся и ударил его по лицу с такой силой, что тот упал навзничь.

— Будь мужчиной, Джейкоб Коул. — прозвучали мои прощальные слова, когда я вышел, вдыхая прохладный ночной воздух.

Поехали дальше. Такова была моя жизнь, мой мир. И этот мир был полностью в моей власти.

ТОРРИН

Какой-то нескончаемый ад!

— Кеннеди, возьми чертову трубку! — прокричала я в телефон, который подпрыгнул на пассажирском сидении после того, как я его туда бросила. *Мог ли сегодняшний день стать еще хуже?* Как только эта мысль пришла в голову, я тут же отогнала ее прочь. Все в курсе, что подобные мысли приводят к еще большим неудачам. А они мне были не нужны. До конца жизни.

Поняв, что возвращаться домой и сидеть среди кучи счетов, которые достаточно быстро накапливались, желания не было — я решила поехать к сестре, так как та не брала трубку. Прямо сейчас мне нужна была поддержка, которую могла дать только старшая сестра — утешение в ее объятиях и обещание того, что все наладится. Я считала везением, что у меня была Кеннеди.

Как бы глупо это ни звучало, но мне необходимо было чье-то заверение, что все будет хорошо. Эдакое напоминание, что я достаточно сильна и не позволю жизни сломить меня.

Шаг вперед и двенадцать назад в непрерывном круговороте ада — вот, собственно, и вся история моей жизни. А сестра была единственной, кто у меня остался.

Восемь месяцев назад умерла наша мама, и так как никакой страховки у нее не было, то на нас с сестрой легли все расходы. Раньше мне не приходилось иметь дело с похоронами, и когда стали приходить счета, дыхание буквально перехватывало — у нас не было денег, чтобы их оплатить. Слава богу, Кеннеди вышла замуж за состоятельного человека, и тот взял на себя все расходы. Может, мне и не нравился Малкольм, но он заботился о моей сестре, а иногда и обо мне. Конечно же, его помощь была ударом по моей гордости, но я ничего не могла поделать, потому что жизнь продолжала пинать меня каждый раз, когда я, казалось, только вставала на ноги.

Поездка прошла словно в тумане, пока я пыталась справиться с эмоциями. Мама всегда говорила, что *деньги не решают финансовых проблем*. Я до сих пор не была уверена в правильности этого высказывания. Поэтому Кеннеди станет моим голосом разума. Поможет осознать, что все не так уж и плохо. Обнимет, и мы поедем мороженое. Вместе придумаем план дальнейших действий. Кеннеди всегда была моей главной поддержкой в жизни.

Ведь окончание колледжа, потеря работы, неоплаченные студенческие займы и накопившиеся счета за коммунальные услуги — не конец света, верно? Это всего лишь деньги. К сожалению, мне больше не на кого было опереться, кроме сестры. Она была способна одержать верх над всеми моими бедами. Для чего же еще, черт возьми, нужны сестры?

Не то чтобы меня уволили, потому что я была дурочкой и ленивой задницей, которая не выполняла свою работу. Просто в компании существовала определенная политика по части увольнений — *«кто последний устроился, того уволят первым»*, и список возглавляла как раз я.

Моей страстью был графический дизайн. Кеннеди посоветовала пойти на эту специальность, уверяла, что работа не заставит себя ждать. Убедила, что я могла бы подняться на нужную карьерную ступень в какой-нибудь компании, а затем обзавелась бы собственными клиентами. Будь у меня к моменту прихода в ту компанию свой бизнес, как

изначально и планировалось, то я обеспечила бы себе подушку безопасности. Но все, чем я обладала на сегодняшний день — целой кучей талантов и пустым холодильником, в буквальном смысле.

Подъехав к дому Кеннеди, я ввела код на воротах, и те легко распахнулись, открыв шикарный вид на двор. Припарковавшись позади черного «Кадиллака», я полюбовалась красивой машиной, прежде чем поднялась по ступенькам к входной двери. Подобного авто я здесь раньше не видела, но Малкольм часто покупал сестре новые машины, так что, возможно, это был очередной подарок. Войдя в просторный дом, я поторопилась в гостиную, где на диванчике рядом с Малкольмом сидела Кеннеди.

Я ни о чем не думала, ни на что не обращала внимания. На самом деле, голова была заполнена мыслями о сестринской поддержке и мороженом. Я заметила Малкольма, но упустила из виду, что он вернулся с работы в середине дня. Мозг медленно собирал детали воедино, пока разум был затуманен недавним разочарованием, связанным с работой.

Кеннеди надела ярко-синее платье, элегантно заколола сзади светлые волосы и сделала превосходный макияж. Малкольм сидел рядом с ней в костюме, его темные волосы были коротко подстрижены и уложены набок — тут все как обычно.

В гостиной царило сильное напряжение, и когда я вошла, с кресла поднялся незнакомый темноволосый мужчина с короткой стрижкой. Он был высок, определенно выше шести футов и выше всех присутствующих. Его угольно-черный костюм был, несомненно, высокого качества, судя по тому, как идеально облегал мужское тело. Две верхние пуговицы белой рубашки были расстегнуты, придавая некую расслабленность, которую я не ощущала. В открытом воротах виднелась часть татуировки.

Мужчина не был похож на тех, с кем «тусовались» Малкольм и Кеннеди. Они ведь были представителями элиты и определенно вращались в кругу людей из высшего общества. Да, Малкольм был напыщенным ослом, в отличие от моей сестры. Она просто случайно влюбилась в такого человека.

Я мельком посмотрела вверх и натолкнулась на странный взгляд незнакомца. Его глаза привлекли мое внимание. Они были темными. Но не черными. Больше походили на глубокую синеву, притягивали, манили, словно крошечная бездна океана, в котором можно утонуть. Океана, где жили акулы, готовые напасть в мгновение ока. Невозможно было ошибиться — в его взгляде читалась власть, сила, безжалостность.

Он протянул руку.

— Оникс Блейк, — от глубокого баритона у меня внутри все сжалось от волнения, но что-то тут было не так. Воздух в комнате накалился, будто мистер Блейк управлял пространством вокруг. Я лучше всех знала — Малкольм никогда и никому не позволял взять над собой верх, тем более в собственном доме.

И тут я заметила еще одного мужчину, с темными, словно полночное небо, волосами. И тоже в костюме. Его волосы были зачесаны назад, судя по всему, он следил за своей внешностью. Мужчина встал, когда Оникс представился, и стало ясно, что он прикрывал тыл мистера Блейка. Краем уха я слышала, что его звали Гаррет Монро, но не обратила на него особого внимания. Странно, ведь Малкольм был не из тех, кто мог кого-то запугать, как и моя сестра. Однако у меня не было ни малейшего желания интересоваться, зачем незнакомцы сюда пожаловали. Моя жизнь буквально разваливалась на части, и я приехала за поддержкой к сестре — это единственное, на чем я была сосредоточена, с тех пор как узнала об увольнении.

Я не стала отвечать и пожимать Ониксу руку. Вместо этого отвела взгляд, выкинула мистера Блейка из головы и посмотрела на сестру.

— Кеннеди, прости, что так неожиданно. Мы можем поболтать минутку?

Я была слишком взвинчена и не желала разговаривать с этими незнакомцами, а просто хотела обнять сестру.

На лице Малкольма отразился гнев, а руки, сжатые в кулаки, задрожали. Он никогда раньше *так* на меня не смотрел — по большей части всегда безразлично. Малкольм обычно был сдержан по отношению ко мне, но не все ли равно? Он сделал мою сестру счастливой, и это все, что имело для меня значение. Он заботился о нас, поэтому не было смысла набиваться к нему в лучшие друзья или заставлять его петь мне дифирамбы — я уважала его, как мужчину моей сестры.

Но атмосфера в комнате говорила о том, что Кеннеди являлась частью происходящего, а не сторонним наблюдателем, как я изначально предположила.

— Малкольм, по всей видимости, у тебя деловая встреча. Я тогда подожду в комнате для гостей. Просто Кеннеди обычно ведь не участвует в твоих делах... — пробормотала я зятю, в то время как Оникс Блейк внимательно за мной наблюдал. Наконец, он опустил руку, но продолжал изучать меня так, словно пытался прочесть мысли.

Я чуть не рассмеялась, подумав про себя: *«Слева от вас, мистер Блейк, находится "ходячая катастрофа", быстрее бегите от такой женщины, как я»*.

От его пристального взгляда мое тело распалилось, словно солнце, восходящее над пустыней. Оникс рассматривал меня сверху донизу, воспламеняя каждый дюйм. Тело горело, будто раскаленный песок в знойную погоду. Я почувствовала румянец, ползущий по коже — без сомнения, у меня покраснели щеки и шея, что невозможно было скрыть с моей бледностью. Мама всегда говорила: такова моя особенность. Мы с Ониксом встретились взглядами, и я застыла на месте, а воздух покинул легкие.

Флюиды его силы опасно и всепоглощающе распространились на всю комнату. Будто гостиная сжалась, отдав всю свою энергию этому мужчине, заставив нас сделать то же самое. Судя по ощущениям, атмосфера была угрожающей и нестабильной.

Кеннеди встала, схватила меня за руку и повела к выходу. Я пыталась не отстать, но не могла оторвать взор от Оникса, даже когда разум требовал разорвать зрительный контакт.

Это было опьяняюще. Головокружительно.

— Простите, продолжайте без меня, — извинилась Кеннеди перед Ониксом, который встал на пути, не позволяя нам уйти.

— Нет, постойте, — потребовал он глубоким баритоном, от которого у меня в животе снова все перевернулось. — Я возьму ее с собой. Вы хотите заключить сделку, которую даже не собираетесь обсуждать? Тогда я заберу девушку, как гарантию.

Кеннеди застыла на месте, отчего я, потеряв равновесие, споткнулась. Ее хватка стала такой сильной, что боль пронзила руку до самого плеча. Я посмотрела в глаза сестры и увидела скопившиеся слезы, которые угрожали хлынуть потоком. Что, черт возьми, здесь происходило?

— Она ничего об этом не знает, Блейк, — заикаясь, пробормотал Малкольм, и его гнев мгновенно сменился беспокойством. Если Малкольм собирался напасть на Оникса, или совершить нечто в этом роде, то проиграл бы, причем по-крупному. Самому Халку тут пришлось бы нелегко.

— Плевать. Откуда мне знать, что вы двое все не испортите и не облажаетесь? — тон

мужчины не менялся. — На данный момент вы оба мне должны, так как нарушили условия нашего первоначального соглашения. Что имело свои последствия. Но ведь я никак не отреагировал, правильно? На самом деле, учитывая положение вещей, я отнесся ко всему с пониманием. Вы знали, на что шли.

Моя сестра не повернулась к мужчинам, и я увидела, как она распадалась на осколки. Сильная, как ад, сестра, которая всегда была моей опорой, разбилась вдребезги, превратившись в пыль. Я начала было спрашивать, что случилось, но Кеннеди снова сжала мою руку и слегка покачала головой, приказывая тем самым замолчать. Я забыла о своих проблемах из-за поглотившей меня растерянности, и лихорадочно соображала, во что же сестра могла ввязаться.

Она была честной и беспечной. Сняла бы с себя последнюю рубашку и отдала другому. Она ни за что не связалась бы с таким человеком, как Оникс Блейк, не будь на то важных причин. Скорее всего, она не смогла найти другого способа решить проблему, но какую, я понятия не имела.

Малкольм подошел и встал рядом с Ониксом, маленькая капелька пота скатилась по его морщинистому виску.

— Мы еще ничего не испортили. Послушай, мы с женой уже достаточно потеряли, и просто хотели больше гарантий. Это все, о чем мы просили Коула.

Оникс Блейк ухмыльнулся. Самоуверенно, властно — ему реально было наплевать на слова моего зятя.

— Допустим. Но у вас соглашение со мной, а не с мистером Коулом. Он не ваше контактное лицо, все решается через меня. И я не прошу отдать девушку мне. А требую.

От того, как он произнес «требую», по моему телу пробежали мурашки. *Требовал? Меня?*

— Она не имеет отношения к нашей сделке, Блейк, — попытался объяснить Малкольм.

Оникс посмотрел на моего зятя и рассмеялся. Его слова звучали уверенно и высокомерно:

— Теперь имеет. Мой мир — мои правила. Ты же знал, что так и случится. Она уезжает со мной.

— Подождите-ка! — воскликнула я, освободив свою руку из руки сестры. — Что значит *уезжаю с вами?* Никуда я не поеду!

Оникс перевел свой пристальный взгляд на меня, резко и лаконично скомандовал:

— Поедешь.

Подперев бока руками, я посмотрела на сестру в поисках чего-нибудь, что помогло бы прояснить обстановку. Но на ее лице была лишь грусть. Увидев отчаяние в глазах Кеннеди, я еще больше занервничала, желая хоть как-то ей помочь.

Я развернулась к ней:

— Кеннеди, что происходит? — слезы текли по ее лицу, размазывая черную тушь, которую сестра ранее старательно нанесла на ресницы.

— Тор, я...

— Так, всё, прекратили! — потребовал Оникс, отчего я подпрыгнула аж на дюйм. Я обернулась и сердито посмотрела на него. — Раз она ничего не знает, то пусть так и будет. — но его изучающий взгляд искал хоть какой-нибудь признак обратного.

— А с чего это вы решили, что я поеду с вами? — огрызнулась я в ответ, гадая, что же Оникс Блейк о себе возомнил, черт его возьми.

Он наклонился ближе, и я почувствовала запах парфюма, а, может, это был просто мужской запах — древесный, с легким привкусом ванили. Аромат был даже слишком хорош. А вот язык тела мистера Блейка буквально кричал об угрозе и силе.

— Потому что ты хочешь своей сестре счастья, ключи от которого у меня.

Мой желудок скрутило, и маленький бутерброд, который я съела днем, угрожал вылезти наружу.

— Что это значит? — когда Оникс не ответил, я украдкой взглянула на Малкольма, потом на Кеннеди — оба были опечалены и напуганы, будто их мир разваливался вокруг, и не существовало никакого способа все исправить.

— Они ничего тебе не объяснят, но если ты хочешь, чтобы твоя сестра была счастлива, то пойдешь со мной. Если сама этого не сделаешь, я все равно тебя заберу. — уверенно произнес Блейк, не оставляя в своих словах никаких сомнений.

Я всей душой чувствовала, что он это сделает. Оникс не был похож на тех, кто попусту угрожал, и, судя по моей семье, они тоже об этом знали.

— Кеннеди? — снова попыталась я, надеясь, что сестра что-нибудь скажет, даст хоть какой-нибудь намек на творившееся.

Она взглянула на Оникса, потом снова на меня и покачала головой.

— Что ты с ней сделаешь? — спросила она его дрожащим голосом.

Все ведь происходило не по-настоящему? Дерьмовый день никак не мог превратиться в *самый* дерьмовый в моей адской жизни! Почему Кеннеди позволяла уехать с этим мужчиной?

Его зловецкий смех заполнил гостиную.

— Все, что, бля*ь, захочу.

Я выпрямила спину, одновременно прокручивая в голове возможные версии извращенных сценариев. Я винила во всем зависимость от фильмов ужасов, надеясь, что все вокруг нереально. Каждое предположение было страшнее другого. Ничем хорошим для меня это не кончится.

Малкольм подошел к Кеннеди и крепко обнял ее. Между ними шел какой-то безмолвный разговор, в котором я хотела бы поучаствовать, черт возьми!

На лице сестры читалось полное опустошение.

— Сделка отменяется, — слова прозвучали едва ли громче шепота.

Оникс угрожающе засмеялся, по моему телу пробежали мурашки, а сердце екнуло.

— Опять начинаете? Вы *уже* в деле. Назад пути нет, пока я сам не решу иначе. А вы и так уже слишком много знаете. Значит, в любом случае, являетесь помехой.

Лицо Кеннеди исказилось от страха.

— Но ты не можешь забрать мою сестру! Я всё сделаю, только оставь ее здесь!

Кеннеди была готова на всё из-за сумасшедшего мужчины. Она отказалась от всего, что предлагал мистер Блейк, только чтобы удержать меня от него подальше. Что говорило о двух вещах. Во-первых, было чертовски страшно, потому что если слова этого человека правдивы, и у него находилось то, что им нужно, то мне придется поехать с ним. А во-вторых, Малкольм и Кеннеди боялись Оникса, что не сулило мне ничего хорошего. Что бы здесь ни происходило — оно было очень серьезным.

— Нет. Все пойдет по плану, а я возьму свою гарантию. — Оникс стоял с выпрямленной спиной, уверенность в тоне и манера держаться обещали, что от моей новой судьбы никуда не деться. В любом случае я отправлюсь с ним. Либо моя сестра получит желаемое; либо же

нет, и я останусь в руках страшного, безумного человека. Но все еще теплилась слабая надежда, что хреновая ситуация разрешится.

— Пожалуйста, не делай ей больно, — умоляла Кеннеди Оникса, словно я не находилась в двух футах от них. В ее голосе звучала какая-то отстраненность, а на лице было выражение опустошенности. Семья осознала, что не сможет бороться. Кеннеди с мужем понимали, что ничто не заставит Блейка передумать, и они очень боялись за меня. Надежда начала таять.

— Я уже сказал, буду делать все, что захочу. Это не обсуждается. По какой-то причине у вас в голове засело, что вы контролируете ситуацию. Уясните, что это не так.

Сестра повернулась ко мне с болью во взгляде и слезами на глазах.

— Прости, — от отразившегося на ее лице поражения мое сердце расколосось пополам. Казалось, моя жизнь рушилась, и я никогда не смогу собрать ее воедино.

— Во что ты вляпалась, Кеннеди? — когда она уже не могла говорить из-за рыданий, я повернулась к Малкольму, который крепко обнимал мою сестру. — Ну и?

— Это всего на месяц, самое большее на два. Наверное, — прошептала Кеннеди, не глядя мне в глаза.

— А почему так долго? — едва смогла вымолвить я.

— Я не могу объяснить, — ее голос был ласковым и полным боли. — Прости. Ты не...

— Время вышло, — скомандовал Оникс. — Будьте на связи. — он схватил меня за руку и потащил из комнаты. Я дернулась назад, мне нужно было больше времени. Я хотела разобраться, в чем дело.

— Подожди ты! — крикнула я, пытаюсь вырваться из хватки. Оникс не обратил на меня внимания. Вместо этого поднял и взвалил себе на плечо. Я беспрестанно заколотила его по твердой спине. — Опустит!

Кеннеди подбежала к нам.

— Прости... — прозвучали ее прощальные слова, она упала на колени и зарыдала, а мое сердце разрывалось от жалости к ней.

И тут Оникс Блейк сильно шлепнул меня по заднице. Я замерла. Когда мы дошли до двери, я ощутила такой страх, которого никогда не испытывала раньше.

Ненависть, гнев, страх — чувства закружились внутри. Что за человек посмел забрать меня у моей же семьи? Какой силой он обладал на самом деле? Что у него было такого необходимого моей сестре?

И в тот момент всё, о чем я могла мечтать — было просто выжить.

ОНИКС

Торрин напряглась, когда мы вышли на улицу. Взгляд сразу же упал на маленький автомобиль «Шевроле Соник». Девушка снова продолжила колотить меня по спине. Маленькая штучка оказалась смертельной ловушкой. Не то чтобы меня это волновало, ведь зародившееся в глубине души чувство было ничем иным, как предвкушение вызова, который она мне бросала.

Опуская Торрин на землю, я крепко прижал ее к себе, чтобы девчонка ощутила каждый твердый мускул, чтобы осознала — я мог уничтожить ее, если она меня оттолкнет. Прижав Торрин спиной к задней двери Кадиллака, я наклонился, горячим дыханием коснувшись девичьей шеи.

— Нас повезет Гаррет. Когда посажу тебя в машину, и думать забудь о побеге, моя Гарантия. — у Торрин перехватило дыхание, и я понял, что полностью завладел ее вниманием.

— Гарантия? — прошептала она.

— Ну раз ты не захотела называть свое имя, то теперь ты — Гарантия. Ни больше, ни меньше.

— Меня зовут... — я прервал Торрин, накрыв ладонью ее рот. Она выпучила глаза от страха.

— У тебя был шанс. Ты его упустила. Никто не смеет меня игнорировать. Для меня ты — Гарантия, запомни как можно быстрее. Единственное предупреждение: я здесь власть. Я главный. Ты делаешь, *что* я говорю и *когда* говорю. Иначе будут последствия, которые тебе не понравятся.

Убрав ладонь, я опустил руки на машину по обе стороны от шеи Торрин и посмотрел девушке в глаза. Что-то промелькнуло в них, но она быстро моргнула и спрятала эмоции.

— Я не стану с тобой спать, — прошептала она, и я подавил смешок.

Такая идея приходила в голову, но тем лучше, что это пришло в голову и ей. Вызов Торрин заставил меня напрячься. Прошло слишком много времени с тех пор, как кто-то осмеливался указывать, что будет делать, а что нет. Я говорил — люди выполняли, вот как все происходило. Подумав об этом, я рассмеялся Торрин в лицо.

— Я — главный в том самом мире, в который твоя сестра и ее муж умоляли их впустить, занимали деньги и просили оставить здесь, хотя мне следовало от них избавиться. Я — человек из твоих ночных кошмаров. Ты моя, и я буду делать с тобой все, что заблагорассудится. Знай свое место. Соблюдай правила. Если все пойдет хорошо, то самое большее через шесть недель твоя сестра получит желаемое, а я подумаю, что делать с тобой дальше. До тех пор — ты моя.

Гаррет обогнул машину и устроился на месте водителя. Я взял его с собой лишь для того, чтобы Малкольм и Кеннеди Ланье помнили — все обсуждаемое было предусмотрено контрактом. Гаррет Монро был известным адвокатом в Филадельфии и моим другом детства, если только можно было по-настоящему дружить с такими людьми, как я или он, если уж на то пошло. Поскольку год назад Ланье стали клиентами Гаррета, и их дело попало к нему на стол, они оказались связаны со мной и моим бизнесом. Гаррет выступал таким связующим звеном между нами.

Я не занимался клиентами лично. На самом деле, за последние пять лет это первая пара, с которой мне пришлось встретиться на данном уровне сделки. Они нарушили правила, вместе с ними нарушил правила Джейкоб Коул, и в сложившейся ситуации я мог доверять только себе самому. Каждому клиенту назначался куратор. Джейкоб Коул был куратором Ланье, и их игра на его слабостях стоила тому жизни. За последние шесть месяцев Малкольм Ланье совсем отчаялся и стал слишком требовательным.

Ни то, ни другое было совершенно не приемлемо.

Джейкоб Коул являлся давним сотрудником моей организации. Порядочный мужчина просто пытался обеспечить свою женщину и ее пятерых детей, которые были ему неродными. Очень жаль, что он стал таким мягкотелым с Ланье. Коул мог быть подкаблучником для своей женушки — плевать я на это хотел. Но в моем деле доброта означала слабость. Никакой доброты. Никогда.

Предчувствуя, что в деле Ланье никому нельзя доверять, я решил, что для них настало время встретиться с человеком, стоявшим за каждой их надеждой и мечтой.

Карты были у меня в руках — интересный нюанс, про который они могли забыть.

Хорошенькая и маленькая штучка скоро тоже это поймет.

Торрин Лейн Макаллистер, младшая сестра Кеннеди Ланье и ее единственная оставшаяся в живых родственница, просто не вовремя появилась. По-хорошему, нужно было оградить мой бизнес и кураторов от таких людей, как Ланье. Но эта семья обратилась к нам по рекомендации нашего постоянного клиента. Клиента, который на протяжении трех сделок ни разу не доставил нам никаких, даже мизерных проблем. Когда кто-то доверяет вам свое будущее и миллионы долларов, то вы невольно обращаете внимание на тех, кого он к вам направляет.

Мой бизнес, безусловно, был уникальным.

Я всегда хорошо относился к Ланье, но теперь, раздражение в сочетании с сексуальным голосом и невинными глазами Торрин, взбудоражили мои инстинкты, которые буквально кричали забрать девчонку. Что я и сделал.

Нас связывало еще кое-что, и так уж получилось, что оно сработало в мою пользу в большой игре, в которую я, к сожалению, играл слишком долго. Торрин Макаллистер могла бы стать ключом к вечной победе в этой ситуации. Время покажет, а его было навалом.

Я открыл дверь авто, и Торрин скользнула в салон.

— Это верный путь к сотрудничеству, Гарантия, — похвалил я, закрыл дверь и, обойдя машину, устроился на сиденье рядом.

Разумеется, я знал ее настоящее имя. Больше скажу: у меня были все сведения о ней, ее сестре и зяте. В моей работе информация всегда являлась ключом к успеху, поэтому я знал все о каждом клиенте, даже если никогда с ним не разговаривал. Имя она назовет мне сама, так же, как и отдаст свое тело — это был лишь вопрос времени.

Я заметил, что Торрин не пристегнулась, поэтому наклонился, потянул за ремень и достаточно ощутимо коснулся ее груди, чтобы девчонка почувствовала себя неловко. Судя по вспыхнувшему румянцу на щеках и огоньку в глазах — она разгадала мои намерения.

— Безопасность — прежде всего. Всегда проверяй гарантии в любом контракте, — заявил я, прежде чем повернулся и кивнул Гаррету в зеркало заднего вида.

— В Кэрл Лейн? — спросил тот, предположив, что я отвезу Торрин в одно из своих многочисленных второстепенных владений.

— Нет, в Мэнор, — ответил я, наблюдая, как глаза Торрин расширились, хотя она

понятия не имела, о чем шла речь. Гарретт помолчал, настороженно взглянув на меня — он был в курсе, что я никогда никого, включая его, не впускал в свой дом. Это было единственное место, закрытое для всех.

Впрочем, он не стал уточнять. Гаррет понимал, что не стоило этого делать. Все понимали. То есть все, кроме Торрин. Отчего у меня встал.

— В Мэнор? Послушай сюда, мистер Блейк, — она расправила плечи и продолжила подавлять свой страх. Мне это показалось довольно забавным, и я позволил ей продолжить. — Я тебя не знаю и не поеду в твой дом, который находится в каком-то там поместье! И не пойду ни в какую секс-комнату, где ты меня будешь использовать в качестве секс-рабыни! Между нами ничего не будет! Я, как ты утверждаешь, твоя гарантия. Так что дом в Кэрл Лейн вполне подойдет, скоротаю время там под твоим присмотром.

Я рассмеялся. Гаррет выехал с подъездной дорожки Ланье, профессионально игнорируя продолжительную забавную речь нашего пассажира.

— Похоже, ты не совсем осознаешь свое место. Ты не имеешь права принимать какие-либо решения, это могу делать только я. Ты смешная, Гарантия, и, кажется, станешь хорошим дополнением к моей жизни в поместье. Что же касается секс-комнаты — ты читаешь слишком много любовных романов и смотришь слишком много фильмов. Я забрал тебя не для того, чтобы угощать вином, кормить ужинами или доставлять неземное удовольствие. А для того, чтобы твоя сестра и ее муж выполнили свою часть сделки.

— А по поводу того, что я мог бы с тобой сделать, ты должна знать — я не занимаюсь любовью или сексом, а трахаюсь. И, конечно же, я буду трахать тебя, потому что хочу, но твои предпочтения, удовольствие и желания не будут учитываться, хотя могу заверить, что, если я получу свое, тебе тоже обязательно понравится. Поскольку ты озабочена своим времяпровождением, то подумай обо всех способах, которыми я буду обрабатывать твою киску, уверяю тебя, это лучшая часть сложившейся ситуации, Гарантия.

Торрин ахнула, но я заметил, как она сжала челюсть. Шалунья прокручивала в голове мысли о сексе со мной или способы моего убийства во сне. Оба варианта ее взволновали.

Я не собирался великодушничать, дарить цветы или делать, черт возьми, нечто необычное, но игры с ее разумом перед трахом, определенно доставили бы мне удовольствие. Остальную часть поездки Торрин пыталась прижаться к двери, чтобы увеличить расстояние между нами, а я представлял, как проведу следующие несколько недель, трахая женщину, ставшую залогом в контракте, с которым Ланье никогда не смогут обратиться в суд.

Будь на чеку, Торрин. Я здесь власть.

ТОРРИН

Жара в машине была удушающей, я мечтала отсюда выбраться, меня охватил страх — я не желала знать ни про какое гребаное поместье. Единственное, что мелькнуло у меня в голове — *Мотель Бейтса* (прим. пер.: сериал, американская телевизионная драма с элементами триллера) с жуткими вещами. Убийство, хаос и кровь. Нет, спасибо. Оказаться там с *этим* мужчиной — не самый лучший сценарий. Откуда мне знать, что он не разрубит меня на куски? Надеюсь, моя роль гарантии остановит его от того, чтобы взять в руки мачете.

Каждый раз, когда я придвигалась ближе к дверце роскошной машины, Оникс старался подсесть ко мне поближе, вторгаясь в мое личное пространство и мешая мне думать. Он словно играл в извращенную игру. Будто хотел напугать и подчинить своей воле. Но Оникс ничего не знал обо мне, особенно о моем решительном характере. Если он думал, что я сломаюсь и поддамся его играм, то его ждало разочарование.

Телефон в моем заднем кармане отсутствовал — я не чувствовала жесткого пластика под пятой точкой. Вот дерьмо.

— Нужно вернуться. Я оставила телефон и сумочку в своей машине. — слова сами собой слетели с губ.

— Твои проблемы, — его спокойствие по поводу того, что я не смогу общаться с внешним миром, вывело меня из себя.

Как же мне теперь связаться с сестрой? Что за чертовщина тут происходила? Мне нужен был мой телефон!

Я свирепо посмотрела на мистера Блейка и увидела ухмылку, которую, как я уже начала понимать, ненавидела почти так же сильно, как и его самого.

— Мне нужен мой телефон, — возможно, сейчас он и одержал верх, но я отказывалась сдаваться.

Оникс взглянул на водителя, чьи темные волосы были цвета полуночи. Казалось, между мужчинами происходило какое-то безмолвное общение, и меня уже тошнило от всех этих проклятых секретов.

— Нет, не нужен. Все *необходимое* тебе предоставят. — Оникс сделал ударение на слове «необходимое», заставив задуматься, какой смысл он в него вкладывал.

— Предоставят? Это поместье типа гостиницы? — поинтересовалась я, а мое беспокойство продолжало расти.

Он усмехнулся. Единственное, что я всегда ненавидела — когда другие смеялись надо мной. В старших классах справиться с этим было легко, потому что моя сестра всегда была рядом, прикрывая спину. С годами я почти перестала обращать на это внимание.

— Нет.

Я сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Если бы можно было ударить мужчину и не сломать руку, я бы сделала это в мгновение ока.

— Гарантия, ты станешь чертовски прекрасным развлечением.

Я раздраженно выдохнула.

— Мне нужно будет ходить на работу, — полная ложь, но ведь, хватаясь за последнюю соломинку, можно не придерживаться правил. Откуда ему знать, что меня уволили.

Оникс показал на экран своего мобильного:

«*Последние новости о сестре Кеннеди: сегодня ее уволили с работы*».

От резкого вздоха у меня перехватило дыхание.

— Зачем ты следил за мной? — во мне закручивался страх, но я не позволяла ему завладеть мной.

Оникс опустил телефон и заблокировал его.

— Ты еще ничего не поняла?

— Нет! И ты даже не знал меня до тех пор, пока мы не встретились пару часов назад! — я потянулась к ручке двери, но обратила внимание на высокую скорость автомобиля. Если выберусь отсюда, то кто знает, как сильно покалечусь, а может, меня вообще убьют.

Оникс цокнул и покачал головой.

— Я разочарован в тебе. Думал, ты любишь свою сестру и хочешь ей помочь. Какая жалость.

Жалость? Желание ударить его вернулось с новой силой.

И тут же возникло чувство вины, переворачивая все внутри. У меня не осталось никого, кроме сестры. Она была рядом со мной, заботилась, поэтому разочаровать и подвести ее я не могла. Независимо от того, с чем мне придется столкнуться, я ей помогу.

— Допустим, я потеряла работу. Но мне нужно найти другую, чтобы оплачивать квартиру и счета. Нельзя сидеть взаперти и отгородиться от реальной жизни, — честно призналась я Ониксу.

Из-за охватившей меня паники я не обратила особого внимания, во сколько мы выехали из дома Кеннеди. Посмотрев на часы, поняла, что наше путешествие продолжалось уже больше часа. Моя сестра жила в пригороде недалеко от Филадельфии, а в том направлении, куда мы направлялись, находился город Ланкастер, штат Пенсильвания. Зачем нам туда? Все знали, что это город амишей, а мистер Блейк был явно далек от религии или амишей.

Я взглянула на него, и он снова загадочно ухмыльнулся.

— Да, ты будешь забавной игрушкой, — во мне вскипела ярость, но Оникс вдруг крепко схватил меня за руку и властно притянул к себе, отчего ремень безопасности больно натянулся на груди. — Проясню одну вещь. Мне плевать на твою жизнь до настоящего момента. На квартиру и на все твоё дерьмо. Ты останешься здесь, а когда уедешь, мне будет плевать, что с тобой станет. — от его слов по спине поползли мурашки, отчаяние лишь усилилось. — С этого момента ты — моя игрушка. Будешь делать то, что я скажу, есть то, что я скажу, и ходить в туалет, когда я скажу. Прежняя жизнь закончилась.

Дыхание сбилось, и когда Оникс отпустил меня, я схватилась за то место на моей руке, где находилась мужская рука, словно стирая его прикосновение. Затем отодвинулась настолько далеко, насколько позволяло сиденье.

Я изо всех сил старалась сдерживать слезы. Получается, я была для него просто игрушкой, с которой с которой он будет развлекаться в течение следующих нескольких недель. Вроде не должно задевать, но почему-то болело глубоко в груди. В одном я была уверена — не позволю ему понять или почувствовать это.

Еще никто никогда не обращался со мной как с одноразовой вещью — именно ею я ощущала себя. Поэтому не проронила ни слова до конца пути.

Мы свернули с главной дороги на просёлочную. Следить за дорогой стало очень трудно. Казалось, Гаррет намеренно делал больше поворотов, сбивая меня с толку. Машина в очередной раз повернула и покатила вниз по длинной подъездной дорожке, освещенной

фонарями.

Я увидела очень большие черные железные ворота с колоннами, по обеим сторонам от которых стояли статуи драконов. Они вызвали у меня любопытство. Может, я ожидала увидеть горгулий, но спрашивать ничего не стала, ведь по большому счету это не имело значения.

— Сиди здесь, — приказал Оникс, открыв дверь и покинув салон авто.

— Что он там делает? — спросила я Гаррета, особо не ожидая услышать ответ.

— Открывает ворота, — честно сказал тот.

Я вопросительно подняла бровь и поймала взгляд Гаррета в зеркале заднего вида.

— Он никому не доверяет код от них.

Это меня потрясло, потому что, насколько я поняла, мужчины были друзьями, партнерами или вроде того. Оникс явно не беспокоился, что Гаррет сдаст его за мое похищение. Между ними существовала какая-то связь и доверие.

— Даже тебе?

— Никому.

Ворота открылись, и Оникс вернулся в машину.

— Подъезжай к главному дому. Машину оставишь на парковке у гаража, — приказал он Гаррету, не удостоив меня даже взглядом.

— Как грубо. Ты даже не пригласишь его зайти? — слова слетели с моего языка прежде, чем я успела подумать. Это ведь обычные вежливые манеры, простая любезность, но Оникс Блейк не придавал им ни малейшего значения.

Взгляд темно-синих глаз переместился на меня.

— В Мэнор никто не заходит.

Скрестив руки на груди, я выпалила в ответ:

— Но это нормально, что ты привез сюда меня. Ту, которую и знать не знаешь. — Что-то здесь было не так. Кусочки головоломки никак не складывались вместе.

— Верно, — только и вымолвил он, прежде чем машина остановилась. У меня перехватило дыхание, и из горла вырвался странный звук. Слово «дом» не подходило этому месту, это был настоящий каменный замок — три этажа, окна в форме полумесяца, и свет, горевший в каждом квадратном дюйме помещения.

В подобных местах рождались сказки, такой замок можно было бы использовать в качестве реквизита для какого-нибудь диснеевского фильма о принцессе. Дом казался уютным и манящим. В нем было нечто такое, что не позволит мне сбежать от этого мужчины.

— Ты живешь в замке? — прошептала я, когда Оникс открыл свою дверь и повернулся ко мне.

Его предупреждающий взгляд был темным и пугающим.

— Это не детская сказка, и я точно не принц.

Эта мысль даже не приходила мне в голову. Весь облик мистера Блейка и его телосложение говорили об опасности. Нет, он совершенно не походил на прекрасного принца. Вместо ответа я потянулась к ручке двери, но та оказалась заперта.

— Выходи, — потребовал Оникс, стоя у своей открытой двери.

Я начала двигаться по кожаному сиденью.

— Знаешь, я в состоянии открыть дверь и выйти из машины самостоятельно.

Он схватил меня за руку, не сильно, но привлекая внимание.

— Если хочу, чтобы ты вышла с этой стороны, значит, ты выходишь с этой стороны.

— Увидимся, — крикнул Гаррет, когда Оникс захлопнул дверь, не дав мне времени попрощаться. Гаррет развернулся и умчался, словно горел в огне и хотел убраться отсюда к чертовой матери. Он ни разу не спросил Оникса о том, что тот собирался со мной делать, и, похоже, вовсе не беспокоился о моем благополучии. Что же это были за люди? Что за бизнес они вели? Более того, во что, черт возьми, ввязались моя сестра и Малкольм? Я не могла собрать в кучу мысли в голове.

Оникс взлетел по лестнице к входной двери, и меня охватило дурное предчувствие.

Холодок пробежал по спине, и кожа покрылась мурашками, когда мужчина открыл дверь и пропустил меня внутрь. Я застыла на месте, словно ноги приклеились к полу суперклеем.

В моем воображении замок был уютным, в теплых цветах, с камином, удобной мягкой мебелью, на которой хотелось бы посидеть, с яркими коврами и шторами. Но здесь не было абсолютно ничего.

Белое. Все совершенно белое. Чистый холст. Пустой цвет.

Все, от высокого потолка и до пола, было белым. Ни единого цветного пятнышка. Стол в фойе с белыми ножками и прозрачной стеклянной столешницей выглядел неуместно на открытом пространстве.

Комната справа тоже была белой. Белые стул и стол со стеклянной столешницей. Я посмотрела на свою обувь, гадая, нет ли на ней грязи. Мама воспитала в нас внимательность и уважение, и моя первая мысль была: хоть бы не испачкать эти полы. Замок казался стерильным, холодным и здесь пахло хлоркой, как в больнице.

Неужели мистер Блейк расчленял трупы, а потом скрывал улики? Страх пронизывал меня насквозь, и мне никак не удавалось избавиться от темных мыслей.

Оникс легонько толкнул меня в спину, заставив сделать шаг вперед, затем закрыл за собой дверь и запер ее. Звук засова вызвал тошноту, напомнив о том, что мне никуда отсюда не деться. Черт возьми.

— Пойдем, покажу тебе твою комнату.

Оникс — единственный цветной объект в комнате, кроме меня, — подошел к широкой лестнице, которая выглядела так, словно была вырезана из мрамора или чего-то подобного. На ней стук моих каблучков отдавался громким эхом, словно фейерверк, взрывающийся в тишине. Ровно два пролета. И этажи, как вы уже догадались, белые. Я не могла понять все это, как бы ни старалась. Бесцветное пространство было настолько пустым — как и мужчина передо мной — что осознание застало меня врасплох: как человек может быть абсолютно бездушным?

Замок походил на одну из тех больниц, где запирали людей. Жутко. Мне нравилось смотреть фильмы ужасов, но не жить в них.

Оникс провел меня по белому коридору. На стенах не было никаких картин. Никаких сувениров или личных вещей. Каждая дверь, мимо которой мы проходили, была закрыта.

Оникс остановился у последней, широко распахнув ее.

— Вот здесь ты и будешь жить. Проходи. А у меня дела.

Я обхватила себя руками, почувствовав холодную дрожь. Медленно вошла в комнату. Поправка: я вошла в *белую* комнату. На стене висел белый телевизор, я никогда не видела подобных в магазинах. Огромная белая кровать. Постельное белое белье. Стены белые. Зона отдыха белая, с белой мебелью. Почему здесь все было таким белым? Таким безжизненным?

И как подобное характеризовало мужчину, с которым я проведу следующие пару недель?

Не сказав больше ни слова, мистер Блейк захлопнул дверь, и я услышала громкий предательский щелчок. Я быстро повернулась и посмотрела на замок, который, казалось, насмеялся надо мной. Оникс запер меня. Выбраться невозможно. Бежать некуда.

Я действительно стала пленницей.

ОНИКС

«"Выходное пособие" для Джейкоба доставлено».

Экран телефона высветил текстовое сообщение от Дэйна, когда я вошел в свой кабинет. «Принято» — написал я в ответ, сев за стол.

Никогда не сомневался, что работа будет выполнена. Дэйн Андерсон — единственный человек, который знал каждого моего демона еще до того, как мы оба поняли, что означает наличие скелетов в шкафу. Он был моим *хранителем*, напарником, если уж на то пошло. Если бы мне пришлось назвать кого-то родственником — то только его, без сомнения. А насчет его работы: никто и никогда не делал ее лучше.

Включив компьютер, я проверил электронную почту. На экране появилось досье на Тори Лейн Макалистер. Я уже читал его, когда рассматривал Ланье, как клиентов. В нем было много информации, которая привлекла мое внимание с самого начала. Ланье совершили ошибки, что дало мне как раз то преимущество, которое было необходимо в отношении моей маленькой пленницы.

Сегодня в доме Малкольма мне сообщили последние новости о ее работе. Это было обычным делом для всех наших клиентов — мы оставались на вершине, зная все о них и каждом их близком человеке. Торрин не стала исключением. Даже взглянув на досье во второй раз, я не увидел ничего удивительно нового.

У двадцатилетней женщины с каштановыми волосами и карими глазами было высшее образование и чертова уйма неудач.

— Ну, Гарантия, удача тебе не скоро улыбнется, — пробормотал я себе под нос.

Детальная информация включала номер ее социального страхования, средний балл в школе и колледже, сведения о работе, налоговые декларации, каждый адрес, который она когда-либо меняла, дату смерти ее любимой матери и даже количество мужчин, с которыми она трахнулась за всю свою жизнь. Весь мир находился в моих руках, и я использовал его, чтобы получить желаемое. Но в этом мире не было ничего запоминающегося, в то время как женщина в моем доме определено была. В досье не было фото соблазнительных изгибов ее груди и задницы, а жаль, ведь я не пропустил бы ни одного дюйма ее тела. С ней будет забавно играть, пока мне не надоест.

Проведя пальцем по экрану телефона, я позвонил Пакстону. Он снял трубку на втором гудке.

— Сумасшедший сукин сын!

— И тебе привет, засранец.

— Гаррет сказал, что ты позвонишь. Я узнал имя и адрес ее домовладельца, и, разумеется, все мы уже в курсе о Ланье. Как ты собираешься играть в эту игру, Оникс?

Откинувшись на спинку стула, я быстро все обдумал, потому что игра уже была запущена, как только мы покинули дом ее сестры. Как же поступить с Торрин Макалистер? Мои инстинкты завели меня настолько далеко в моей жизни, что теперь я к ним прислушивался.

— Сотри любую информацию о ней с лица земли. Пусть ни одна душа не ищет ее, кроме сестры — занозы в заднице.

Пакстон рассмеялся. Я не шутил, напротив, был серьезен. Не хотелось, чтобы кто-то еще

вспоминал о женщине, которая ворвалась в мою жизнь. Ни ее коллеги, ни друзья... никто, кто когда-либо контактировал с ней. Торрин просто исчезнет.

— Считай, дело сделано, — ответил Пакстон.

Пакстон был членом семьи. Гаррет был членом семьи. Дэйн был членом семьи. Я никому не доверял больше, чем этой троице, но они все равно стопроцентно не знали меня. И никогда не узнают. Никто не мог обладать мной целиком, это было не в моем характере.

— Гаррет упомянул, что ты повез ее с собой в Мэнор.

Я зарычал из-за длинного языка Гаррета. Мэнор был моим домом, моим личным пространством.

— У Гаррета киска вместо яиц, раз треплется о моих делах. Надеру ему зад, когда увижу.

— Не буду передавать ему это сообщение, — заявил Пакстон, прежде чем сменить тему. — Дом на Коммон Стрит заполнен. И последняя проверка показала, что все снабжены товаром. Контракты заключены для каждого резидента.

— Хорошо, — пробормотал я, мне было все равно. Дела шли полным ходом. У нас была система, которая ни разу не подводила. Мы построили четыре дома за пределами Ланкастера, штат Пенсильвания: дом на Кэрол Стрит, дом на Коммон Стрит, двухуровневую квартиру на Корбин Авеню и здание на Карсен Лейн.

Гаррет с Пакстоном держали все на высоте ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы ни правительственные чиновники, ни полиция, ни бюрократические придурки в Филадельфии не мешали нам работать. Мы с Дэйном следили за резидентами, товаром, клиентами и их помощниками и, конечно же, за любой возникающей конкуренцией.

— Пусть она исчезнет, — напомнил я Пакстону о цели звонка, прежде чем повесил трубку. Необходимость прощаться или любезничать отсутствовала. Мы вчетвером не были вежливыми парнями, не будем никого обманывать.

Неужели я разрушал жизнь своей Гарантии? Возможно. Было ли мне все равно? Да.

Ее сестра навлекла все это дерьмо. Она и ее придурок муж, который не понимал правил игры. Они должны были прочесть мелкий шрифт. Очень мелкий шрифт. Теперь пусть удивляются последствиям.

Я являлся кукловодом, держащим нити, гроссмейстером игры. Они попросили присоединиться к моему миру на моих условиях. Да, с Гарантией будет определенно весело. Когда все вокруг рухнет, Торрин спросит свою старшую сестру, почему заплатила *такую* цену. Но ответ уже не будет иметь значения. Они могут считать меня хуже самого дьявола, что будет правдой. И уж точно я не буду страдать из-за этого бессонницей.

Когда я быстро переключил окна на компьютере, то она экран выскочили видео с камер видеонаблюдения. Первым делом я украдкой взглянул на свою гостью. Она чувствовала себя не так комфортно, как я себе представлял. День выдался долгим, и я подумал, что девушке хотелось бы отдохнуть. Во всем доме не было ни одной кровати, более удобной и уютной, чем та, что стояла в ее комнате. Торрин расхаживала взад и вперед по зоне отдыха, даже не пытаясь рассмотреть все вокруг.

Она была умна, без сомнения. И силилась понять, насколько серьезно вляпалась в дерьмо. Я ухмыльнулся, наслаждаясь тем, как она в отчаянии вцепилась в свои волосы.

Напряженная, но не сдающаяся. За ней было приятно наблюдать.

Но она об этом не знает.

Никогда.

Нажав клавишу F4, я переключился на комнату в доме на Корбин Авеню. Товар для Ланье спокойно их ожидал. Казалось, все в порядке. Они очень долго ждали, прежде чем попасть в мой мир, и было довольно печально видеть, как нетерпеливы оказались в итоге.

Гарантии.

Они умоляли о них.

В жизни никогда не бывает ничего гарантированного, даже смерть.

Вспомнил, какое дерьмо преподнесла мне жизнь, но я не погряз в нем — не позволил ни одной гребаной трудности сбить меня с ног. Выключив компьютер, я выкинул из головы мысли о Ланье. Как только нахлынули чувства из прошлого, я оттолкнул их, решив, что в офисе слишком скучно и гораздо веселее будет провести время с гостьей.

Когда я переступил порог спальни, Торрин посмотрела на меня диким ярко-зеленым взглядом. Хотя я точно помню, что при нашей первой встрече цвет ее глаз был ореховый. Получается, глаза Торрин меняли цвет в зависимости от настроения девушки — еще один кусочек информации, которую необходимо запомнить и которая отсутствовала в досье.

— Ладно, мистер Блейк, пора нам все обсудить, — Торрин расправила плечи, явно испытывая страх, и тяжело сглотнула, стараясь быть храброй.

Должен признать, мне нравилась борьба внутри нее. Было бы забавно такую сломить.

— Понятия не имею, что именно, по-твоему, нам нужно обсудить, но в любом случае, говори. — Я снял пиджак и бросил его на стул в углу. Медленно закатал рукава застегнутой на все пуговицы рубашки, обнажая татуированное предплечье.

— Ты не похож на обычного бизнесмена, — отметила очевидное Торрин.

Я не стал комментировать.

— Так каким же бизнесом ты занимаешься? — спросила она, пытаясь понять меня и искренне полагая, что я отвечу на ее вопросы по доброй воле.

Засунув руки в карманы, я посмотрел девчонке в глаза.

— Тем, который приносит херову кучу денег.

Торрин даже не впечатлилась моим ответом. Похоже, она была раздражена, будто иметь деньги считалось сродни хладнокровному убийству.

— Как ты познакомился с Кеннеди и Малкольмом? — настаивала она.

Решив развлечь ее еще немного, я прислонился к стене и пригладил бороду, дав понять, что собираюсь сообщить какую-то информацию. Борода не была слишком длинной, как у какого-нибудь деревенского охотника. У меня был парикмахер, который следил за моим внешним видом. Но, оказывается, она могла быть хорошим отвлечением при необходимости. Люди всегда обращают внимание на то, куда направлена рука человека. Рука на бороде привлекала внимание к лицу. Неосознанно Торрин перевела взгляд на мой подбородок. Девчонка находилась под моим гипнозом, под моим контролем, как я и желал.

— Они искали вещь, которую я поставляю.

Она удивленно подняла бровь.

— Лжец! — бросила Торрин с вызовом. — У них всё есть!

Это была опасная ошибка с ее стороны. Я двинулся вперед, она попятилась к окну. Я шагнул ближе, словно лев, бросающий вызов всей гребаной стае, Торрин уперлась в подоконник. Крепко обхватил ее шею толстыми, мозолистыми руками, достаточно чтобы привлечь внимание.

Я уловил биение пульса, а Торрин выпучила от страха глаза, но не проронила ни

слезинки и не позволила мне почувствовать ее страх.

Сильная.

Она была идеальным противником.

— У меня много имен, Гарантия. Отморозок, сволочь, безжалостный, властный, бесстрашный и человек, которому плевать на все, кроме своего слова. Называй меня любым гребаным именем, каким захочешь, но я не лжец.

Девчонка тяжело сглотнула и попыталась убрать мои руки.

— У моей сестры есть всё, о чем она мечтала!

О, как же она верила в свою милую Кеннеди! Даже в данной ситуации Торрин всё еще защищала ее! Это было почти вдохновляюще. Семейная верность, о которой я мог только мечтать.

Я стоял, прижав к подоконнику девушку со страхом в глазах, яростью, бурлившей в венах и глубоко укоренившейся верой в то, что у Кеннеди не было от нее секретов, и меня посетила лишь одна мысль.

Сломить Торрин Макалистер будет определенно забавно.

ТОРРИН

Хватка на моем горле стала жестче, Оникс не полностью перекрыл мне доступ воздуха, но дал понять, что мог сделать это в любой момент. Страх струился по венам, и я боролась, скрывая его. Складывалось впечатление, что мужчина получал удовольствие от происходящего, а у меня не было намерения его потешать. Казалось, он хотел, чтобы я осознала, что беззащитна перед ним.

Я каким-то образом умудрилась оказаться полу-добровольным пленником в его мире. Мире, о котором и знать не знала.

И самое страшное — я ему поверила. Доверять этому человеку я никогда не смогу, но полностью поверила в то, что он не был лжецом и шутником.

— Почему ты впутал во все именно мою сестру? — продолжала настаивать я, требуя ответов. Оникс лишил меня возможности общаться с ней напрямую, поэтому я расспрашивала его.

Он наклонился, приблизившись к моему лицу, а мне некуда было деться — я спиной прижалась к окну.

— Это она пришла ко мне. А не наоборот, — его жаркое дыхание ласкало кожу, посылая легкую дрожь по позвоночнику. Рядом с этим мужчиной невозможно было разумно размышлять, я ощущала лишь его аромат и прикосновения к горячей коже.

Он не объяснил, по сути, ничего, а мне хотелось все понять. Хотелось сложить кусочки головоломки вместе. Узнать, почему я находилась здесь, а не с сестрой, которая была опустошена моим отъездом. То, как она рухнула на пол, до сих пор стояло перед глазами.

Оттолкнувшись от подоконника и сделав несколько шагов назад, Оникс покачал головой.

— Чем больше ты спрашиваешь, тем больше бесишь. Поверь, ты не захочешь, чтобы я разозлился, Гарантия.

— Меня не так зовут! — прорычала я.

— Мы это уже обсуждали. Я не повторяю дважды. — Оникс небрежно повернулся к двери, запер ее, а затем принялся расстегивать рубашку.

— Что ты делаешь?

Почему он раздевался? Ни за что на свете я не буду с ним спать! Ему нужно было немедленно выбросить это из головы. С каждой расстегнутой пуговицей дюйм за дюймом моему взору открывалось татуированное тело. Ангельские крылья украшали мужскую грудь, простираясь от плеча до плеча по четко очерченным мышцам. Торс по бокам и обе руки тоже были покрыты татуировками. Каждая уникальнее другой. У меня на языке вертелась куча вопросов о них, но я еле сдержалась. Спрашивать обо всем было в моей натуре. Находиться в подобной ситуации и держать рот на замке было тяжело.

Никогда еще я не видела человека с таким количеством воспоминаний, отраженных на теле. Это были не татуировки с плаката на стене или фразы из какой-нибудь книги. Все было продумано, сделано по индивидуальному заказу. Каждая татуировка по отдельности привлекала мое внимание, но они, скорее, сливались в историю, которую я хотела бы прочитать.

— Хочу принять душ. Присоединишься? — Оникс снял рубашку, скинул ботинки и

начал расстегивать брюки, бросая одежду в кучу на пол. Белый ковер теперь был усеян его вещами — единственное цветное пятно в комнате.

— Не надо здесь мыться! Разве у тебя нет своей комнаты? — Мне следовало отвернуться и уставиться в окно, но его тело было произведением искусства, и я с трудом оторвала от него взгляд. Загар на коже, будто мистер Блейк тренировался на солнце, лишь придавал яркости его татуировкам. Рельефные линии пресса, изгибающиеся при каждом движении, буквально меня заворожили.

Он ухмыльнулся.

— И пропустить все самое интересное? — брюки упали на пол, и Оникс остался в обтягивающих боксерах. Прежде чем что-то сказать или сделать, он просто стянул их вниз. Только тогда я быстро отвернулась. Разумеется, хотелось посмотреть на его хозяйство, но чувство негодования из-за положения, в которое он меня поставил, победило, и я не стала подглядывать.

— Оденься обратно! — мой пульс ускорился, сердце почти выпрыгивало из груди.

— Может, лучше повернешься и хорошенько все рассмотришь? Все равно мой член скоро окажется в тебе.

Я усмехнулась.

— Размечтался! — Что за чертовски высокомерный придурок!

— Посмотрим.

В ванной зашумела вода, и только тогда я обернулась. Я отчаянно желала связаться с сестрой. Мужская одежда лежала на полу, и я инстинктивно подошла к ней, обшаривая карманы. Мелочь и поцарапанная зажигалка «Zippo» — единственное, что я обнаружила внутри карманов. Проклятье.

Даже бумажника не было, чтобы порыться в нем.

Что, черт возьми, мне делать? Зная, что дверь в комнату заперта, я все равно попыталась ее открыть, а потом в гнев хлопнула по ней рукой. С каждым мгновением я ненавидела Оникса все больше всем своим существом. У него был весь контроль, вся власть, а я не могла ничего, кроме как в ней находиться.

В ловушке.

Одна.

Напуганная.

Моя жизнь должна была складываться совсем иначе. Конечно, в ней случались дерьмовые моменты, но не настолько! Никогда не было так плохо. Может сейчас, у меня и не было сестры, к которой можно было бы обратиться за советом, но моя мама воспитала меня далеко неглупой женщиной. Так или иначе, я выясню, что мистер Блейк имел на Кеннеди, исправлю это и уберусь отсюда к чертовой матери.

Душ выключился, и через несколько мгновений Оникс вышел в одном полотенце, низко сидящем на бедрах. Я начала мысленно повторять: «*ненавижу его, ненавижу*». За всю свою жизнь я видела такое тело только в журналах или по телевизору. Он не сравнится ни с одним из всех моих бывших, и самое плохое — Оникс об этом знал. Проницательный взгляд подсказал мне.

— Устраивайся поудобнее. Поживёшь здесь некоторое время, — бросил он небрежно, подойдя к одному из белых ящиков комода и вытащив оттуда черные боксеры. Полотенце упало, демонстрируя упругую задницу и самую большую спину, которую я когда-либо видела.

На ней был изображен феникс, но не просто феникс. А поднимающийся из пепла и ярко-оранжевых языков пламени. Невероятно красиво.

Могла признать официально. Жизнь меня ненавидела. Совершенно точно. Я презирала мужчину передо мной, но была очарована его телом. Разве мог настолько беспечный и жестокий человек быть таким чертовски горячим? Несправедливо. Но такова жизнь.

— Хочу знать, что происходит, — потребовала я, скрыв страх, надеясь, что мои слова прозвучали твердо и решительно.

— Смирись уже. Опустись на кровать, или я привяжу тебя к ней, — изогнув брови, Оникс пересек комнату. — Мне больше нравится вариант со связыванием. — отступая, я ударила о кровать, а мужчина потянулся к моим запястьям, крепко схватив их.

— Нет, не связывай меня, — я ненавидела то, как срывался мой голос, но уже чувствовала себя в ловушке.

Левый уголок его губ медленно растянулся в ухмылке.

— Да, думаю, сегодня свяжу, — он обхватил меня за талию, но я боролась. Всем своим существом брыкалась, царапалась, кусалась и била, но ничто не смогло его остановить. Я не была миниатюрной и имела достаточно округлостей, и, чтобы научиться жить счастливо с каждой частью своего тела, мне потребовалось много времени в жизни. И все же Оникс легко поднял и понес меня.

Теперь мне хотелось, чтобы мои чертовы округлости превратились в мускулы, чтобы у меня появился хоть какой-то рычаг воздействия на мужчину. Он повалил меня на кровать, и я пыталась сопротивляться, клянусь. Щелчок металлического наручника вселил в меня невообразимый страх. Оникс схватил меня за другую руку. Это было бесполезно, но я вырывалась. Металлический наручник снова щелкнул, приковав меня к кровати, к нему. То, что мне никак не удавалось даже сдвинуть наручники, было удивительно. Я напряглась, пытаюсь разглядеть изголовье кровати, но не смогла.

— Сними их с меня! — закричала я очень громко, чтобы было слышно на гребаной луне. Кто-то же должен находиться в этом проклятом месте, кроме нас.

Мистер Блейк покачал головой, словно догадался, о чем я думала. Я пнула его, попав в ребра. Глаза Оникса сузились. Он выглядел взбешенным. Черт, он ведь предупреждал, что его лучше не злить.

Кровать под Ониксом скрипнула, он встал, подошел к другому комоду и вытащил толстую веревку.

— Нет! Ты не станешь меня связывать!

Я пиналась и брыкалась ногами, но он легко схватил меня за лодыжку, обвязав ту веревкой, а затем привязал к отверстиям в изножье кровати. Я увидела их и запаниковала. Черт, со сколькими женщинами он проделывал подобное?

— Я же говорил. Или по-моему, или никак. Можешь провести следующие несколько недель привязанной к кровати, мне все равно. Но не хотелось бы трахать мешок с костями, поэтому тебе нужно есть.

— Иди в задницу! — рычание исходило из глубины всего моего существа, и я хотела сопротивляться, но все четыре мои конечности были связаны, что было адски неудобно. Каждое движение лишь сильнее натирало кожу и саднило.

— Мне нравится, когда ты говоришь непристойности, — сказал Оникс без улыбки. Я тут же закрыла рот, не желая давать ему то, чем он мог бы насладиться или перевернуть в свою пользу. Он небрежно щелкнул выключателем, погасив свет, и забрался ко мне в

постель.

В комнате были установлены французские двери, ведущие на балкон. Лунный свет просачивался в них, отчего все белое пространство выглядело еще более ярким даже ночью. Так как я не могла найти часы, то понятия не имела, сколько было времени. Учитывая, что днем я находилась у сестры, а дорога сюда заняла много времени, то по моим предположениям, сейчас должно было быть около десяти или одиннадцати вечера.

Как здесь вообще отслеживать время? Как не сойти с ума? Я даже не знала точно, куда меня привезли. Почему Оникс Блейк поселил меня в эту комнату? Или это его комната? Я была поражена, когда он начал раздеваться передо мной. У меня было больше вопросов, чем ответов. Страх испытывала больше, чем спокойствия. И больше всего меня интересовало, что принесет завтрашний день с этим безумцем рядом.

Я пыталась, но не смогла взять дыхание под контроль. Кровать была невероятно огромной. Скорее всего, ее сделали на заказ. Выдернув из-под меня белое одеяло, Оникс лег под него и прикрыл мою грудь. Затем подошел ко мне и просунул одну руку под меня, другой обнял, а затем закинул свою ногу на мою. Я была скована наручниками, связана веревками, и захвачена мужчиной, который выглядел, как танк. Оникс поправил одеяло, накрыв нас обоих, и прижался лбом к моей голове.

— Мне нужно пописать, — прошептала я, думая о том, как бы вырваться из его хватки.

— Поздравляю, — пробормотал он.

Я попыталась приподнять бедра.

— Я не могу спать, когда ты меня так душишь! — огрызнулась я. Оникс ничего не ответил и даже не пошевелился. — Границы, мистер Блейк! Разве у тебя их нет? Меня связали, заковали в наручники и заперли. Я никуда не сбегу!

Он не произнес ни слова. И не пошевелился.

— Нравится ставить людей в неловкое положение? — спросила я, не ожидая ответа, а больше для того, чтобы остановить вихрь мыслей в голове.

На это Оникс лишь крепче сжал меня.

— Я опишу постель. И все твои белые одеяла. И белый матрас тоже, — я говорила, словно ребенок, закатывающий истерику, но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

Оникс поднял голову и встретился со мной взглядом.

— Пописаешь через шесть часов, когда проснемся.

Прежде чем я успела ответить, он опустил голову на прежнее место. Мне не нужно было в туалет. У меня даже не было времени выпить что-нибудь в этом хаосе, поэтому писать я не хотела. Я просто желала, чтобы Оникс развязал меня, снял наручники и дал поразмышлять, но надежда исчезала с каждым его отказом. Несгибаемый — вот как я бы охарактеризовала его. Что было не очень хорошо для моего будущего.

Я вдыхала его аромат — древесное мыло с легким привкусом специй и ванили. От этой смеси мое обоняние и разум жаждали большего. С каждым вдохом я чувствовала, что дышала все глубже и глубже.

Оникс напряженно лежал, не двигаясь. Я ждала, что он уснет. Даже молилась.

В конце концов, поняла, что начала привыкать к его присутствию, и мне с трудом удавалось держать глаза открытыми. Через некоторое время, я сама начала засыпать рядом с негодяем, который выдернул меня из моей же жизни и удобно расположился под боком, в то время как я была несчастна, напугана, но все еще твердо уверена, что он ничего от меня не получит.

Всего лишь очередной ухаб на дороге под названием жизнь. Прошел только один день, кто знал, сколько еще осталось?

Оникс Блейк, вот кто.

ОНИКС

Свет был нереально ярким, и я сразу понял, что проспал. Подобное было не типично для меня, но и не впервой. Я вел уникальную жизнь, где работа иногда затягивалась до поздней ночи, поэтому никто бы не поднял тревогу из-за того, что я до сих пор находился в кровати. Да и, честно говоря, плевать мне на всё хотелось. В большинстве случаев работа могла и подождать. А для тех немногих дел, которые были вне моего контроля, существовали управляющие.

У девушки, лежавшей рядом со мной, был невероятно разъяренный вид. Разумеется. Она ведь ощущала жжение от веревок на руках и ногах. Более того, станет еще хуже, когда я их развяжу. А Торрин никогда раньше не связывали, насколько мне было известно.

— Освободи меня, — выдавила она, практически дрожа — женское терпение давно испарилось. Но ее старания держать себя в руках выглядели довольно забавно.

Вместо этого я скатился с кровати и пошел отлить в уборную. Пусть Торрин немного попотеет, ей необходимо было напомнить, кто здесь главный, поэтому я не торопился. Единственное, на что она могла рассчитывать — все будет по-моему, без сомнений.

— Оникс! — крикнула Торрин с кровати, пока я мыл руки.

Она уставилась на меня со всей ненавистью, которую испытывала, когда я начал развязывать веревки на лодыжках. У меня аж встал из-за красных отметин на нежной коже. Естественно, остались ссадины, но это возбудило еще больше. Как только я снял первую веревку, Торрин попыталась пошевелить ногой и закричала от боли. Хороший парень помассировал бы ноги, чтобы восстановить кровообращение. Предупредил бы о том, что будет больно.

Но я ведь не был хорошим.

Я даже не мог назвать себя порядочным.

— Перестань улыбаться! — упрекнула Торрин, а у меня не получалось скрыть веселье.

— Не дождешься, — я принялся снимать вторую веревку, на этот раз девчонка хмыкнула, лишив меня своих криков. Мне почти захотелось снова связать ее, лишь бы она завершала.

— Гарантия, мне очень нравится твоя покрасневшая кожа, и то, как ты кричишь, вот думаю, до какой степени смогу тебя довести, прежде чем кончу.

Подойдя к тумбочке и взяв ключ, я расстегнул наручники. То, какая Торрин предстала передо мной, вызвало головную боль и эрекцию одновременно. Она потеряла руки, пытаясь соскользнуть с постели. Ей пришлось ухватиться за кровать, потому что неустойчиво стояла на ногах. Несмотря на то, что девчонке было больно, она ни разу не попросила о помощи.

Я знал, что она сильна духом, и увиденное подтвердило мою точку зрения. Сломить сильную женщину было вызовом, от которого я не мог отказаться. И ни один мужчина вроде меня не смог бы.

Так быстро, как только позволяли ноги, Торрин бросилась в ванную, захлопнув за собой дверь. Я быстро надел джинсы и черную футболку. Она не включила душ — просто тянула время. Ох уж эти женские уловки! Ванная комната не являлась безопасной зоной. Со мной ничто никогда не было безопасным. Торрин Макалистер не мешало бы поскорее это запомнить. Я был не из тех, с кем можно шутить, и от меня нельзя было спрятаться. Когда я

открыл дверь, она смотрела на свое отражение в большом зеркале. Судя по выражению ее лица, Торрин увидела не то, что хотела.

— Мне можно побыть одной? — спросила она, стоя у зеркала.

В обычной ситуации, я бы не дал кому-то и тех несколько секунд уединения, которые она провела в ванной. С другой стороны, обычно я не приводил женщин к себе и не позволял им так много говорить.

— Нет. Выходи и одевайся. Пойдем поедим.

Торрин фыркнула и развернулась, изгибы ее тела искушали меня взять то, что принадлежало мне. Она взмахнула руками.

— Я уже одета. В ту же одежду, что и вчера, когда ты меня похитил. У меня здесь ничего нет, и я ничего от тебя не хочу, — от того, как она выплюнула последнюю фразу, я напрягся от возбуждения. Я жаждал этого — борьбы с ней.

Мне нравилось такое ее поведение, но я всегда любил потрахать кому-нибудь мозг.

— Всегда можем обменять тебя на твою сестру.

Краска отхлынула от лица Торрин.

— Она замужем.

— Думаешь, мне есть до этого дело? — я пожал плечами.

— Нет. — она помотала головой из стороны в сторону.

— Значит, ты здесь по собственной воле. Верно? — Торрин заворчала и сжала кулаки, отчего мой член встал, что не ускользнуло от ее взгляда. — Пойдем.

Она мягко ступала по плитке позади меня.

— Я тебе не гребаная собачка!

— Но все же идешь за мной.

Девчонка замерла, уперев руки в бока, огонь ненависти ярко вспыхнул в ее глазах. Не обращая на нее внимания, я указал на комод.

— Там твоя одежда. Переоденься.

— Если думаешь, что я позволю командовать мной, то ты ошибаешься... — быстро подойдя к Торрин, я схватил ее за горло и прижал к стене, придавив своим телом и не позволив ей открыть пухлый ротик.

— Я буду делать все, что захочу и когда захочу. Если я захочу надеть на тебя ошейник и привязать к кровати или выгуливать на поводке, я, черт возьми, так и поступлю, и ты ничего не сделаешь. Поэтому заткнись и делай то, что тебе говорят.

Ярость кипела в моих жилах. Мне бросили вызов, но я не останусь в долгу. Это была первая ошибка Торрин, которую она еще не осознала. Меня нельзя игнорировать, и, судя по ее поведению, она скоро усвоит этот урок, который окажется слишком тяжелым.

— Ты так не поступишь, — неуверенно произнесла Торрин.

— А ты рискни и проверь, — выпалил я в ответ, отчасти надеясь, что она это сделает. О, как было бы весело, рискни она испытать мои нервы! Она уже и так достаточно сильно искушала меня, небольшой толчок отправил бы меня через край, и я бы взял то, что уже было моим.

Огонь в женских глазах все еще полыхал, но что-то подсказывало мне, что Торрин сдалась, по крайней мере сейчас. Я одержал победу в этом раунде, и был рад возможности надавить на нее еще сильнее в следующий раз.

В любой игре, когда на карту ставится всё, всегда нужно осознавать шансы своих противников и не забывать при этом быть на три шага впереди.

Торрин почему-то до сих пор думала, что могла всё контролировать, иметь голос, быть услышанной, чувствовать, видеть и все знать. Такова была человеческая природа. Животные всегда следуют своим инстинктам. Понятно, как определяется их место в стаде, стае или прайде. Иногда бета бросает вызов альфе, бывает альфа побеждает, а иногда наоборот. Торрин Макалистер не была бетой; она была свободомыслящей альфа-самкой. Вот только мы с ней принадлежали к разным видам. В конце концов, она поймет, что я всегда на вершине. Хотя, честно говоря, то, как она продолжала бороться за спасение, свободу, доставляло мне удовольствие.

И у меня было достаточно времени, чтобы полностью сломить ее.

ТОРРИН

В ящиках лежала кое-какая одежда, вся с бирками. Отдавать за трусики пятьдесят долларов было глупо, но я не стала спорить. Обычно я стирала нижнее белье перед тем, как надеть — на самом деле стирала всю свою одежду, но, в данный момент было лучше не вспоминать то время, когда я сама могла выбирать или решать, поэтому просто взяла то, что мне предлагали. Надевая трусики, я держала рот на замке, хотя проклятия и крики рвались наружу.

Именно так и следовало себя вести, чтобы выжить. Я просто понимала, что борьба с таким человеком, как Оникс, ни к чему не приведет. Чувствовала, что сойду с ума, сидя весь день в этой абсолютно белой комнате и в наручниках по ночам — это было унижительно. Такого я никогда раньше не испытывала. С каждым мгновением моя ненависть к этому мужчине только росла, как и разочарование, ведь моя сестра навсегда была связана с таким человеком, как Оникс Блейк.

Моя цель — постараться все понять. Впитать из окружения. Знание — это сила, и прямо сейчас Оникс знал то, что мне нужно. Необходимо было найти способ получить информацию. Что означало наблюдать, прислушиваться ко всему вокруг и надеяться собрать некоторые кусочки головоломки вместе.

Оникс принес еду на тарелке и поставил ее на комод. Затем скрестил руки на груди.

— Ешь, смотри телевизор, пялься в чертову стену, мне все равно. Позже зайду.

Не посмотрев, поем ли я, он повернулся и вышел.

К наступлению вечера, мне стало чертовски скучно разглядывать белые стены, мебель и постельное белье. Единственным ярким пятном в комнате было окно, через которое я рассматривала улицу. По телевизору показывали «Сумерки», так что пару часов я скоротала, но если проводить каждый день вот так, то можно было лишиться рассудка.

Щелкнул замок, и дверь распахнулась, открывая моему взору Оникса в костюме и пиджаке. Как он делал это, остается загадкой: к черту татуировки, в костюме Блейк выглядел идеально! В руках у него был поднос с едой.

— Пора ужинать. — Оникс пинком захлопнул дверь, поставил еду на комод, затем запер нас.

Оникс сидел со мной на кровати, пока мы ели. Он, по всей видимости, обожал переключать гребаные каналы на телевизоре. Я не знала, понимал ли он, что на втором или третьем круге мало что изменится, но ему нравилось это делать.

— Чем займемся? — спросила я, лежа на кровати примерно в футе от Оникса.

— Будем смотреть телевизор.

Я громко вздохнула.

— А днем? Мне нужно чем-то заняться.

Он указал на телевизор.

— Смотри что-нибудь.

— Серьезно? Я не могу смотреть только один телевизор.

— У меня дела, а ты сидишь здесь. — он пожал плечами. — Придумай что-нибудь, чтобы скоротать время.

— Ты реально мудака, — выпалила я.

— Серьезно? — усмехнулся он.

— Seriously.

Приготовившись ко сну, я легла и напряглась, когда всем телом почувствовала его. Он держал в руках металлические наручники.

— Пожалуйста, не надевай на меня наручники. — он не послушал меня и защелкнул наручники на моих запястьях. — Ты просто задница!

Он ничего не сказал, просто обнял меня. И заснул первым, пока я пыталась устроиться поудобнее, что было нелегкой задачей.

Этот мужчина испытывал мое терпение.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ

Так проходили мои дни. Я смотрела новости, когда просыпалась, чтобы знать, какой сегодня день. Однако пребывание в этой тюрьме было изнурительным.

Каждую ночь Онник приносил мне еду, оставался со мной смотреть телевизор, связывал меня и ложился спать. Это была закономерность. Он знал, что мне это не нравится.

Щелчок замка привлек мое внимание. Онник стоял у двери, держа ее открытой.

— Пошла. — *Пошла?* Я чертовски ненавидела, когда со мной обращались как с животным, но, возможно, другого он во мне и не видел. Не человека, а нечто, чем он обладал, словно предметом. Это лишь усилило мое отвращение к нему.

Плюсом было то, что он выпустил меня из комнаты. С каждым днем я думала, что спальня станет моей тюремной камерой, и то, что Онник позволил мне выйти, давало небольшую надежду — где-то в доме ведь имелся телефон. Моя сестра рассказала бы, чем шантажирует ее Блейк, и мы бы придумали план. Если бы не Кеннеди, я бы разобралась с ситуацией совсем по-другому. Ради сестры я сделаю все, чего бы мне это не стоило.

Дверь за мной закрылась, и меня окружил холодный воздух коридора. Это походило на жизнь в снежном замке — куда ни повернись, становилось все холоднее и холоднее. Не жалуясь, я последовала за Онником по коридору и вниз по лестнице. Все двери в комнатах были по-прежнему закрыты. В этом доме все накрепко заперто. И человек, который держал меня здесь, не желал мне открыться. Как можно тут жить? Дом был похож на одеяло из снега и льда в зимний день.

Я инстинктивно остановилась, увидев на кухне у раковины пожилую женщину со светло-русыми волосами с проседью. Я была здесь не одна. Всю неделю я внимательно прислушивалась, и мне казалось, что в поместье больше никого не пускали. Но это объясняло, кто готовил еду, которую мне ежедневно приносил Онник. Утром, в полдень и вечером он появлялся с подносом и снова уходил. У меня не было возможности сбежать, негде было спрятаться, и ничего не оставалось, кроме как размышлять о том, что выхода из ситуации не существовало.

Женщина лучезарно улыбнулась.

— Онник, кто у нас в гостях? — в ее голосе слышался южный акцент, и она была словно лучиком света в этом унылом месте.

— Это Гарантия, — монотонно ответил Онник, позволив ей задать ему вопрос. Но он и мне разрешал спрашивать о чем угодно, даже если не всегда отвечал.

Она свела брови, и я шагнула вперед.

— Я Торрин, — сказала я ей, наблюдая, как Онник закатил глаза.

— Вот теперь это похоже на имя. — ее радость было почти заразительной. Почти. В

голове было слишком много запутанных мыслей, чтобы цепляться за что-то хорошее в данный момент. — Я Эллен Сью, и здорово, что здесь теперь есть кто-то еще! — она практически визжала, как чертовски счастливая свинка, изголодавшаяся по человеческому вниманию. Я надеялась, что не стану такой после того, как все это закончится.

— Еду неси, — приказал Оникс, и я уставилась на него. Он со всеми так разговаривал? Обращался с людьми, как с дерьмом на подошве! С этим человеком действительно было что-то не так. Эта леди казалась доброй и счастливой в абсолютно белом доме. Не было причин приказывать ей.

Эллен Сью свысока посмотрела на Оникса, когда он занял место за большим столом. Кухня, кстати, тоже была белой. Как бы не пришлось есть из белой пластиковой посуды, потому что я не представляла себе вилку из белого металла.

Женщина покачала головой и подошла к холодильнику с множеством разноцветных продуктов. Странно, что вещи, которые каждый день принимаешь как должное, даже не обращая на них внимания, в какой-то момент становятся источником комфорта.

— Неужели, хоть иногда нельзя быть нормальным? — отрезала я.

Оникс приподнял бровь, промолчал. Я почти ненавидела его за то, что он не отвечал нормально на вопросы. Почти.

— Чем вам помочь, Эллен Сью? — мама перевернулась бы в могиле, если бы я не помогала на кухне. Мы с сестрой всегда помогали ей, и это было одно из лучших воспоминаний.

— О, дорогая, присаживайся, а я принесу кофе, — женщина подошла к кофейнику и наполнила две чашки. В один положила сливки и два кусочка сахара, а затем взглянула на меня.

— Черный, пожалуйста, — кивнув, она поставила мой кофе на стол, но я не стала садиться.

— Я буду рада помочь, правда.

— Гарантия, опусти свою задницу на стул, — потребовал Оникс, сделав глоток кофе. Я надеялась, что он обжег себе язык и горло, тупой придурок.

Я проигнорировала его и встала рядом с Эллен Сью, которая понимающе покачала головой. Хотелось бы мне знать то, что знала она. Стул позади нас заскользил по белой плитке. Ровно через две секунды Оникс подошел и поднял меня одной рукой.

— Отпусти меня! — закричала я. Но он не проронил ни слова.

Он небрежно усадил меня на стул, наклонился и посмотрел прямо в глаза. Не колеблясь.

— Или ты сидишь на этом стуле, или я привяжу тебя к нему.

Меня охватила паника, и я почувствовала, как начала дрожать. Эти слова были, словно магическое заклинание для мозга, которое удерживало мою задницу на стуле, пока я наблюдала, как Эллен Сью порхала по кухне, а Оникс читал газету. Все выглядело настолько нормальным, что это беспокоило меня, потому что этот мужчина был вовсе не нормальным, но Эллен Сью, казалось, не задумывалась ни о его поведении, ни о том факте, что на прошлой неделе в его спальне заперли женщину.

Эллен Сью принесла тарелки с едой и поставила их перед нами. Яйца, блины, бекон, сосиски и картофельные оладьи. В тот момент, когда я разглядывала все это разнообразие, у меня заурчало в животе.

— Спасибо.

Она кивнула, обернувшись. Я пнула Оникса под столом, его прищуренный взгляд замер

на мне. Я замешкалась, но потом выпалила:

— Ты не собираешься сказать «спасибо»?

— Никогда больше не...

Дверь на кухню вдруг распахнулась. Крупный мужчина в абсолютно черном костюме и с грязными светлыми волосами держал на мушке мужчину поменьше ростом. Мужчина поменьше кричал, но я не могла разобрать, что именно. Это был другой язык, а единственный язык, который я знала помимо своего, был испанский, но мужчина говорил не на нем.

Стул Оникса отлетел назад и рухнул на пол, а Эллен Сью подошла ко мне. Она положила руку мне на плечо, возможно, для того чтобы успокоить меня.

— Какого хера? — рявкнул Оникс на здоровяка.

Мужчина в костюме даже не вспотел.

— Поймал этого мудака на периметре поместья. У него с собой были болторезы, и он пытался вскрыть ворота, чтобы проникнуть на территорию.

Оникс посмотрел на мужчину пониже ростом, схватил большой нож для мяса с подставки на столешнице, доказав мне, что в этом доме были все-таки другие цвета помимо белого.

— Держи его руку, — приказал он человеку в костюме, который, естественно, не посмел ослушаться. Затем, прямо здесь, у меня на глазах, Оникс Блейк отрезал все до единого пальцы на руке коротышки.

Его крики были мукой для моих ушей. Ярко-красные брызги алели на фоне совершенно белой столешницы и пола. У меня на глазах жестоко изуродовали человека, и я почувствовала, будто приросла к месту. Я не могла пошевелиться и сделать вдох. Время, казалось, остановилось. Я закрыла глаза в надежде, что жуткая картина передо мной исчезнет, но она не исчезла.

Коротышка, опустив голову, кричал, а мужчина в костюме удерживал его на месте, не давая сдвинуться ни на сантиметр. Окровавленным, острым кончиком ножа, Оникс приподнял подбородок мужчины и посмотрел ему в глаза.

— Кто тебя прислал?

По лицу мужчины текли слезы, он отчаянно мотал головой, зажимая губы между зубами, чтобы не выдать информацию. В ужасе я наблюдала, как Оникс поднял нож высоко над головой. Я снова закрыла глаза и изо всех сил старалась их не открывать, но проиграла эту битву. Будто наблюдала за крушением поезда и не могла отвести взгляд. Я была уверена, что Блейк зарежет мужчину или отрежет ему всю руку. Когда он опустил нож, я в трансе наблюдала, как Оникс перевернул запястье мужчины и опустил рукоятку ножа ему его ладонь, надавив на ее. Хлынуло еще больше крови.

— Кто, мать твою, прислал тебя? Я больше не буду спрашивать! — его рычание было таким глубоким и мощным, что мне захотелось бежать, причем очень быстро, но я словно заледенела.

Мужчина выдавил из себя какое-то слово, затем замолчал. Фраза, которую он начал бессвязно произносить, не имела для меня никакого смысла.

— На английском, урод! — рявкнул Оникс угрожающим тоном, нажав на ладонь коротышки. От характерного хруста костей мой желудок сжался.

Из руки мужчины текла кровь, а слова бессвязно срывались с губ.

Оникс, однако, был спокойным и собранным. Его тон был резким, но движения тела

уверенными. Он небрежно держал нож в руке.

— Кейс, — Оникс поднял взгляд на высокого мужчину в костюме, — позвони Дэйну, нужно выяснить, кто, черт возьми, его прислал, а потом уже прикончить.

— Да, сэр, — ответил Кейс, крепче сжимая мужчину.

Как только мужчина в костюме начал тянуть коротышку назад, Оникс поднял нож и воткнул тому в живот.

— Станешь посланием для своих хозяев: никто не трогает то, что принадлежит мне, даже гребаную травинку на моем газоне.

Он выдернул нож, и мужчина закричал так громко, что у него буквально сорвался голос. Я откинулась на спинку стула, пытаюсь подавить собственные крики и кислоту, подкатившую к горлу. Оникс отбросил окровавленный нож, и тот громко звякнул, испачкав белый пол.

Подойдя к раковине, Блейк вымыл руки, в то время как человек, которого он назвал Кейсом, утащил обезображенного коротышку с нашего поля зрения. Эллиен Сью сжала мое плечо, подошла к ножу, подняла его и выбросила в мусорное ведро. Оникс отступил, вытирая руки бумажным полотенцем, в то время как Эллиен Сью проскользнула мимо него и открыла шкаф, достав оттуда флакон с дезинфицирующим средством.

Женщина была спокойна, и складывалось такое впечатление, что она проделывала подобное не первый раз.

Мой желудок взбунтовался. Разум лихорадочно работал, инстинкты кричали, что я вляпалась по уши и нужно бежать. Тем не менее, эти двое спокойно передвигались по кухне, будто подобное происходило каждый день.

Когда мысли пришли в порядок, и на меня нахлынула реальность, я начала переживать за Кеннеди. Во что, черт возьми, ввязалась моя сестра? Знали ли они с мужем, с какой женщиной имели дело? И самый главный вопрос, который я задавала себе снова и снова: что у него было такого, что им так необходимо?

Оникс остановился в дверях кухни.

— Гарантия, — позвал он, но не повернулся, чтобы посмотреть на меня. — Иди в спальню. Я в душ и переодеваться.

Боже, я ненавидела этого человека. И боялась. Мне так сильно хотелось пойти против него.

Вот только я не могла этого сделать. Особенно сейчас, увидев, на что он был способен.

Это убивало меня. Кеннеди угрожала опасность, и я не понимала, что сестре нужно от Блейка. Видимо, нечто поважнее меня, поэтому — хорошо это или плохо — придется пройти через все, что уготовил этот сумасшедший.

Насколько же жутким мог быть Оникс Блейк? И неужели он действительно думал, что все сойдет ему с рук? Почему он ставил себя выше закона?

Что-то подсказывало мне, что да, он запросто мог выйти сухим из воды. Более того, Оникс знал, что мог делать все, что, черт возьми, захочет, в том числе и со мной.

ОНИКС

Я не обернулся. В этом не было необходимости. Громкий скрежет стула по кафельному полу подсказал, что Торрин шла следом, даже если и не желала подчиняться.

Так, бля*ь, и должно быть.

Прямо сейчас у меня отсутствовало терпение выслушивать от нее всякое дерьмо. Кто-то осмелился послать какую-то «шестерку» в мой дом, в мою крепость. А это единственная недвижимость, купленная на мое имя, а не на холдинговую компанию. Адрес было достать несложно. За этим стояла какая-то причина. В моем мире так было всегда.

Сейчас я сожалел об этом решении. За все годы ни у кого не хватило смелости заслать кого-нибудь в мой дом. У меня было достаточно много врагов, но ни один из них не был настолько глуп, чтобы вытворять подобное. Кто бы ни стоял за этим, он, видимо, хотел умереть.

И я с удовольствием ему помогу.

Именно поэтому никто не знал кода от ворот, даже Кейс и Эллен Сью. Однако я не существовал словно призрак без какого-либо бумажного следа: у меня был дом, инвестиции, и, хотите верьте, хотите нет — я был гражданином, который платил налоги, хоть и далекий от закона. Чтобы не привлекать внимания к нашей деятельности, у каждого из нашей четверки имелся дом с имуществом, привязанным к личности.

В игре под названием жизнь собственность имела большое значение. Разумеется, если у тебя был дом и имущество, то ты имел определенный статус. Для некоторых это было очень важно. Для меня это было нечто большее, гораздо большее. Когда мы с моей командой начали жить самостоятельно, у нас ничего не было. Те вещи, которые мы сейчас называли своими, значили для нас все.

Никто бы не посмел прийти просто так ко мне домой и устроить все это дерьмо. Никогда.

Подойдя к двери спальни, я повернул ручку и вошел в комнату, позволив Торрин следовать за мной. Я снял рубашку, а девушка пронеслась мимо меня в ванную, практически спотыкаясь о собственные ноги. Услышав, как ее рвало, я подошел к двери спальни и запер ее. Я снял штаны, бросил одежду в кучу и направился в ванную, где Торрин сидела на коленях у унитаза и тяжело дышала.

Я подошел к душевой кабине с двумя насадками на потолке и шестью в стенах, и включил горячую воду.

Я был не против, что моя душа была запятнана кровью, но мне не нравилась кровь на моем теле, на полу или руках. Эмоционально мне было плевать. На самом деле, я бы сам с удовольствием прикончил того ублюдка, но нам нужна была информация, а моему терпению подходил конец, так как я не знал португальского.

Торрин подняла голову и впиалась в меня взглядом. Откровенно говоря, в нем не было похоти, скорее это был вызывающий взгляд, смешанный со страхом. В ее глазах читалось, что она хотела убить меня и сбежать, но в то же время сомневалась, сможет ли на самом деле осуществить это.

— Что бы ты там ни задумала, этого не случится, Гарантия. Тебе меня не убить. Никто на это не способен.

Ступив под воду, я все время смотрел на нее. Я ожидал, что Торрин отвернется, но она не сделала этого. Пока я смывал с себя кровь «шестерки», девушка не сводила с меня полных ярости глаз. Меня это возбудило.

Мне захотелось сломить ее больше, чем убить своего врага, который пробрался ко мне в дом.

Ох, Торрин Макалистер, ты все больше и больше затягиваешь нас на дно.

Я постарался выкинуть из головы утреннее происшествие. Выйдя из душа, взял полотенце и бесстыдно вытерся перед девушкой. Она сидела все в той же покорной позе — на своих гребаных коленях. Сейчас, когда мой член наполовину встал, а Торрин находилась в таком положении, мне захотелось схватить ее за волосы и дать ей в рот. Но я воздержался. На этот раз.

У нее прошли рвотные позывы. Торрин была поглощена своей ненавистью ко мне, и казалось, это помогло ей восстановиться. Пока я мылся, Эллен Сью принесла мой телефон и оставила его на комод, забрав мою одежду в стирку. У нее был ключ от спальни. Но Торрин не нужно было знать об этом сейчас.

Не успел я одеться, как зазвонил мобильный. Это был Кейс.

Я ответил, переключив его на громкую связь.

— Босс, — поприветствовал он.

— Да, ты на громкой связи, Кейс, — я натянул боксеры, бросив полотенце на пол. Парень всегда был осторожным, поэтому я не боялся, что он что-то сболтнет. И мне было плевать, что Торрин могла что-то понять или не понять из нашего разговора.

— Я узнал имя, — доложил Кейс, когда Торрин вышла из ванной. По крайней мере, она там не пряталась.

— Кто? — я натягивал джинсы, когда он ответил:

— Мальком Ланье.

Лицо Торрин побледнело, в то время как моя кровь буквально вскипела.

— Прикончи его, — отрезал я и сбросил звонок.

— Пожалуйста, Оникс, не причиняй им вреда! — умоляла Торрин. Это было мило, но я был слишком зол и мне было похрен.

Я сократил расстояние между нами.

— Похоже, ты увидишь сестру немного раньше, чем я планировал, Гарантия.

— Что ты с ними сделаешь? — спросила она с нескрываемой яростью. — Во что ты их втянул? Что у тебя есть такого, чего они хотят? — я не мог не восхищаться ее упорством.

Что ж, это был ее самый разумный, гребаный вопрос за все это время. Я ухмыльнулся.

— У меня есть все, Гарантия. Будет лучше, если ты, наконец, осознаешь, на чьей стороне сила. Все их будущее в моих руках. Видимо, им нужно напомнить об этом.

Она протянула ко мне руки. Ее прикосновение было похоже на прикосновение раскаленного железа, обжигающего душу. Я чуть не отпрыгнул назад от этого контакта... почти. Я никогда за всю свою жизнь не испытывал подобного. Каждый раз Торрин выводила меня из равновесия.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Только не моя сестра! Я сделаю все, что захочешь, останусь здесь столько, сколько потребуется, но не причиняй вреда моей сестре!

Вопреки желанию тела, я отдернул ее руки, словно те были грязные. Она была готова отдать мне все, но я не хотел. Не так. Не так я хотел вести эту игру. Честно говоря, не ожидал уступчивости Торрин.

— Обувайся, Гарантия, прокатимся, — скомандовал я, направляясь к шкафу. Я надел черную футболку, черные ботинки и черную бейсболку. Торрин пялилась на меня с широко открытым ртом. Я прочел смесь желания и ненависти в ее глазах. Прямо сейчас не было времени разбираться с этим дерьмом. И маленький танец, который мы сейчас станцевали, был опасным. Между нами ощущалось напряжение и притяжение. Противостояние, которое бушевало внутри, закончится для Торрин Макалистер не очень хорошо.

Я взял ее за руку, мы вышли из спальни и быстрым шагом спустились по лестнице. У дверей гаража я подобрал связку ключей и повел Торрин за собой. Она последовала без колебаний или вопросов, отчего я задумался о том, что же происходило у нее в голове.

Я схватил два шлема и протянул один ей. Стоя у «Харли Дэвидсона», я обернулся, чтобы убедиться, что девушка надела его. Я снял бейсболку и надел свой.

— Надеюсь, ты не спрыгнешь во время поездки. Будет очень больно, Гарантия.

— Что ты собираешься с ними сделать? А со мной?

Я не ответил ей. Вместо этого перекинул ногу через байк и завел двигатель.

Я преподам урок семье Ланье, самым жестоким образом, черт возьми.

ТОРРИН

Дрожащими руками я обхватила властного мужчину, сидевшего спереди. Того самого, который всего несколько минут назад легко и непринужденно отрубил человеку пальцы, будто отрезал кусок мяса для обеда в День благодарения. Оникс не объяснил ничего, кроме того, что мы направлялись к моей сестре, и это вселяло в меня сильный страх. Увидев, как он вел свои дела, я поняла, что моей сестре следовало держаться от него подальше, предпочтительно жить в другой стране. Черт, я даже не была уверена, что и этого было бы достаточно. Интересно, а можно жить на другой планете? Слышала, что NASA рассматривали возможность обитания на Юпитере в будущем. Навряд ли космический шаттл стоил слишком дорого.

Мотоцикл громко ревел, и каким-то образом мое тело знало, в какую сторону наклоняться на поворотах. На самом деле поездка на байке была в моем списке желаний. У меня не было возможности осуществить ее, и к тому же я считала подобную затею опасной. Но все было не так, как я себе представляла. Хотя, сложилось ощущение, что я попала в торнадо, в котором кружилась и кружилась, не имея возможности остановить происходящее.

У моей сестры было всё. У нее был любящий муж, прекрасный дом и деньги. Она всегда говорила, что хотела бы когда-нибудь съездить на Гавайи, но Оникс не был похож на турагента. У Малкольма и Кеннеди были друзья, с которыми они регулярно виделись, но никто из них не был связан с Ониксом.

На ум ничего не приходило, и я боялась, что узнаю что-нибудь плохое, когда мы приедем. И это будет очень хреново.

Оникс должен был понимать, что я буду защищать сестру всем, чем смогу. Я даже готова буду броситься под нож или словить пулю. Может, таков и был его план — убрать нас всех, чтобы больше не иметь с нами дел. Он так и сказал, что моя сестра и зять знали слишком много.

С каждой секундой страх в глубине живота разрастался, распространяясь по всему телу.

Надежда на то, что мы пропустим поворот к их дому, быстро угасла. Как только мы оказались на их подъездной дорожке, к горлу снова подступила желчь, но я смогла сдержаться. Я была шокирована, когда Оникс наклонился и набрал код открытия ворот. С кем, черт возьми, мы связались? Казалось, Блейк знал все. Что делало его еще более опасным.

Я должна была быть сильной ради своей сестры. Как бы тяжело мне не пришлось, никто не посмеет причинить Кеннеди боль. Я сделаю все необходимое, чтобы она не пострадала.

Оникс шел передо мной длинными и уверенными шагами. Я изо всех сил старалась не отставать. Постучав в дверь, он не стал дожидаться ответа. Вместо этого ворвался внутрь, а я поспешила за ним. Дверь ударилась о стену, и где-то вдалеке послышался шум от упавшей картины.

Мистер Блейк прошел через весь дом как раз в тот момент, когда Малкольм вышел из-за угла и побелел, словно призрак.

— Оникс!

— Торрин! Ты в порядке? — Кеннеди подбежала к мужу, заметила меня и сделала шаг в мою сторону, но Оникс что-то рявкнул, отчего сестра остановилась на полпути.

— Вы! — Оникс указал на них, источая тихую ярость. Повинуясь инстинкту, я встала перед ним с поднятыми руками. Оникс не вел себя так, даже когда перед ним стоял мужчина, который проник в его дом сегодня утром. Он умел подчинять себе всех присутствующих. И обычно, когда я видела его в этот момент, Оникс контролировал себя. Однако, та энергия, которая исходила от него прямо сейчас, была чистейшей яростью.

Дикой яростью.

— Пожалуйста, не надо. — мольбы не помогли, но попробовать стоило. Оникс даже не посмотрел на меня; вместо этого он сосредоточил свое внимание на моей семье, глядя на них поверх моей головы.

Он схватил меня за руку, притянул к себе и оттолкнул. Это было грубо, но не настолько сильно, чтобы причинить вред. Его намерением было убрать меня со своего пути, и он это сделал. Оникс был поглощен гневом, но все еще заботился обо мне? Каждое следующее движение Блейка приводило меня в еще большее замешательство, чем предыдущее.

— Гребаная сделка отменяется! Меня это, нахрен, достало!

Кеннеди побледнела, и Малкольм схватил ее за руку, пытаясь предотвратить падение, но не смог. Сестра упала на пол, сотрясаясь в рыданиях. Отойдя от Оникса, я бросилась к ней и села рядом, обняв. Шепча Кеннеди ободряющие слова, я умоляла ее успокоиться.

Ее рыдания превратились в истерику, слезы катились по ее лицу. Будто мир сестры разрушился из-за Оникса. Она что-то бормотала, но я не могла разобрать слов. Было невозможно что-либо понять из-за рыданий.

Кеннеди раскачивалась взад-вперед, руки бесконтрольно тряслись. Я пыталась успокоить ее, но безуспешно. Я чувствовала, как что-то внутри нее ломалось, и это убивало меня.

— Ты осмелился послать человека ко мне домой? Ты тупой ублюдок! — прорычал Оникс Малкольму, полностью игнорируя нас с сестрой. — Вы заплатите за это! — от яда в его голосе у меня по спине пробежали мурашки.

Моя сестра стала качать головой, на этот раз слова звучали четче:

— Этого не может быть... Этого не может быть... Этого не может быть... — снова и снова повторяла она, и я ужасно за нее боялась.

— Все в порядке, Кеннеди. — я старалась сильнее обнять ее, как в тот момент, когда мы узнали, что наша мать умерла. Я не особо верила собственным словам, но не теряла надежду, что все закончится хорошо. Мы смогли пережить это один раз, сможем и сейчас.

— Кеннеди переживала за свою сестру. Вот почему мы так поступили. Просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке, — спокойно ответил Малкольм, и мне захотелось дать ему подзатыльник. Неужели он не знал, когда нужно заткнуться к чертовой матери? Оникс установил здесь правила, и мы должны были их соблюдать. Возможно, я не знаю этого мужчины или правды о том, что происходило, но я знала, что Оникс никому не позволит взять бразды правления в свои руки.

— Это было ошибкой, — вот и все, что сказал Оникс.

Малкольм посмотрел на нас сверху вниз, затем снова на Оникса.

— Прости нас. Можем мы, пожалуйста, не отменять сделку? — его голос звучал так, будто он был побежден, и мне стало интересно, что это все значило.

— Нет.

Кеннеди так сильно затряслась, что пол под нами буквально задрожал. Я поцеловала ее в макушку и попыталась успокоить, но ничего не получалось.

Страх охватил меня, но я держалась изо всех сил. Всего несколько часов назад я наблюдала, как Оникс отрезал пальцы мужчине, и вот он стоит в доме моей сестры, излучая неистовую ярость. Насколько все было плохо? Чему я стану свидетелем в следующий раз? А, учитывая всё, что я знала, моя судьба вообще была неясна.

В этот момент мой мир перевернулся с ног на голову. Слова Кеннеди обожгли меня, словно клеймо. Все рушилось прямо у меня на глазах. Было ощущение, что я с огромной скоростью падала куда-то в бездну. Все кардинально изменилось со следующей фразой сестры:

— Я никогда не стану матерью... Я никогда не стану матерью... Я никогда не стану матерью..., — лепетала она, и мои мысли понеслись вскачь.

— О чем ты говоришь, Кеннеди?

— Он заберет моего ребенка... Он заберет моего ребенка... — сестра принялась раскачиваться еще сильнее, и я вместе с ней.

— Ребенка? — я посмотрела на Малкольма, который тяжело вздохнул, а затем на Оникса, который все еще был чертовски зол. Оникс направился к Малкольму, в его глазах горел огонь, точно такой же, как тогда, когда он отрубил тому парню пальцы.

Отпустив сестру, я вскочила и встала перед Малкольмом. Я автоматически протянула руки к груди Оникса. Будто могла удержать его.

— Пожалуйста. Остановись и поговори со мной, — умоляла я его.

— Нет! — раздраженно рявкнул Блейк, обходя меня и отказываясь смотреть мне в глаза. Я сделала шаг в сторону, преграждая ему путь.

— Ребенок? Ты пообещал ребенка моей сестре? — Оникс не обратил на меня никакого внимания. Вместо этого поднял меня и убрал со своего пути. Снова почувствовалось сильное давление, но он не причинил мне боли.

Все произошло так быстро, что я не смогла его остановить. Оникс замахнулся на Малькома и ударил его по лицу кулаком. Малкольм упал на пол рядом с моей сестрой, изо рта у него потекла кровь.

Двигаясь очень быстро, я снова встала между Ониксом и Малкольмом.

— Пожалуйста! Пожалуйста, не трогай его! Я сделаю все, что ты захочешь. Останусь столько, сколько тебе будет нужно. Буду с тобой добровольно и никогда не попытаюсь сбежать. Клянусь! — слова сыпались сами собой: обещания, какие-то условия. Я на самом деле была готова все это выполнить, помоги это моей сестре получить желаемое. И это желаемое, очевидно, было у Оникса.

— Готова на все, значит? — уточнил Оникс, внезапно заметив меня.

Именно этого я и добивалась — переключить его внимание на себя. Я должна была бороться за свою сестру. Я не знала подробностей, но если у Оникса был ребенок — ключ к счастью моей сестры — тогда я сделаю все, что угодно.

— Безусловно. На все, что в моих силах. Просто, пожалуйста, не разрывай сделку. По моей вине они отправили кого-то к тебе домой. По моей вине.

Оникс уставился на мою сестру и зятя, и я практически увидела, как у него в голове закрутились шестеренки. У меня был один шанс помочь сестре. Я до сих пор не знала подробностей, и, честно говоря, мне они были не нужны. Моя сестра хотела быть матерью. Моя любящая, бескорыстная сестра хотела ребенка, а Оникс держал ее мечту в своих руках. Я не могла подвести ее.

— Они хотят ребенка, а ты можешь им помочь. Верно? Если сделка останется в силе, и

я пойду с тобой, то ты поможешь им. — я уже лепетала что-то непонятное, но ему нужно было меня выслушать. — Гарантия, я твоя гарантия. — удивительно, я даже не подавилась сказанным. Я верила в каждое свое слово. Моя сестра говорила, что хочет попытаться завести ребенка, но в подробности не вдавалась. Я подумала, они решили немного подождать, или работа Малкольма помешала. Миллион и одна причина проносились у меня в голове, но кусочки паззла не сходились.

Теперь, стало все понятно.

Кеннеди была одной из тех женщин, которые были рождены для материнства. С тех пор как я была маленькой, она всегда заботилась обо мне. Она, без сомнения, стала бы потрясающей мамой для своего собственного ребенка. Если они с Малкольмом пошли на такие крайние меры, заключив сделку с Ониксом Блейком, значит, это было необходимо.

Сестра лежала на полу, поддавшись истерике. Зять зажал рот рукой. Очевидно, его никогда не били по лицу. Они потерпели поражение. Выражение отчаяния промелькнуло на их лицах, что лишило меня всех эмоций. Я должна была бороться за свою семью.

Оникс пристально смотрел на меня. Изучая, рассчитывая, решая судьбу всех нас. Молча. Лишь по тому, что его грудь поднималась и опускалась немного быстрее, я поняла, что мои слова до него дошли. По крайней мере, я надеялась на это.

— Пожалуйста, Оникс. Я боюсь за нее, — захныкала я, вытерев слезы рукавом. Кеннеди слишком много значила для меня.

— Думаешь, мне есть до этого дело? — он был диким зверем, а я была идиоткой, попытавшись приручить его. Я отпрянула от его резких слов, но он продолжил. — Думаешь, твои мольбы помогут?

— Пожалуйста, — тихо умоляла я.

Он взглянул на Малкольма.

— Я удваиваю стоимость услуги. Чтобы завтра к 10 утра деньги были на моем счете. Иначе я вернусь, и ты лишишься рук, которыми заплатил тому мудаку, проникшему в мой дом. Потом лишишься ног, потому что мудила ходил по моей территории. Мало-помалу я разрежу тебя на части.

Слезы катились по моим щекам, потому что Оникс на самом деле мог совершить подобное. Он заставит моего зятя заплатить за свою ошибку. И исполнит свое обещание, оставив мою сестру собирать осколки от жизни, если каким-то чудом Малкольм вообще останется жив. Я не могла этого допустить.

Поэтому встала на цыпочки, чтобы привлечь внимание Оникса.

— Пожалуйста, не делай этого. Я пойду с тобой. Я — твоя гарантия, помнишь? Посмотри, на что они готовы ради моей безопасности. Я — самая лучшая гарантия, которую ты можешь получить от них. Я никуда не денусь, пока ты не получишь свои деньги, а они не получают своего ребенка. Я пойду с тобой добровольно. Буду слушаться, — выдавила я, разрушая при этом часть себя. Хотя ради счастья Кеннеди я проглочу свою гордость, свою силу и волю, чтобы повиноваться Ониксу.

— Жду деньги завтра, в 10 утра. Я свяжусь с тобой. И не вздумай отправлять за ней мудаков. Торрин — мой залог. — Блейк ухмыльнулся, без сомнения, полагая, что выиграл, но он не знал, что выиграла на самом деле я. — Больше никаких игр, Малкольм, — предупредил Оникс, прежде чем схватить меня за руку и вытащить на улицу. Он не ослаблял хватку, пока мы не добрались до байка, потом он протянул мне шлем. Оникс назвал меня по имени, но у меня не было времени разобраться в своих эмоциях.

— Мне нужно убедиться, что с сестрой все в порядке. — я попыталась выкроить несколько минут, чтобы все осмыслить, и постараться объяснить Кеннеди, что я поступила так только ради нее. Шлем казался тяжелым, будто на нем лежал вес всего мира. Я не могла заставить себя надеть его, пока последний раз не увижу сестру.

— Если ты вернешься туда, то я пойду с тобой. Ты же не хочешь, чтобы я возвращался в их дом, Гарантия?

Я задрожала, слезы тихо продолжали скатываться по лицу. Он причинит им боль. Вот что он хотел сказать. Если он вернется в дом, то выполнит свои угрозы. Моим лучшим выбором было увести его как можно дальше от них, попытаться вразумить его. Даже если это была заведомо проигранная битва. Я, по крайней мере, должна была попытаться.

Не говоря ни слова, я закрепила ремень на шлеме и последовала за Ониксом к мотоциклу. Это было невыносимо. Инстинкты кричали, чтобы я вернулась утешить сестру. Оникс нажал на газ и рванул с места.

Ребенок. Моя сестра хотела ребенка. Мое сердце наполнилось радостью за нее и нашу семью. Но, затем радость сменилась грустью. Почему она не могла иметь детей? Неужели были проблемы с медицинской точки зрения?

Оникс мог все организовать. Но как? Как мог подобный человек, который режет людей, иметь что-то общее с детьми? И зачем?

Много разных мыслей крутились в голове во время обратной дороги в Мэнор. Такой мужчина, как Оникс, не был похож на человека, который имел дело с детьми. С другой стороны, торговля людьми — огромный преступный бизнес. Я видела фильмы, основанные на реальных событиях, и новости из больших портовых городов. Я не жила в пузыре и конечно же слышала о происходящем. Это была проблема мирового масштаба, и я не хотела принимать в этом участие, но все равно оказалась замешана.

Страх охватил меня, и я обнаружила, что крепче обняла Оникса только потому, что он был единственным, за кого я могла держаться. Значит, вот каким бизнесом он занимался? Стал бы он продавать моей сестре ребенка от женщины, которую против воли заставили стать секс-игрушкой?

Как Кеннеди могла пойти на такое? Она ни за что не взяла бы ребенка, который родился в результате такой ужасной ситуации. Чем больше миль мы проезжали, тем больше разум погружался в самые мрачные мысли. И каждый сценарий в голове был страшнее предыдущего.

Прежде чем я успела выработать четкий план или обдумать, почему моя сестра связалась с Ониксом, мы подъехали к воротам.

Сразу за металлическим замком находилась панель, на которой Блейк ввел код. Ворота открылись, и он подвез нас ко входу в дом. Я попыталась запомнить цифры, которые он набирал, но толком ничего не рассмотрела.

Проходя мимо статуй драконов, я подумала, что они были как раз в его стиле. Оникс Блейк сжигал огнем все, к чему прикасался.

Включая меня.

ОНИКС

Кровь бурлила в венах. Какого хрена я вообще согласился? Это было выше моего понимания. Чем таким обладает Торрин Макалистер, что связало меня по рукам и ногам и заставило нарушить собственные гребаные правила? Один гребаный умоляющий взгляд — и я сдался. Мне не нравилось такое дерьмо. Нужно было это быстро подавить.

Жизнь — игра, в которой у каждого должна быть своя стратегия. Нельзя допустить, чтобы Торрин поняла свою роль во всем этом, и заимела хоть какие-то преимущества в ситуации. Нельзя так просто все спускать ей с рук. На карту поставлены жизнь, смерть и свобода.

Я не стал заезжать в гараж, а припарковался у крыльца. Бросил свой шлем у входной двери, и Торрин сделала то же самое. Мы вошли в дом, и девушка следовала за мной по пятам. Я молчал, предположив, что она хотела что-то спросить, но не решалась. Хорошо, потому что все равно ни хрена от меня не добилась бы.

Направившись в свою комнату, я не стал запираеть дверь. Торрин пришла по собственной воле, не было нужды заковычивать ее в цепи. Если она сбежит, сделка будет расторгнута, и ребенка ее сестры продадут кому-то другому. И если этот придурок, которого Торрин называла зятем, утром не пришлет деньги, все будет кончено, и я пошлю его к черту.

В любом случае, особо не расстроюсь.

— Как ты с этим живешь? — спросила Торрин, когда я стянул футболку через голову, бросив ее на пол.

— Гарантия...

Она в отчаянии всплеснула руками, хлопнув ими по своим пышным бедрам.

— Черт возьми, Оникс! Теперь я вроде как все знаю! Я здесь по собственной воле для того, чтобы моя сестра могла забрать ребенка! Но откуда мне знать, законно ли это? Откуда мне знать, что ты не совершаешь что-то плохое? Вдруг ты накачал ту мать наркотиками или сделал что похуже? Откуда мне знать, что у Кеннеди будет здоровый ребенок?

— Ты нарываешься, — предупредил он.

— Его мать наркоманка? Если это так, у ребенка могут быть проблемы со здоровьем!

Ее глаза мерцали золотом от количества эмоций. Я хотел убить этот свет внутри нее. Хотел лишить Торрин духа, но не мог заставить себя сломить ее, хотя для этого была прекрасная возможность.

— Ты беспокоишься о ребенке?

Она кивнула. Это глубоко ранило меня. Когда кто-нибудь так беспокоился обо мне? Нас с парнями это никогда не волновало. Наблюдать, как кто-то переживает о нерожденном ребенке, было чем-то необычным, даже в моей работе.

Я осознал, что отвечал на вопросы, чтобы утешить Торрин.

— Я никогда не накачивал женщин наркотиками. И я не торгую людьми, не похищаю их и не делаю так, чтобы они исчезли. Это просто сделка.

— Значит ребенок...

Я выдохнул.

— Здоров, — я сократил расстояние между нами. Торрин проглотила свои страхи и вместо того, чтобы отступить, осталась стоять на месте. Черт, это меня заводило.

— Ну ладно тогда.

Когда я рассматривал ее, то обнаружил во взгляде искренность, что меня очень сильно удивило. Протянув руку, я обхватил ее шею и большими пальцами наклонил ее голову ко мне.

— Ты мне доверяешь?

— Верю ли я, что ты не лжешь? Да, верю. — и снова я заметил искренность в ее глазах. — Доверяю ли я тебе? Нет. За один день я увидела, как ты отрезал мужчине пальцы, ударил моего зятя и довел мою сестру до такого отчаяния, что это напугало меня до смерти. Так что нет, Оникс, я тебе не доверяю.

— Вот и прекрасно.

Я прижался губами к ее губам. Она застонала, прежде чем открыла рот, позволяя мне получить полный доступ. Мой язык проник внутрь, и Торрин прогнула спину, прижавшись своей грудью к моей. Я зарычал, желая, чтобы на ней не было футболки, ведь я не мог почувствовать ее твердые соски.

Губы Торрин припухли от моего жесткого поцелуя. Мне понравилось, когда она провела руками по моей спине, желая большего. На вкус девушка была сладкой, с небольшим привкусом специй. Дотянувшись до ее задницы, я сильно сжал ее, отчего Торрин всхлипнула. Этого оказалась достаточно, чтобы разрушить ту химию, которая возникла между нами, потому что девчонка выпрыгнула из моих объятий так быстро, что едва не ударилась об угол кровати.

Торрин покачала головой, прикрыв рукой губы.

— Нет, этому не бывать! — бросив еще один взгляд на меня, она метнулась в ванную, захлопнула за собой дверь и заперла ее. Я услышал, как девушка съехала по двери вниз, и представил, как она обхватила голову руками, размышляя о том, что только что произошло.

Я мог бы помочь ей разобраться.

Подойдя к двери, я произнес:

— Твое тело хочет меня, Гарантия, так что можешь сдать прямо сейчас.

Вывести ее из равновесия, почувствовать борьбу внутри — именно этого мне хотелось. Будь у Торрин время собраться с мыслями, она сыграла бы ту роль, которая дала бы ей некоторое преимущество. Но я никогда этого не допущу, так что лучше, чтобы она меня ненавидела. Мне так больше нравилось.

— Нет! — крикнула девушка, уже с большей уверенностью. Ее бдительность вернулась. Улыбаясь про себя, я спустился на первый этаж, взял ящик с инструментами и вернулся в спальню. Быстро открыл дверь в ванную, отчего Торрин на четвереньках отползла в противоположный от меня угол. Такая поза подходила ей идеально. Я снял дверь с петель.

— Что ты делаешь? — громко спросила Торрин, разозлившись еще больше.

— Гребаную «детскую кроватку».

Торрин расхохоталась, когда я стал выносить дверь из комнаты. Ее смех был потрясающим, я никогда не слышал ничего подобного. Черт возьми, я был уверен, что никогда в жизни не являлся причиной подобного смеха. Внутри возникло противоречие. Я хотел, чтобы девушка ненавидела меня, и в то же время жаждал услышать ее смех еще раз.

Я утащил дверь в комнату, которая располагалась дальше по коридору. Вернувшись, обнаружил Торрин, стоящую среди спальни.

— Зачем ты снял дверь? — мягко спросила она.

— Чтобы между нами не было препятствий, Гарантия.

Она склонила голову набок, изучая меня.

— Между нами много препятствий, Оникс. — в ее голосе звучала печаль.

— Я имел в виду физических. Чтобы ты не могла убежать, спрятаться или отгородиться.

Даже в ванной.

— Иногда, мне нужно побыть одной, Оникс.

Я ухмыльнулся.

— Иногда ты пытаешься что-то контролировать. Иногда пытаешься спрятаться. Но все это безуспешно. Я не дам этому случиться.

Торрин положила руку на бедро и наклонилась вперед.

— Я не знаю тебя хорошо, поэтому и отгораживаюсь!

Разведя руки в стороны, я решил дать ей шанс спросить, все, что ей хотелось.

— Вот он я, здесь. Спрашивай о чем угодно.

— Твое имя, — без колебаний выпалила Торрин в ответ. — Начнем с основного.

— Оникс Блейк.

Она покачала головой, расстроившись.

— Твое настоящее полное имя, Оникс.

— Мое официальное полное имя Оникс Блейк. Никакого второго имени, никаких причудливых псевдонимов. Если только ты не захочешь называть меня сэром Блейком, пока стоишь на коленях и сосешь мой член.

— Кто назвал тебя Ониксом?

Засунув руки в карманы, я дотронулся до зажигалки «Zippo».

— Это долгая и темная история, — ответил я, больше ничего не добавив. Действительно ли настолько важно, кто меня так назвал? Теперь те люди не являлись частью моей жизни, так что то, откуда взялось мое имя, для меня не имело значения, а для Торрин тем более не должно было иметь.

— Имя дала тебе твоя семья? — она подошла ближе.

— Понятия не имею.

Торрин посмотрела мне в лицо. Я обратил внимание, как цвет ее глаз изменился на мягкий зеленый.

— Где твоя семья, Оникс?

— Смотря, что ты имеешь в виду под словом «семья», Гарантия, — выпалил я, стоя на месте, но чувствуя, как стены вокруг сжались. Она уже зашла на запретную территорию со своими вопросами.

Будто в трансе, Торрин взглянула на меня и покачала головой.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь? Чем занимаешься?

Я протянул левую руку и коснулся ее подбородка, приподняв его.

— Тебе реально не плевать, Гарантия?

— Не думаю, что продажа младенцев в Америке законна.

Я вздохнул. А девушка весьма забавна.

— Ты права. Но их покупка тоже нелегальна, — напомнил я, намекнув, что ее сестра тоже не была честной в своих намерениях. Я не знал, почему мне захотелось это сказать, но я это сказал.

— Это единственный твой источник дохода?

Опустив левую руку и вытащив правую из кармана, я потянулся к Торрин и схватил ее за бедра.

— Все, прекращаем светскую беседу. Тебе наплевать, как я зарабатываю деньги, и тебе все равно, откуда взялось мое имя. На самом деле, готов поспорить, единственное, что приходит тебе в голову, когда ты находишься в моей компании — это как выбраться из этого дерьма, и почему ты не в состоянии контролировать свое тело.

Она была удивлена моей честностью.

— Это неправда!

— Я тебе не лгу, и ты не лги. Я вижу, как твои соски твердеют под футболкой. Вижу, как цвет глаз меняется с золотистого на зеленый, когда я рядом с тобой. То, как ты время от времени прищуриваешься, пытаешься бороться со своим желанием. Когда я раздеваюсь, ты стараешься не подсматривать, но у тебя не получается. Все в порядке, Гарантия, я тоже нахожу тебя неотразимой.

Она открыла рот и закрыла его, не вымолвив ни слова.

— На случай, если тебе интересно, у меня тоже встает на тебя. Я нахожу каждый изгиб твоего тела привлекательным, и представляю, как ты будешь дрожать всем телом только лишь от одного моего языка. Мой член длинный и большой, и я предвкушаю ощущения, когда я дюйм за дюймом погружусь в тебя.

Опустив голову, я провел языком по шее Торрин и за ухом, вдыхая ее сладкий аромат. Она положила руки на мои бедра и наклонила голову, чтобы предоставить мне больший доступ к шее.

— Я должна ненавидеть тебя, — пробормотала девушка, пока я не спеша пробовал ее кожу на вкус.

— Да, должна и скорее всего так и будет, — продолжил я поддразнивания. — Более того, ты будешь ненавидеть себя за то, что так сильно хочешь меня.

Отстранившись, я развернулся и вышел из спальни, а Торрин осталась одна, в замешательстве, с множеством внутренних противоречий, и чертовски возбужденная.

ТОРРИН

Тот факт, что я подумала о том, чтобы пойти в гардеробную, закрыть дверь и довести себя до оргазма, определенно сводил с ума. Как можно думать об оргазме, являясь пленницей? Это было большое искушение. Все тело гудело, мечтая об освобождении. Ни разу, ни один мужчина не возбуждал меня до такой степени. Мое сопротивление было сломлено в ту минуту, когда губы Оникса коснулись моих.

Я была словно в огне. Невозможно подобрать слова, чтобы описать мое состояние.

Вся эта ситуация была за гранью моего понимания. Хотя я и узнала одну часть головоломки, мне хотелось понять все. Оникс был загадочным и смертельно опасным, но настолько интригующим, что мне было любопытно докопаться до каждой детали о нем.

Он закрылся, когда я поинтересовалась о его семье. По глазам мужчины было видно, как изменилось его настроение. В одно мгновение все было хорошо, он разговаривал со мной, а в следующее между нами появилась какая-то невидимая стена. Когда я задала вопрос, каким было его детство, то Оникс ответил, что ничего не знал о своей семье, и это также сбивало с толку. На какое-то время этой теме лучше было держаться подальше.

Но я узнаю все об Ониксе, информация о семье сейчас не главное. Я не собиралась сдаваться. Больше о человеке можно было узнать от самого человека, чем от людей, которые окружали его. Самой большой загадкой был ребенок для Кеннеди и его биологическая мать. Если раздобыть информацию о них, то этого будет достаточно для начала.

Понятия не имела, почему Оникс меня так заинтриговал, но у меня было несколько недель, чтобы собраться с мыслями. Надеялась, мне удастся продержаться и не позволить своему телу выиграть войну, которую вел с ним мой разум. Испытывать влечение к такому сексуальному мужчине, как Оникс — нормальное явление. В этом не было абсолютно ничего плохого. Но помимо всего прочего, Оникс был страшным человеком, который никому ни в чем не уступал.

Верить, что он не лгал мне — это одно. Доверить ему тело и разум — совсем другое. Мой взгляд переместился на кровать. На полностью белую кровать с вычурными столбиками. Шагнув к ней, я провела рукой по углублениям в них. Они явно были созданы для того, чтобы кого-то к ним привязывать. Глаза закрылись сами по себе, а мысли унеслись куда-то далеко.

Расположившись на кровати, я лежала перед Ониксом обнаженная. Мои ноги были связаны атласными лентами, привязанными к изножью кровати, а запястья — к изголовью. Мужчина закрыл мне глаза, и фантазии понеслись вскачь. Прохладный воздух щекотал кожу, добавляя больше чувственности. Наслаждение доставляло все — взгляд Блейка, его пальцы и даже атласные ленты. Боже, Оникс так смотрел на меня, будто собирался съесть живьем, жестко трахнуть и перевернуть весь мой мир с ног на голову. Он возбуждал меня, как никто другой.

— Ты будешь дрожать всем телом только лишь от моего языка, — предупредил Оникс как раз перед тем, как я почувствовала горячее и обжигающее прикосновение его руки к лодыжке.

Он начал с коленного изгиба моей левой ноги, проведя по прохладной коже мягкими теплыми губами. Я потянула за ленты, желая большего, чем легкие, как перышко, ласки.

Ощутила его дыхание выше, на бедре, прежде чем Оникс прижался к нему горячими губами, отчего я дернулась. Сначала он лизнул кожу языком, а потом прикусил зубами, переместившись к внутренней стороне бедра. Медленно, дюйм за дюймом, Блейк исследовал мою плоть ртом. К тому моменту, когда он достиг моей киски, я была уже мокрой и готовой.

Оникс подул на нее, прежде чем пройтись языком чуть выше тазовой кости. Я выгнулась, мечтая, чтобы он переместился чуть ниже. Жаждала, чтобы он коснулся клитора. Желание, охватившее меня, было таким сильным, что одно прикосновение его языка к чувствительным складкам могло запросто отправить меня через край.

Я отвлеклась от своих мыслей, когда Оникс открыл дверь и вернулся в спальню. Он посмотрел на меня, и я почувствовала, как вспыхнули щеки от то того, что я себе сейчас напредставляла.

— У тебя виноватый вид, Гарантия, — пробормотал мужчина, сняв футболку и бросив ее на пол у двери гардеробной. Туда же кинул и штаны, не отрывая от меня взгляд.

Мы устали друг на друга, и мое дыхание стало неровным. Сердце настолько громко стучало, что отдавалось в ушах, и я боялась, что Оникс его услышит. Автоматически мой взгляд упал на впечатляюще большую выпуклость под его боксерами. У меня буквально потекли слюнки, и я прикусила нижнюю губу, пытаюсь взять эмоции под контроль.

Оникс направился ко мне, словно лев, наблюдающий за своей добычей. Каждое его движение было продуманным, уверенным, и с каждым его шагом мои трусики становились все более влажными.

Я была возбуждена. Насквозь промокла. И все это из-за мужчины, которого должна презирать всем сердцем!

Чем ближе он подходил ко мне, тем меньше становилось всё остальное в комнате. Оникс развернул меня лицом к кровати. Я прижалась к его груди спиной и ощутила его эрекцию чуть выше моих ягодиц. Мужчина был выше на целую голову. Оникс скользнул руками по моим бедрам до развилки между ног и растопырил пальцы, мизинцами касаясь моей тазовой кости.

— Разглядывала кровать, Гарантия? — Во рту у меня внезапно пересохло, пульс участился, и все тело словно ожило. — Смотрела и представляла, как я доведу тебя до оргазма на этих мягких простынях?

Он прижал меня к себе еще сильнее. Я чувствовала, как его член пульсировал рядом с моей задницей, будто у него был свой собственный пульс. Оникс убрал мои волосы за плечо. Я почувствовала, как он горячим и влажным языком провел от моей ключицы вверх по шее и за ухом, а потом подул, вызывая дрожь во всем теле.

— Я широко разведу твои ноги. Пальцами раздвину мягкие половые губы, а языком буду ласкать клитор. Потом стану посасывать его, большим пальцем вырисовывая круги вокруг твоего входа. Ты будешь жаждать, чтобы я оказался внутри тебя. Будешь хотеть меня, но не получишь просто так, Гарантия. Заслужишь мой член только лишь стонами удовольствия, пока я буду подводить тебя к оргазму, не давая кончить.

Из моего горла вырвался стон, когда я поняла, что подмахивала бедрами навстречу бедрам Оникса. Это было так естественно, что я не могла остановиться.

— Ты захочешь кончить, Гарантия. Кончить от моего языка, но я тебе не разрешу. Нет, Гарантия, когда я подарю тебе освобождение, мой член будет внутри твоей киски, а я буду трахать тебя быстро, жестко и безжалостно.

Боже, мне нужно было срочно принять душ! Очень долгий и очень холодный. Если Оникс продолжит в том же духе, я повернусь и поцелую его. А этого не должно случиться. Я старалась успокоиться, пока он продолжал касаться меня, но ничего не получалось. Бедро жила своей жизнью, а клитор пульсировал, и мне хотелось, чтобы его потрогали.

Горячее дыхание коснулось моего уха.

— Ты уже мокрая, Гарантия?

— Нет, — солгала я, охрипшим голосом, который выдал меня, но это был единственный ответ, который я могла дать. Иначе я окажусь в постели с этим мужчиной, и моя воля будет окончательно подавлена.

Оникс замер, крепко сжав мои бедра.

— Не лги мне, Гарантия. Никогда.

После этих резких слов он отпустил меня и направился в ванную. Я ухватилась за изножье кровати, пытаюсь удержаться на ногах.

Что, черт возьми, со мной не так? Я согласилась остаться здесь ради сестры, но чувствовала, что мое пребывание в этом доме доведет меня просто до безумия.

Я слышала, как Оникс ходил по ванной комнате, пока я приходила в себя. Мне нужно было быть настороже. При каждом удобном случае этот человек менял во мне что-то, и мне казалось, я уже не понимала, какой путь был лучшим или худшим в данный момент.

Покачав головой и пытаюсь утомить свое тело, желающее разрядки, которая наступит нескоро, я подошла к комоду. Открыв ящики, нашла лишь черное шелковое белье для сна.

Я смело подошла к другим ящикам, откуда Оникс достал свою одежду, предварительно вытащив пару трусиков из тех, которые, как я предполагала, можно было бы считать моими ящиками. Схватив боксеры и белую футболку, которую нашла в его ящике, я переоделась.

Услышав, как Оникс сплюнул воду после чистки зубов, я почувствовала, как во мне зародилось беспокойство из-за того, что я была не в той одежде, которую он, очевидно, хотел, чтобы я надела. Проблема в том, что я не могла лежать в этой постели с ним, в том соблазнительном белье. Оникс заводил меня физически, но эмоционально пугал до смерти.

Он вошел в комнату и сразу же впился в меня взглядом. Когда я попыталась пробежать мимо него в ванную, он протянул руку и схватил меня, остановив.

— Хотя меня и возбуждает та одежда, которая лежит в твоём ящике, но должен сказать, ты мне нравишься и в моей. Почти так же сильно, как, если бы ты лежала подо мной голая.

Я вдохнула мятный аромат его зубной пасты, переваривая сказанное. Все, что я делала, казалось, заводило Оникса еще сильнее. Я была по уши в дерьме, и не знала, что будет дальше.

Я добралась до ванной, чтобы облегчиться. Постоянно смотрела на дверной проем, желая, чтобы дверь вернули на место. Закончив, я умылась, почистила зубы и вернулась к Ониксу.

Как пережить следующие несколько недель с таким сексуальным мужчиной? Хотелось возненавидеть его за то, что кроме него никто не мог помочь сестре с ребенком. Я мечтала сбежать отсюда так же сильно, как мечтала кончить сейчас. Это была сумасшедшая война внутри меня. Битва, в которой, как мне казалось, не будет победившей стороны.

Нет, почему-то у меня было такое предчувствие, что когда Оникс Блейк закончит со мной, я потеряю больше, чем отдам.

Набравшись храбрости, я вышла из ванной. Свет в спальне был выключен, дверь закрыта, и я нигде не видела Оникса. Это был своеобразный поток свободы, и я выдохнула,

прежде чем направиться к кровати. Может, если забраться под одеяло и заснуть до возвращения Блейка, то он меня не свяжет и не наденет наручники.

Я очень быстро уснула.

Когда проснулась, утренний свет проник в белую комнату и светил прямо мне в глаза. Через несколько мгновений я к нему привыкла и встала, чтобы пойти в ванную. Что поразило меня в первую очередь, так это отсутствие Оникса, и я не была уверена, что я чувствовала по этому поводу. Во-вторых, я оказалась не привязана к кровати.

Сделав все свои дела в ванной, я вернулась в комнату и обнаружила, что все еще одна. Прежде чем я успела разобраться, действительно ли Оникс спал здесь, я почувствовала острый спазм в желудке от голода. Ощущения были такие, словно меня ударили в живот.

Мы вчера совсем ничего не ели.

Во всем этом безумии я едва успела перекусить за завтраком, а потом появился тот мужчина, и день превратился в ад. Было такое большое количество эмоций, что мы забыли поесть. То, что Оникс не ел, волновало меня тоже, что было странным.

Взглянув на дверь, я поняла, что она закрыта, и меня охватила паника. Если Блейк запер меня здесь без еды и только с водой из ванной, что делать? Я уже чувствовала слабость от голода. Подойдя к комоду, схватила лифчик, прежде чем зайти в гардеробную. Сначала мне бросились в глаза элегантные платья. Глубокие синие и зеленые цвета захватывали дух, а ценники соответствовали нарядам.

У меня внутри все сжалось. У Оникса не было времени так быстро купить для меня одежду. Что, если она принадлежала другой женщине? Тому, кто должен был быть здесь вместо меня. Платья могли принадлежать предыдущей любовнице или жене, которая, возможно, умерла.

Люди думали, что Оникс не приводил никого в свой дом, но это не означало, что он на самом деле этого не делал. Такой мужчина, как он, мог заполучить любую женщину, и я была почти уверена, что за ним выстроится огромная очередь желающих переспать.

Я не могла с этим смириться, мне не нравилась мысль о том, чтобы носить одежду, предназначенную для другой женщины. Как и мысль о том, что я не первая, кто находился здесь с ним под одной крышей.

Иррациональное мышление становилось нормой, а ведь прошло всего чуть больше недели. Но я не могла избавиться от мысли, что какая-то другая женщина носила одежду, которую он приготовил для меня. Вместо этого я взяла одну из светло-серых рубашек Оникса на пуговицах и закатала рукава до локтей. Эта штука была мне велика, но зато была удобной.

Порывшись в его ящиках, что Блейку, вероятно, не понравилось бы, я наткнулась на черные спортивные укороченные штаны. Я туго завязала пояс вокруг талии и немного закатала их. Черт возьми, мужчина был огромным.

Я остановилась у закрытой двери, так как страх, что меня тут снова заперли, усилился. Положив руку на холодный металл серебряной ручки, я повернула ее и обнаружила, что дверь не заперта. Я была не в ловушке. Облегчение нахлынуло, и я спустилась на первый этаж и направилась на кухню.

В доме было так тихо, что меня пробрал озноб, и я обхватила себя руками, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

На кухне я не нашла Элен Сью. Мне стало интересно, где она, но я решила, что нужно поесть, прежде чем попытаться обдумать план, что делать дальше.

Все вокруг на мгновение замерло, когда я вспомнила вчерашнее утро. Мужчину, истекающего кровью, которая испачкала весь пол, крики и слезы. Безжалостный Оникс, который никому не позволял входить в его дом, кроме тех, кому он сам разрешал. Оникс, который ни к кому не проявлял даже минимального милосердия или заботы.

Сейчас крови на кухне не было. Ни на стенах. Ни на полу. Ни на столешнице, где Оникс отрубил мужчине пальцы. Нигде. Словно здесь ничего не произошло, и это было лишь мое воображение.

Царила идеальная чистота, что было немного жутковато, но в воздухе витали все образы произошедшего. Тряхнув головой, чтобы прояснить мысли, я подошла к холодильнику. В нем хотя бы были яркие цвета, в которых отчаянно нуждался этот дом.

Найдя йогурт и фрукты, я принялась искать мюсли и нашла их в большой кладовой за кухонным столом. Вчера я даже не заметила ее. Это заставило меня задуматься, какие еще секреты существовали в этом доме, и действительно ли я хотела их знать. Вероятно, нет.

Посреди комнаты стоял кухонный островок со стулом, но он вчера тоже был испачкан в крови, и мысль о том, чтобы есть прямо там, мне не понравилась, поэтому я пересела за стол. Скрип стула эхом разнесся по большой кухне, отчего я почувствовала себя невероятно маленькой в этом помещении.

Взглянув на часы, заметила, что было всего лишь десять утра. Я задалась вопросом, перевел ли Малкольм деньги Ониксу. Я раньше никогда не спрашивала сестру о финансах, но знала, что деньги у них были. Однако я все равно переживала, что они не смогут найти такую большую сумму так быстро. Если Малкольм не заплатит, что будет со мной и моей сестрой? Кроме того, глубоко внутри возникло ноющее чувство, когда я подумала об их ребенке. Что же будет с ним?

Хотя малыш еще не являлся частью нашей семьи, моя сестра, очевидно, была привязана к нему всем сердцем. Видя, как она вот так переживала, я понимала, что сделаю все от меня зависящее, чтобы исполнить ее желание. Теперь оставалось надеяться, что Малкольм внесет свой вклад, чтобы Оникс не повернул ситуацию в свою сторону, и мы не лишились возможности что-либо исправить.

— Доброе утро! — поздоровалась Эллен Сью, входя на кухню. Она так сильно напугала меня, что я автоматически сжала рукой йогурт, и белая жидкость разлилась по всей моей руке и столу. — О, боже!

Вскочив, я потянулась за салфеткой в центре стола и начала убирать беспорядок.

— Извините, не знала, что вы здесь.

Эллен Сью подошла с тряпкой для мытья посуды и помогла все вытереть, пока я мыла руки.

— Я не хотела напугать тебя, Торрин. Давай я тебе что-нибудь приготовлю. — женщина начала суетиться на кухне, а я вернулась обратно за стол.

— Нет, пожалуйста, не надо. Я доем йогурт, а если не наемся, то возьму что-нибудь еще. Пожалуйста, ничего не нужно готовить.

Эллен Сью пренебрежительно махнула рукой.

— Нет, я приготовлю тебе завтрак. Если хочешь йогурт, хорошо, но я накормлю тебя нормальной едой.

Я начинала понимать, что Эллен Сью делала то, что хотела, и бороться с ней было бесполезно, потому что она просто отмахивалась от всего. Пока я ела, она очень быстро передвигалась по кухне, что очень сильно меня удивило.

— Какие планы на день? — спросила она, стоя ко мне спиной и помешивая на плите нечто вкуснопахнущее.

Планы? Разве можно вообще строить какие-то планы с Ониксом?

— Не знаю. Может, дом осмотреть? — надеялась, Эллен Сью ответит на мой вопрос. Вдруг Оникс сказал ей, чем я могла бы заняться?

— Отлично. Я рада, что ты здесь. — Женщина протянула мне тарелку с блинами, картошкой и яйцами. Это было несравнимо с моим жалким йогуртом.

— Спасибо.

— Я тут как раз для этого, — она вернулась к раковине и начала мыть посуду. Выдалась прекрасная возможность, и я ни за что ее не упущу.

— А как долго вы работаете на Оникса?

Она оглянулась через плечо.

— Очень долго. Это все, что я могу сказать. Если хочешь узнать что-то о нем, спроси его самого. — Эллен Сью снова повернулась к посуде. Черт. Она была такая же жесткая, как и Оникс.

Спокойно поев, я вернула ей тарелку со словами «спасибо» и вышла из кухни. Эллен Сью вчера казалась такой счастливой, но одно упоминание о ее связи с Ониксом, и она отвернулась от меня. «Прекрасное» начало. Я хотела спросить, где Оникс, но после такого заявления, передумала.

Прогуливаясь по дому, мне стало так холодно от белого цвета, что я опустила рукава рубашки, чтобы согреться. Первая комната, в которую я рискнула войти, оказалась гостиной, но я не была до конца уверена в этом, потому что единственной вещью в комнате был белый диван. И пространство было огромным, что делало этот предмет мебели похожим на миниатюру. Разве можно жить в такой пустоте?

Следующие две комнаты на первом этаже были примерно такими же. В одной стоял стол со стеклянной столешницей и шесть белых стульев, вот и все. Во второй вообще ничего не было, пустота.

Все это усиливало чувство холода, охватившее меня. Поднимаясь по лестнице, я поняла, что дверь в конце коридора словно притягивала меня, но я думала, что она заперта. Попробовав повернуть ручку двери, с удивлением обнаружила, что та открылась. Переступив порог, я ахнула.

Высокие книжные шкафы тянулись вдоль стен, но они были пусты. Не должно быть такой красивой комнаты, как эта, и без книг! В стороне стоял одинокий белый стул рядом с белой оттоманкой. Тем не менее, было странно, что два этих предмета мебели стояли посередине комнаты. Сев, я свернулась калачиком.

Глядя на белые стены, мне стало интересно, начала ли моя сестра обустроить детскую комнату или купила какую-нибудь одежду для малыша. Если она уже покрасила комнату в белый цвет, то я с ней серьезно поговорю.

Я давно не чувствовала себя такой одинокой, но здесь, глядя на пустоту, присутствующую в доме, я ощутила потерянность. Казалось, что стены вокруг рушились, но мне нужно было оставаться сильной.

Библиотека стала моим убежищем, тут было намного лучше, чем сидеть взаперти в спальне. Оникс редко появлялся, говоря, что ему нужно уехать по делам. Поскольку я знала, что это было связано с детьми, мое любопытство разгоралось лишь сильнее.

И все же ночью, когда он возвращался, я не задавала мучивших меня вопросов. Оникс

Блейк все еще оставался для меня загадкой.

ОНИКС**ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ**

Я рассеянно щелкнул зажигалкой «Zippo» за столом для совещаний, за которым мы все сидели. Поездка в город была моим наименее любимым занятием, но иногда этого требовали дела. Ежемесячное путешествие в адскую дыру, утопающую в смоге.

Филадельфия была полна жизни, активности и красок. Ланкастер — наоборот. Здесь были большие поля и конные экипажи на дорогах. Именно в Ланкастере и находился мой дом. Мужчины тут ходили в шляпах, невзрачной одежде и с бородой, и мало улыбались. Здесь жили люди, подобные Амосу Бейлеру, который предпочитал всех вокруг себя подавлять и наказывать, к чему большинство современных людей отнеслись бы неодобрительно.

«То, что не убивает, делает нас сильнее», — было набито на моем предплечье. Вокруг слов были нарисованы бурлящие волны моря. Таким образом, на моей левой руке образовался тату-рукав.

Пакстон выхватил у меня зажигалку, чтобы прикурить, и вернул ее обратно. После чего я снова принялся ею щелкать. Пакстон курил, остальные — нет. Если это помогало ему сдерживать своих демонов, то ради бога.

Сегодня мы все были одеты неофициально: в джинсы и футболки. Для общества, в котором мы крутимся, мы выглядели сейчас как отпетые бандиты.

— Не хочешь сказать, какого хрена Ланье две недели назад перевел на наш счет полтора миллиона? Ты не ответил на этот вопрос, когда я позвонил в день зачисления. Хотелось бы услышать объяснение теперь, — спросил Пакстон, глядя прямо на меня. Он следил за финансами, и я знал, что он не упустит перевод. — Ты реально планируешь продолжать игру с семьей Ланье и их сестрой? Они послали за ней человека в твой дом. Никто никогда не переступал эту черту, Оникс. С чем, черт возьми, мы имеем дело?

Наклонившись вперед, я посмотрел Пакстону прямо в глаза, когда он затянулся сигаретой.

— Мои планы тебя не касаются. С деньгами все в порядке, контракт все еще в силе.

— Когда наиграешься с девушкой, придётся убрать ее. Что, черт возьми, ты тогда будешь делать, плейбой? — спросил он с вызовом.

У Пакстона были железные яйца. Черт возьми, у нас у всех они были. Все же он умел контролировать свой гнев. Пакстон Уильямс был из тех людей, которые наносили смертельный удар с улыбкой на лице и без единой царапины на своих гребаных дизайнерских ботинках. На самом деле, последнего человека, который перешел ему дорогу, Пакстон вырубил, докуривая свою чертову сигарету, в конце затушив окурок в глазном яблоке мужчины. Больно, да. Но, безусловно, это очень эффективный способ оставить сообщение.

Я встал со стула, выпрямившись во весь рост, на что Пакстон тоже встал со своего, и Гаррет последовал за ним, будто желая прикрыть его спину, в случае чего.

Так у нас было всегда, сколько я себя помню. Гаррет прикрывал Пакстона каждый раз, когда этот самоуверенный придурок выводил меня из себя, а Дэйн был по правую руку от меня, готовый пойти против наших друзей, если потребуется. Может, дело было в том, что

мы с Дэйном уже привыкли к жизни в глуши, а, может в том, что у нас у обоих была темная душа. Я не заморачивался по этому поводу, и не думал, что это имело значение. Честно говоря, мы четверо были отродьями дьявола. Безжалостные, хитрые, пронизательные и бесстрашные — мы были не из тех, кто отступает. Мы не уступали даже друг другу.

— Торрин мое дело, и только мое. То, что я делаю или не делаю с ней, не имеет ни малейшего отношения к нашему бизнесу. — Пакстон и Гаррет обменялись взглядами. Когда Гаррет повернулся ко мне, я наклонился над столом, сжав руки в кулаки и опираясь на столешницу костяшками пальцев. — Я никогда не подвергал нас риску и никогда не подвергну. Торрин под моим контролем, как и семья Ланье. — Гаррет начал было что-то говорить, однако я поднял руку, заставив его замолчать. — Мы больше не будем обсуждать Торрин Макалистер. Не задавайте мне вопросов, потому что я, бля*ь, не задаю вопросов никому из вас. Продолжите в том же духе, и я, черт возьми, выбью дерьмо из каждого, и вы, бля*ь, это знаете.

Кровь вскипела, и гнев затуманил разум. Моя связь с Торрин их не касалась. То, что мы хотели обсудить сегодня здесь, не имело никакого отношения ни к ним, ни к какому-либо нашему имуществу.

Гаррет поднял руки, сдаваясь.

— Чувак, я видел эту девчонку. Не собираюсь лезть в твое дерьмо, точно так же, как и не хочу, чтобы ты лез в мое. Такое в нашем бизнесе происходит впервые. Ты отвез ее в Мэнор, а это уже кое-что значит. Ланье послали к тебе человека, что делает всю эту чертову затею рискованной. Они перешли границы, чего мы никогда раньше не допускали.

Дэйн ударил ладонью по столу, посмотрев на всех нас угрозующим взглядом.

— Дела Оникса касаются только его! Мы прикрываем его спину, как он прикрыл бы нашу, без всяких гребаных вопросов! Мы собрались по вопросам нашего бизнеса, так давайте перейдем к делу! Я решил вопрос с безопасностью дома Оникса. А он решил вопрос с контрактом. С Ланье все улажено, и Торрин находится там, где она, черт возьми, и должна быть! Хватит уже! Дальше обсуждаем только бизнес!

В глазах Пакстона вспыхнуло недовольство, и он посмотрел на меня.

— Черт возьми, Оникс, мы хотели тебе помочь разобраться с этой девкой, но ты отмахнулся от нас. Если утрясешь это дерьмо сам, то мы отступим. Но, если нужна помощь, только скажи и мы прикончим ради тебя всю эту гребаную семейку.

Я кивнул, зная, что он говорил серьезно. Неважно, что мы с Дэйном были более близки, как и Гаррет с Паксом. Мы все равно заботились друг о друге, независимо от того, кто втянул нас в проблемы. Мы были командой, как и всегда.

После перепалки, мы снова сели и приступили к обсуждению дел на предстоящую неделю и предстоящий месяц. В третью субботу каждого месяца мы встречались по утрам в центре города в офисе Гаррета именно для этого. Я ненавидел каждую секунду, которую приходилось здесь проводить.

Следующий час прошел за тем, что мы решали, какие контракты закончить в ближайшие тридцать дней, и обсуждали возможности досрочного завершения сделок в зависимости от конкретной ситуации. Мы построили империю, основанную на навыках, которыми обладал каждый из нас, объединившись ради великой цели. Мы не занимались сутенерством, не продавали наркотики и не размахивали оружием, бегая по всему городу. А использовали то, что знали, в своих интересах, разумеется.

Дерьмовое детство сильно меняет ваше мышление во взрослой жизни, и никто не

должен испытать подобное. Каждый из нас слишком хорошо это знал.

Гаррет передал мне досье на Ланье — последнее дело на сегодня.

— Так как теперь это твой личный вопрос, мы больше никак не касаемся этой семьи. Ланье под твоим контролем, как и их суррогатная мать, ребенок и вообще будущее. Мы позаботились о том, чтобы домовладелец Торрин понял, что она жила там под вымышленным именем. Так же решили вопрос и с другими ее знакомыми. Торрин Лейн Макалистер теперь не существует, как и Оливия Блейк.

Его слова сильно задели меня. Гаррет ничего об этом не знал и никогда не узнает. Я никому никогда не рассказывал об этой женщине. У меня пересохло во рту, но я промолчал, вместо этого кивнул в знак признательности, подавив ненависть при упоминании имени моей матери.

— Тебе повезло, — ответил я Гаррету, на что он вопросительно поднял бровь. — Ты проболтался Паксу, о том, что я забрал Торрин, но так и быть, в этот раз я прощу тебя за твой длинный язык. Хотел дать тебе по морде за то, что ты рассказал ему об этом дерьме, но прошло несколько недель, и моя злость поутихла.

— Мудак. Не нужно мне твоих одолжений. — ухмыльнулся он.

У нас четверых были стальные яйца. Мы также всегда были честны друг с другом. Это поддерживало равновесие, и все знали, где каждый из нас находился и чем занимался.

Встав, мы все пожали друг другу руки. Мы с Дэйном ушли первыми, зная, что Гаррет и Пакстон будут обсуждать бизнес, который они вместе вели в этом городе. Бизнес был полностью легальным.

Как только мы вышли на улицу, Дэйн схватил меня за плечо, остановив.

— Уверен, что знаешь, что делаешь?

— Наши планы не меняются. Но Торрин — моя.

Он кивнул и направился к своему «Дукати». Не надев шлем, Дэйн умчался на своем байке, словно демон из ада. Он гнался за смертью. Для нас хорошо было то, что он не боялся смерти и никогда не будет ее бояться.

Усаживаясь в свой «Кадиллак», я вспомнил, как всего несколько недель назад Торрин сидела в этой самой машине. Она боялась, но не позволила страху завладеть собой. Сила и вызов внутри нее возбуждали меня, как никогда раньше.

Я мечтал трахнуть ее. Хотел, чтобы она почувствовала меня в себе, приняла и хотела меня так же сильно, как я жаждал уничтожить ее изнутри.

С того момента, как она оттолкнула меня, и до сих пор, она реагировала не так, как я ожидал. В игре, в которую я играл, Торрин постоянно меняла правила, меняла ход игры и заставляла меня неожиданно атаковать в ответ. Это сбивало с толку. Мое влечение к ней было проблемой, но я мог его контролировать.

Она была красивой женщиной. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что я трахну ее. Между нами было притяжение. Но я не просто хотел оказаться внутри нее, я хотел пометить ее тело и заклеить ее душу как свою. Что было опасно — для нее и для меня.

По дороге обратно в Ланкастер я представлял себе сотню способов, которыми буду трахать Торрин до бесчувствия. Когда приеду, в первую очередь найду ее. От воспоминаний, как она раскачивалась в такт моему телу в прошлый раз, принимая от меня все, что я был готов дать, член встал, пока я проезжал милью за милей, приближаясь к Торрин с каждой секундой. Теперь наши дни и ночи превращались в игру без правил, в которую я не мог позволить ей выиграть.

Словно дикий зверь, я мечтал напасть и насладиться каждым миллиметром ее тела. Как мудаку, которым я и был, мне хотелось проникнуть в ее голову, чтобы оставить ее ни с чем, кроме сомнений, неуверенности и вопросов о том, что было реальным в ее жизни, а что просто иллюзией, в которую ей позволяли верить.

Как сильно я жаждал трахнуть Торрин, также сильно я жаждал и разрушить ее внутренний мир.

И это было все, о чем я думал, проезжая через ворота, припарковываясь и направляясь в дом. Член пульсировал и все сильнее терся о джинсы, пока я шел по особняку.

Сейчас я был мужчиной, которым руководил его же член. Прошло слишком много времени, и мне было необходимо погрузиться глубоко в Торрин Макалистер и выкинуть ее, наконец, из головы.

ТОРРИН

Кончиками пальцев Оникс провел по моему животу, вызывая мурашки на коже, прохладный воздух комнаты лишь усиливал ощущения. Я запрокинула голову на спинку стула, выгнув шею и грудь.

Оникс покружил по ареолам моих сосков, но так и не коснулся вершинок. Влага возбуждения тут же пропитала трусики. Дышать становилось все труднее, с губ срывались лишь тихие всхлипы и стоны.

Я вращала бедрами, умоляя его прикоснуться ко мне между ног, но он этого не сделал. Даже мои стоны разочарования, казалось, действовали на него с точностью до наоборот.

Находясь между моих бедер, он пристально смотрел на меня своими темно-синими глазами, будто запоминал мою реакцию на каждое прикосновение. Напряженность в его взгляде распалила меня еще больше. В глубине его глаз горело пламя. Огонь, который, казалось, горел лишь для меня. Я была готова взорваться, если он прикоснется ко мне еще раз.

— Ты чертовски сексуальна в моей одежде, — произнес он, стягивая с меня спортивные штаны, затем наклонился и поцеловал меня в пупок, на что я громко застонала — пупок всегда был моей эрогенной зоной. Поцелуи или облизывания, да даже укусы, черт возьми, вокруг этой области вызывали бурю эмоций. Настолько сильных, что я едва не умоляла, когда Оникс прошелся языком вокруг него, прежде чем опуститься к моему нижнему белью.

Сны были фантастическими, в них я могла получить желаемое без каких-либо последствий в конце. Я не хотела просыпаться, когда Оникс уделял моему телу такое пристальное внимание.

Он перестал стягивать с меня штаны, оголив полоску кожи над трусиками, а потом прикусил зубами этот участок плоти.

Резко проснувшись, я быстро заморгала глазами, чувствуя возбуждение, словно еще пребывала во сне. Но Оникс на самом деле находился между моих ног, сидя на полу. Он касался губами моего тела, а его руки находились недалеко от моей промежности.

В помещении, в котором было так холодно, теперь стало невероятно жарко. Мы находились в пустой библиотеке, где я проводила большую часть своего времени и, по-видимому, задремала.

— Что ты делаешь? — удивилась я, когда он крепко сжал руками мои бедра. Не говоря ни слова, Оникс поцеловал то место, которое ранее прикусил. Это был не сон, а реальность, и мое тело хотело его. Что было очень плохо.

Что мне делать? Отрицать желание было бессмысленно. Мой разум пребывал в смятении, пока я пыталась разобраться, проснулась ли я на самом деле или все еще видела сон.

Оникс принялся стягивать с меня штаны, и моим первым побуждением было сжать ноги вместе, но его широкие плечи не позволили мне этого сделать.

— Нам нельзя! — запротестовала я, однако это прозвучало неубедительно даже для моих собственных ушей. Оникс тоже это понимал, потому что улыбнулся мне.

— Хочешь, чтобы я остановился? — невинно поинтересовался он.

Я сильно прикусила нижнюю губу, потому что нет — я не хотела, чтобы он останавливался. Мое тело настолько возбудилось после сна, что остро нуждалось в разрядке. После прошлой ночи, и после сегодняшнего, я была очень напряжена и мне просто необходимо было расслабиться. Чем дольше я смотрела в его глаза, тем больше тонула в них.

Чтобы хоть как-то отстоять свои границы, я попыталась прояснить ситуацию.

— Это не значит, что ты мне нравишься, — сказала я Ониксу со всей уверенностью, на которую была способна, но слова снова прозвучали неубедительно. Словно я боролась сама с собой за то, чего хотела, а не за то, что мне было нужно.

— Не обязательно любить меня, чтобы оседлать мой член, — небрежно бросил он, прежде чем поудобнее устроиться между моих ног.

Я начала было возражать, но он потянулся пальцами к моему клитору, найдя его с первой попытки... чего не случалось с прошлыми моими партнерами. Они с горем пополам находили нужную точку, но не Оникс. Он сразу попал куда нужно. Я выгнулась в белом кресле, крепко сжав подлокотники.

— Мне остановиться? — снова спросил он, и на мгновение я задумалась, остановится он или проигнорирует мои желания.

Что он здесь вообще забыл? Я провела с ним не так много времени, и не особо понимала, что на самом деле он имел в виду. «Да» вертелось у меня на кончике языка, но это было бы ложью, и я не смогла ее произнести. Он ведь действительно мог остановиться и бросить меня в таком состоянии. Я жаждала освобождения так же сильно, как следующего вздоха. Когда у меня в последний раз был секс? Когда в последний раз кто-то доводил меня до оргазма? Это было слишком давно, и я таяла от прикосновений Оникса.

Вместо этого я покачала головой и попыталась выровнять дыхание, что было совершенно бесполезно.

— Скажи вслух, Торрин, — потребовал он, отстраняясь от меня. Мне было жарко, я была возбуждена и до безумия нуждалась в освобождении.

— Нет. — Его улыбка сбила бы меня с ног, если бы я уже не сидела. Она была нереально зловещей.

Оникс поднялся, отстраняясь от меня.

— Куда ты? — спросила я слишком отчаянно, как мне показалось, но я была нереально заведена, чтобы думать об этом.

— Вставай, снимай штаны и ложись на диван, — приказал Оникс.

Я никогда никому не подчинялась и никогда не буду.

— Нет, — смело ответила я, спустив спортивные штаны до лодыжек и выйдя из них. Глаза Оникса расширились, и он сжал руки в кулаки. Очевидно, он одновременно наслаждался моим неповиновением и ненавидел его. Я чувствовала тоже самое по отношению к нему.

Он сделал шаг ближе.

— Ты же все равно меня трахнешь. — Моя смелая попытка быстро провалилась, когда Оникс обнял меня за талию, притянув к своей твердой груди. Он жестко поцеловал меня, по собственнически, доминируя. Я яростно поцеловала его в ответ, прикусив его нижнюю губу, отчего мужчина издал рычащий звук.

Оникс поднял меня, и мне пришлось обхватить ногами его бедра. Я прижалась киской к его твердому члену и потерлась об него клитором, едва не кончив.

Едва.

Оникс чуть отстранился, намеренно лишая меня оргазма, которого я так жаждала.

Спиной и головой я глухо ударилась о белую стену. Он сжал руками мою задницу и понес меня туда, куда хотел. Потом, просунул руку между нами, расстегивая свои штаны.

Это было дико, мы оба нуждались друг в друге. Я отстранилась от Оникса, ртом хватая воздух, а он в это время начал покусывать и целовать мою шею. Извиваясь, я, казалось, хотела притянуть его к себе еще ближе и в то же время оттолкнуть. Мое тело и разум пребывали в постоянной борьбе, с тех пор как я встретила Оникса Блейка.

Руками я вцепилась в его шею. Мне нужно было, чтобы он вошел в меня, двигался внутри, подталкивая нас обоих к кульминации.

— Это тебе больше не понадобится, — сказал он, протягивая руку и срывая нижнее белье с моего тела. После чего продолжил пальцами ласкать мое лоно. — Горячая и готовая для меня. Моя киска. — он снова жестко поцеловал меня и вошел по самые яйца.

Из моего горла вырвался крик. Оникс был большим, и поначалу его вторжение было болезненным. Я уткнулась головой ему в шею, чтобы приглушить всхлипы. Внутри все горело огнем, пока мои стенки растягивались, чтобы вместить его.

Каждый толчок был мощнее предыдущего. Оникс продолжал двигаться, а я продолжала жаждать еще большего. Сходила с ума от ощущений.

— Это ничего не значит. Я все еще ненавижу тебя, — выдавила я со стоном, в то время как наслаждение становилось все сильнее и сильнее. Легкая испарина покрыла кожу. Я яростно желала, чтобы Оникс вошел в меня, и также яростно желала, чтобы он позволил мне вернуться к моей прежней жизни.

Он впился зубами в мое плечо.

— Не обязательно любить меня, чтобы трахаться. — Оникс так сильно вколачивался в меня, что мне казалось, будто моя спина проломит стену. Я впилась ногтями в его кожу, а мои волосы развевались в такт движениям.

Оргазм был уже близко. Я словно стояла на краю водопада. Вода красиво падала вниз, ударяясь о камни. Я тоже хотела упасть с этого обрыва, чтобы, наконец, кончить.

Оникс замер внутри меня, и я в панике взглянула на него.

— Не останавливайся! — он цинично рассмеялся, опустил меня на пол и вынул член. Мое тело физически болело от ломки. Я была так близка к освобождению, что впала в отчаяние. В постели со мной никогда подобного не происходило. Эта страсть между нами была слишком велика.

Он указал на кресло.

— Колени на подлокотники, руки за спину, — потребовал он, и на этот раз я почувствовала, как мерзкий холодок пробежал по моей спине.

Я так сильно хотела кончить, что подчинилась. Это было идеальное положение для роста Оникса, потому что, когда он снова вошел в меня, я упала на кресло.

— Черт! — я громко закричала от его жесткого вторжения.

Он сжал мои бедра, используя их как опору при толчке. Настолько сильно сжал, что я почувствовала, как моё тело само подстроилось под него. Ненавижу! Это просто секс, ничего больше! Я снова погружалась в эту пучину, сосредоточившись исключительно на чувствах, которые Оникс пробуждал в моем теле.

Он обхватил меня за талию и притянул к себе вплотную. Эта поза сводила с ума. Он задевал ту точку внутри меня, которую ни один мужчина никогда не мог найти. Он неоднократно находил ее, покусывая мою шею и притягивая меня к своим губам для

поцелуя. Я была слишком увлечена мужчиной, которому не доверяла, и играла в игру, которую не понимала. Однако в тот момент мне было все равно. Мне необходимо было отключить свой разум, чтобы увидеть, как легко Оникс мог подчинить меня.

Из-за силы его толчков, я едва не потеряла равновесие, и мне пришлось постараться чтобы его сохранить. Оникс был безжалостен, требователен и чертовски горяч.

Другой рукой он обхватил меня спереди и покружил по клитору почти болезненно, но этого было более чем достаточно. Все в мире исчезло, когда волна эйфории захлестнула меня; мои глаза закрылись, а спина выгнулась дугой. Крики сорвались с моих губ. В глазах вспыхнули яркие вспышки света. Я почувствовала, как Оникс все еще вонзался в меня, а потом почувствовала, как по бедрам потекла сперма. Я не могла ясно мыслить, поскольку мой разум почти отделился от тела. Я ощущала блаженство, о существовании которого и не подозревала.

— Черт, хочу чтобы ты кончила от моего члена, — безжалостно проворчал Оникс, снова вонзаясь в меня. В меня словно ударила молния, когда я вся задрожала. Единственное, за что я могла ухватиться — за шею Оникса, и, я неуклюже пыталась удержаться за нее, так как он находился сзади. Мое тело было ослаблено, и я не могла себя контролировать и сопротивляться. Он продолжал в меня вколачиваться, и я чувствовала, что снова приближалась к оргазму.

Очередной резкий толчок и Оникс замер, бормоча что-то, уткнувшись в мои волосы и шею. Тяжело дыша, я открыла глаза, быстро осознав ошибку, которую только что совершила. Теперь я знала это ощущение. Понимала, что он мог сотворить с моим телом. Осознавала, что у меня никогда такого не было и никогда больше не будет. Это была опасная смесь — мужчина, обладающий силой, и мое тело, неумолимо желающее бросить вызов разуму.

Наклонившись вперед и положив руки на спинку кресла, Оникс вышел из меня, и я ощутила, как его сперма потекла из лона по внутренней стороне бедра.

По мере того, как Оникс уходил все дальше и дальше, в комнате становилось невыносимо холодно. Расстояние между нами росло с каждым дюймом. Когда я слезла с кресла, рубашка на мне распрямилась, прикрыв все части тела. Я почувствовала, как мои щеки запылали из-за нарастающего смущения. Сперма стекала с моих бедер почти до колен, и нужно было с этим что-то делать.

Когда я обернулась, Оникс не смотрел на меня. Не улыбался с триумфом в глазах, как я ожидала. Он вообще не был похож на человека, который только что занимался жестким сексом. Он не был похож на того самоуверенного мужчину, которого я привыкла видеть. Такое ощущение, что на его лице была непробиваемая маска. На самом деле, мужчина передо мной был тем самым незнакомцем, которого я отвергла в доме моей сестры, только сейчас было еще хуже. И после трех недель, проведенных с ним, я надеялась, что мы, по крайней мере, будем относиться друг к другу с уважением.

Оникс схватил штаны, натянул их, подошел к двери и открыл ее. Не оборачиваясь, потребовал:

— Не мойся. Пусть моя сперма останется на тебе. — затем захлопнул за собой дверь, отчего я содрогнулась.

Спортивные штаны валялись в стороне, и я поспешно надела их, зная, что размажу сперму по ногам. Чувство глубокого сожаления овладело мной, скручивая внутренности, а в голове закружились разные мысли. Это было нехорошо. Оникс получил мое согласие, но не был им доволен. Черт, он даже не смотрел мне в глаза. Почему меня это волновало, я не

могла понять, но это было так. Удар по моему эго был очень сильным. Я никогда раньше не испытывала подобного.

Как и почему ему удалось настолько взбудоражить мое тело, а у меня не получилось этого сделать? Я не была слишком опытной, но и девственницей определенно не была. Мне никогда не говорили, что я ужасна в постели, но из-за реакции Оникса после всего произошедшего я почувствовала именно это. В очередной раз обнаружила, что разрывалась между каким-то чувством к этому человеку и абсолютным отвращением и ненавистью к тому, через что он заставил меня пройти.

О чем, черт возьми, я только думала? Сев в кресло и свернувшись калачиком, я закрыла глаза, жалея, что не могла уйти отсюда. Мечтая, чтобы этот мужчина никак не мог повлиять на будущее моей сестры. Желая, настоять на своем и сказать «нет». Но я была слаба. Сдалась. И теперь у меня образовалась эта ноющая дыра внутри, из-за которой мне было плохо, как никогда.

Оникс сломил меня физически, но я чувствовала, что он затронул и мою душу. Как мог кто-то, столь решительно настроенный сломить меня, доставить мне море удовольствия? Как мог этот незнакомец разрушить все мои барьеры и все равно уйти сейчас?

Как мне пережить еще одну встречу с Ониксом Блейком?

Моя любовь к сестре не знала границ, но где я окажусь, когда все это закончится? Каким-то образом я знала, что ничто уже не будет прежним.

Оникс оставил меня в пустой библиотеке с белыми стенами и белой мебелью. Затащил меня в свой мир, полный пустоты и льда. Оглядев пространство, которое я не так давно представляла себе заставленным книгами, я осознала, что оно действительно пустое, как и мужчина, который только что вышел из этой комнаты.

До сегодняшнего дня я не знала, что человек может быть таким бесчувственным. Что еще хуже, интуиция подсказывала, что единственный способ выжить рядом с Ониксом Блейком — стать таким же пустым, бесчувственным и жестким человеком.

Я закрыла глаза, и мой разум отключился, когда я поняла, как устала от сегодняшних событий. Моей последней мыслью перед сном, было то, что я вляпалась по самые уши.

ОНИКС

Мне пришлось уйти. Другого выхода не было. Увидев свою сперму, стекавшую по подтянутым ногам Торрин, я мгновенно возбудился, готовый снова ее трахнуть.

Никогда нельзя показывать свои слабости.

Нельзя показывать Торрин, какую власть она получила надо мной после первого же секса. Я никогда не был внимательным любовником. Это не означало, что я не мог довести женщину до нескольких оргазмов. Нет. Это означало, что мне было наплевать, понравилось ей или нет. Но с Торрин все вышло иначе, и мне было не все равно. На меня это было совсем не похоже.

Каждый шаг, который я делал, уходя из комнаты, причинял боль.

Мне было с ней так хорошо, словно я оказался дома. Но у меня никогда не было дома, и Торрин Макалистер, конечно же, не могла вызвать подобные эмоции.

Пытаясь избавиться от этих мыслей, я направился в спальню. Подойдя к шкафу, увидел, что платья висели нетронутые.

Забавно, я потратил не один час на покупку этой одежды, которая, по моему мнению, подчеркнула бы изгибы Торрин и вывела ее из зоны комфорта. Девушка была бы прекрасна в любом из этих нарядов, но ее появление в моей собственной одежде стало для меня погубелью.

Мои спортивные штаны облегли соблазнительные бедра, а футболка скрывала красивое тело.

Я не должен был так реагировать на нее. На самом деле ничего подобного не планировалось, а я ненавидел, когда планы шли вразрез с моими. Торрин Макалистер стала не просто залогом за ребенка своей сестры, на самом деле это было просто удачным стечением обстоятельств. Когда она появилась в том доме, вся такая разъяренная, а затем отшила меня, то сделала большую ошибку. Она не знала, с кем имела дело. Нет, она являлась частью более масштабного плана, который не имел ничего общего с моим бизнесом, но прямо касался моего прошлого.

Тряхнув головой и пытаясь избавиться от этих мыслей, я сунул руку в карман, достав зажигалку «Zippo», которую брал с собой повсюду, куда бы ни шел. Я посмотрел на блестящий серебряный корпус, откинул крышку и зажег ее.

Пламя взметнулось высоко вверх, что напомнило о той ночи, когда я использовал эту самую зажигалку, чтобы превратить свою жизнь в ад.

Пламя переливалось оранжевыми, красными и желтыми цветами. Воспоминания нахлынули, я словно ощутил запах дыма. Закрыв крышку, я погасил пламя, но не мог отделаться от мыслей о том, какая страсть пылала в глазах девушки.

Торрин сегодня полностью утратила контроль над собой.

Отпустила все и без остатка отдалась мне.

Подчинилась.

Я не хотел этого и не поэтому забрал ее из ее же жизни. Но трахая Торрин, осознавал, что забывал о своей цели и о том, на чем нужно было сосредоточиться. Ей каким-то образом удалось вызвать во мне какие-то чувства.

У меня было очень много женщин, и ни одна из них не влияла на меня так, как эта

девушка сегодня. Моим намерением было сломить ее психологически. Я добился этого своим уходом, но к чему оказался не готов, так это к собственным чувствам.

Впервые настолько сильно заморачивался по поводу своих и чьих-то еще чувств. Подобного нельзя допускать.

После душа, я зашел в свою комнату и увидел пустую кровать. Моя большая роскошная кровать казалась безликой без Торрин. Без нее мне не удалось улечься поудобнее. Ворочаясь с боку на бок, я продолжал искать тот комфорт, который ощущал лишь рядом с Торрин. В одних лишь боксерах большими шагами я спустился в библиотеку, где обнаружил девушку спящей в кресле, свернувшись калачиком.

Когда поднял ее, она пошевелилась, но не проснулась. Я уложил ее в свою кровать и, обняв, погрузился в спокойный сон, думая только об одном.

Нужно позвонить Джеймсу.

* * *

Следующим утром я спустился вниз, оставив Торрин в кровати, отбросив мысли о том, как красиво она выглядела, или насколько великолепно смотрелась на моей белой постели.

С каждым шагом, уходя от нее, я понимал, что пора привести свои мысли в порядок. Существовала определенная цель, и ее нужно было осуществить.

Я ни к кому не привязывался и не заводил отношений. Торрин Макалистер не изменит этого. Нужно думать о финале своей игры, а не о ней, лежащей в моей гребаной постели.

Джеймсу Ширсу придется еще раз напомнить о том, кто здесь власть.

Схватив свой телефон, я отправил сообщение.

«Ужин сегодня в 7 часов, в Резерфорде. У меня есть то, что ты хочешь.»

Сразу же пришел ответ.

«Единственное чего я хочу — услышать твой последний вдох.»

Я усмехнулся. Он не имел ни малейшего представления, о чем я говорил. Он хотел этого больше, чем дышать.

«Реально хочешь рискнуть и упустить нечто настолько важное?»

На кухне Эллен Сью уже готовила. Усевшись, я схватил газету и развернул ее, прекрасно зная, что Джеймс придет на ужин. Он не устоит. Я знал его лучше, чем кто-либо другой. Это очевидно. История, которую мы пережили и информация, что я знал о нем, предоставляли мне над ним большую власть. Он не отступит перед вызовом или мыслью, что у меня было нечто, чем он дорожил. В конце концов, его любопытство перевесит.

Эллен Сью принялась раскладывать еду по тарелкам.

— Не надо. Я подожду Торрин.

Эллен Сью посмотрела на меня.

— В курсе ли наша гостья, что ты хоть иногда зовешь ее по имени? — пожилая женщина мягко улыбнулась мне.

— В курсе.

Эллен Сью прислонилась к стойке.

— Она подходит тебе, Оникс.

— А я никому не подхожу. Она — залог сделки. Вот и все, — объяснил я женщине, которая слишком много знала обо мне и не стеснялась говорить, что думала, во время наших бесед наедине.

Эллен Сью подошла и встала рядом, взяв меня за подбородок, заставив посмотреть на

нее. Она так делала, когда я был маленьким мальчиком, чтобы привлечь мое внимание к себе.

— Но она не должна им быть, Оникс. Каждый в этом мире представляет собой смесь хорошего и плохого. Никто не имеет право судить, порицать или мучить кого-то.

Отвернувшись от ее пристального взгляда, я не признался, что именно я был тем, кто судил, осуждал и мучил. Но Эллен Сью и так прекрасно все знала.

— У вас, мальчики, было трудное детство. Можно забыть обо всем этом и иметь гораздо больше, чем у тебя уже есть, Оникс.

Покачав головой, женщина ослабила хватку и вернулась к работе. Она прекрасно знала, когда нужно надавить, а когда промолчать. Мне предстояло решить слишком много вопросов с Торрин, поэтому не было времени на выяснение того, была ли у меня душа. Дьявол уже очень давно владел ею.

Искушение не входило в мои планы, с чем я давным-давно смирился.

Торрин вошла в тот момент, когда Эллен Сью вернулась к плите. Как раз вовремя. Не стоило ей знать о моем отношении к Эллен Сью. Пусть лучше думает, что я мудака, ведь так оно и было. Эллен Сью была просто другой.

— Доброе утро, — поприветствовала женщина, накладывая нам еду, когда Торрин заняла место за столом рядом со мной.

— Доброе утро, — ответила она усталым голосом, на что Эллен Сью улыбнулась.

Торрин все еще была в моей одежде с прошлой ночи. Член затвердел мгновенно. Интересно, она уже смыла мою сперму или еще нет? Не побаливает ли ее киска после вчерашнего? Торрин полностью игнорировала меня. Снова.

— Гарантия, сегодня вечером мы идем на ужин. Выбери платье, желательно короткое. Заеду за тобой ровно в пять. Ужин будет официальный. Поэтому будешь вести себя так, будто мы с тобой пара.

— Ни за что, — бросила вызов она. Когда перед нами поставили тарелки, Торрин произнесла: — Спасибо, Эллен Сью. — и пристально посмотрела на меня, напомнив, что мне следовало быть вежливым и соблюдать приличия.

Неужели она думала, что я ее когда-либо послушаю? Не с тем связалась.

Протянув руку, я ухватил подлокотник ее стула и придвинул к себе.

— Не перечь мне. Я не тот человек, которому можно выносить гребаные мозги. Будь готова к пяти. Я засуну язык тебе в глотку в любой момент, когда захочу, и ты без слов подчинишься, как прошлой ночью. Нравится или нет, но от ужина зависит слишком многое. Так что соберись с мыслями, Гарантия, пока я тебе не помог это сделать.

Девушка ахнула, и я увидел вспышку страха в ее глазах, прежде чем она подавила его. Она снова с ненавистью смотрела на меня.

Правильно, бойся меня, Торрин Макалистер.

ТОРРИН

Я завтракала, лихорадочно обдумывая ситуацию и не чувствуя вкуса того, что запихивала в рот. Невозможно было предсказать, как поведет себя Оникс Блейк через секунду. Как только он доел, то встал и вышел из кухни, не взглянув на меня, и не проронив больше ни слова.

Я тоже встала, отнесла свою тарелку в раковину, а Эллен Сью продолжала заниматься своим делом.

— Как вы все это терпите?

Она с сочувствием посмотрела мне в глаза.

— Он не злой человек, даже, если сам так думает. Он пережил такое своей жизни, что тебе и не представить.

— Расскажите, помогите его понять.

Женщина покачала головой.

— Лучше отдохни перед сегодняшним вечером. Если он берет тебя с собой, это много значит. Скорее всего, будет какое-то официальное мероприятие.

Я разочарованно взглянула на Эллен Сью.

— И что, каждый выполняет все его требования?

— Да, Оникс это заслужил. — это были ее последние слова, прежде чем она оставила меня на кухне одну.

Вернувшись в спальню, я вздохнула. Будь в библиотеке книги, я бы посидела там и почитала. Вместо этого легла на кровать. Я не планировала спать, скорее, хотела немного упорядочить свои мысли, но со временем эмоциональное истощение победило, и я крепко заснула. Звук телефонного звонка выдернул меня из сна. Трель продолжалась, и я села, ожидая увидеть Оникса.

Но его не было.

Я посмотрела на комод, где звонил мобильный. Встав, подошла к нему, и мое сердце наполнилось счастьем, когда я увидела, что это был мой телефон! На экране высвечивалось: «Кеннеди», и я с облегчением провела по нему пальцем, чтобы ответить.

— Кеннеди, как ты? — тут же выпалила я, сердце бешено колотилось.

— О, Торрин, прости, что мы тебя втянули в это! — ее голос был музыкой для моих ушей. Я скучала по сестре так сильно, что сложно вообразить.

— Выкладывай всё, Кеннеди. — Ладони вспотели, а нервы были на пределе, но всё же я жаждала знать, что происходило на самом деле. Мне было больно, ведь она не доверяла мне настолько, что даже не сказала о шансе завести ребенка, не говоря уже о том, насколько далеко всё зашло.

— Я не могу, — всхлипнула она.

— Тогда расскажи, что можешь. Во что я ввязалась, Кеннеди? Пожалуйста, — взмолилась я, отчаянно нуждаясь в том, чтобы кусочки головоломки, в которую превратилась моя жизнь, хоть как-то встали на свои места. Каждый заслуживает правды, если это касается его жизни. Я просто хотела ее узнать. — Я не сержусь. Мне больно, — честно призналась я ей. — Кеннеди, с чем мы столкнулись? Как я могу защитить тебя и этого ребенка, если я понятия не имею, что происходит?

Сестра сделала глубокий вдох.

— Ты в курсе, что мы хотели иметь детей. Мы пробовали естественный способ, но обнаружилось, что я совершенно бесплодна. — она всхлипнула, и мое сердце сжалось. Я знала об этом, потому что в тот день утешала ее после приема врача. — Процесс усыновления долгий и утомительный. Малькольм рассказал другу о нашей проблеме, и тот попросил дать ему три дня и предупредил, что если мы получим странный звонок, то должны будем ответить на него. Мы не знали точно, что происходило, но были так взволнованы мыслью о том, что у нас будет собственный ребенок! Мы так быстро втянулись во всё это, что не успели оглянуться, как заключили соглашение с Ониксом. — она всхлипывала через каждое слово.

Моя сестра была такой доброй, понимающей и любящей, что мое сердце снова сжалось.

— Оникс действительно поможет вам?

— Да, — уверенно ответила она. — Он лучший в своем деле.

— Где же он его возьмет? — спросила я, наконец, откинувшись спиной на подушки в изголовье кровати и подтянув к себе колени. Она утверждала, что он был лучшим, а как именно он это проворачивал?

Сестра громко вздохнула.

— Об этом я не могу рассказать. Ради безопасности нашего ребенка. На самом деле, надеюсь, что уже не сказала слишком много, Торрин. Сейчас всё так запутано — ты и наше будущее в его руках. А вот наши руки крепко связаны.

— Я так понимаю, Малькольм дал Ониксу деньги. — Хотелось спросить об этом Оникса, но я не стала, он все равно бы не ответил.

— Да. — на другом конце провода что-то зашуршало. — Ты же знаешь, что для Малькольма деньги не проблема. Он потратит последний цент ради семьи.

Облегчение захлестнуло меня. Мысль о том, что Оникс навредит им, причиняла невероятную боль.

— Как тебе удалось мне позвонить?

— Оникс написал мне сообщение вчера вечером, что у меня скоро появится возможность поговорить с тобой. Десять минут назад я получила смс с просьбой позвонить на твой телефон, и сразу набрала тебя. Что он с тобой там делает?

От ее вопроса я задрожала, вспомнив, что Оникс вытворял со мной, особенно прошлой ночью в библиотеке. Вспомнила его грубые прикосновения, интенсивный оргазм, а также то, как он ушел, не сказав ни слова. Нам так о многом нужно было с ней поговорить, но точно не об этом. Во всяком случае, пока. Возможно, как только ребенок родится и окажется у Кеннедт на руках, то я расскажу. Покажет лишь время.

— В основном он пропадает на работе. Мы с ним редко видимся. — солгала я, чувствуя себя виноватой. Наши отношения с сестрой никогда не были построены на лжи. Мы никогда не врали друг другу. Чувство вины разрывало изнутри.

Не знала, почему, но мне казалось неправильным рассказывать сестре о проведенном времени с Ониксом.

— Ну, Малькольм сказал, что как только у нас будет ребенок, мы перевезем тебя к нам, Торрин. Твои вещи из квартиры упаковали и куда-то увезли, поэтому Малькольм пообещал купить тебе новые. — я услышала боль в ее голосе.

У меня навернулись слезы, но я старалась не расплакаться. Это были обычные вещи, за исключением фотографий моей матери и сестры. Я надеялась, что у Кеннеди были копии

этих фото, особенно последней, на которой мы втроем. Эти фотографии невозможно заменить ничем. Отчаяние начало нарастать. Но сейчас я ничего не могла поделать с ситуацией, так что не было никакой необходимости расстраиваться.

— Все это можно пережить, если у вас будет ребенок.

Ее слезы разрывали сердце, и сдерживать свои становилось все труднее и труднее.

— Быть мамой потрясающе, Торрин. Надеюсь, что смогу быть такой же хорошей, как наша мама. А ты будешь такой классной тетей.

— Ты уже знаешь, кто будет? Мальчик или девочка?

Снова послышался какой-то шум на другом конце провода.

— Нам сказали, что это девочка, но пока мы не увидим малышку и не подержим ее на руках, не станем покупать розовые вещи. Даже если сильно хочется.

Меня охватило беспокойство.

— По-твоему, Оникс может обмануть?

— Нет. Он дал нам снимок УЗИ, и мы дважды разговаривали с суррогатной матерью. Мы еженедельно получаем ее фотографии и наблюдаем за всем процессом. Просто мы всей душой мечтали о ребенке, и я не могу радоваться, пока не увижу его или ее. Такое ощущение что, чем больше мы расспрашиваем мистера Блейка или просим больше информации, тем хуже становятся отношения между нами. Долгие восемь месяцев ожидания. Я продолжаю надеяться, что все скоро закончится, и малыш будет с нами.

— Если что-то пойдет не так, это разобьет тебе сердце. — тихо сказала я.

— Да.

Мне хотелось обнять ее, держать в своих объятиях и находиться рядом. Она всегда была со мной, а в этот единственный раз, когда я действительно могла ее поддержать, я ни черта не могла поделать. Именно тогда слезы и потекли по моим щекам.

Сделав глубокий вдох и взяв себя в руки, я снова села на кровати.

— У вас хотя бы уже есть детская комната? — я попыталась вывести ее из ступора. — Вы уже прождали восемь месяцев, получается, я пробуду здесь не больше четырех-шести недель. Прошло уже почти четыре недели. Так что дело близится к концу.

— Мы покрасили две свободные комнаты, одну в голубой, а другую в розовый, но на этом всё. На одежду я пока только смотрю, покупать не решаюсь.

Нужно будет устроить вечеринку в честь рождения ребенка!

Однако я передумала говорить ей об этом. Раз Кеннеди даже не покупала вещей для малыша, предложение было бы неуместным. Но после того, как они заберут его, а я избавлюсь от Оникса, я устрою ей самую большую вечеринку. Я приглашу всех ее друзей-снобов и изо всех сил буду стараться не язвить им.

— Здесь все хорошо, Кеннеди. Не переживай. Ты знаешь, что я сделаю для тебя все, что угодно.

Ее тяжелое дыхание превратилось в рыдания.

— Знаю. Спасибо тебе, тысячу раз спасибо! Что бы я без тебя делала...

— Я всегда буду с тобой, — пообещала ей, понимая, что даже после смерти найду способ быть рядом.

Дверь в комнату распахнулась, и на мне сосредоточилась Эллен Сью.

— Пора собираться.

Меня пронзил ужас.

— Кеннеди. Мне нужно идти, но я скоро тебе позвоню. Я люблю тебя!

— Куда ты? — крикнула она в порыве. — Не вешай трубку!

Я закрыла глаза, чувствуя себя самым дерьмовым человеком во всем мире.

— Я нужна Ониксу, позже перезвоню. — хотелось бы сказать, что я позвоню ей скоро, но понятия не имела, когда это случится. Давать ложную надежду было бы неправильно. — Люблю тебя, Кеннеди. Мы пройдем через все, и твои мечты сбудутся, — напомнила я ей.

— О... и я люблю тебя, Тори. — ее голос стал мягче.

— Созвонимся позже. — Выключив телефон, я бросила его на кровать, согнула колени и зажала голову между ними. Мне требовалась передышка. Нужно было снова возвести стены внутри себя, чтобы противостоять Ониксу. Разговор с сестрой помог восстановить силу духа. Я продолжала думать о том, насколько сильно она была уверена в Ониксе. Он не играл с ними в игры. Что это за бизнес такой, что он пообещал им ребенка? А еще он был жесток и безжалостен. Все это было очень странно.

Кеннеди говорила о суррогатной матери, словно это была не обычная незапланированная беременность девушки, которая хотела отказаться от ребенка. На самом деле, учитывая то, что поставлено на карту, сестра ничего не рассказала о человеке, который смог повернуть все это в мгновение ока. Внутренний голос продолжал говорить, что Оникс Блейк на самом деле мог быть хорошим внутри, и я начинала в это верить.

Расстроенная, я слезла с кровати.

— Я готова.

Эллен Сью улыбнулась.

— Ты будешь там самой красивой. — она была уверена в этом.

Утверждение про красоту было весьма спорным. Прямо сейчас я чувствовала себя очень дерьмово. *Но что бы со мной не случилось, я все сделаю для своей сестры.* И у меня было такое чувство, что я об этом пожалею.

ОНИКС

Направляясь в свою комнату, я поднимался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. У меня выдался долгий день. Появились проблемы с суррогатной матерью, у которой неожиданно возникли осложнения со здоровьем. Пока куратор вез женщину в здание на Карсен-Лейн, где у нас в штате был врач, я постоянно находился на связи и ждал новостей как о ее самочувствии, так и о самочувствии ребенка.

Зайдя в комнату, сразу направился к шкафу, чтобы переодеться в костюм к ужину. Возможно, я слишком устал, чтобы ехать туда сегодня вечером, но не стал отменять встречу. Услышал тихое шуршание из ванной.

Торрин.

Пока переодевался, разобрал некоторые ее слова. По всей видимости, девушка разговаривала сама с собой.

— Мама, я вляпалась по уши. Я не должна была спать с ним. И его отношение ко мне после этого, убивает, мама. Все это ради Кеннеди. Надеюсь, ты с небес присматриваешь за ее малышом. И надеюсь, что все это не напрасно. Она будет хорошей мамой, потому что ты научила нас любить. — закончила она со вздохом.

Сердце сжалось, словно я по-настоящему прочувствовал ее боль. Я прошел в ванную и притворился, будто только что не слышал слов Торрин. Нужно, чтобы она думала, что я равнодушен к ней. Стоя рядом с ней у туалетного столика с двумя раковинами, я почистил зубы, пока она убирала щипцы для завивки, чтобы потом накрасить губы.

— Не заморачивайся с помадой, — сказал я. — Все равно она долго на твоих губах не продержится.

— Мне нужны хоть какие-то границы, Оникс.

— Нет, — возразил я, ополаскивая рот и сплевывая воду. — Ты моя до тех пор, пока длится наше соглашение. Я думал, ты уже это поняла. Поэтому, если я приглашаю тебя на ужин и захочу поцеловать, то, черт возьми, поцелую, а ты поцелуешь в ответ, независимо от того, кто будет сидеть рядом с нами.

Я наблюдал, как забегал ее взгляд. Без сомнения, она пыталась прочесть между строк. Да, сегодняшняя вечер будет интересным, но, в конце концов, оно того стоит.

— Одевайся, — приказал я, выходя из ванной. В этом халате Торрин выглядела чертовски сексуально. Но лучше, если бы этот халат оказался на полу.

Положив руку на бедро, она ответила:

— Разве я не говорила тебе, что не собака? И не подчиняюсь приказам! Так нельзя!

Подойдя к ней, я сорвал махровую ткань с ее тела и замер. Несколько мгновений не мог дышать, не мог моргать и думать. Торрин стояла передо мной вся в черном. Черный бюстгальтер без бретелек. Черные кружевные трусики. Черные подвязки, прикрепленные к черным чулкам до бедер. На ней не было обуви, но, черт возьми, она ей была не нужна.

Член в штанах затвердел и запульсировал. Захотелось трахнуть Торрин прямо здесь и сейчас, чтобы моя сперма была на ее бедрах, когда мы встретимся с Джеймсом.

Я взглянул на часы, отмечая, что уже пора выходить, и лучше выкинуть всю эту дурь из головы. Нужно было сосредоточиться на плане, а не на сочных, округлых сиськах и заднице.

Прочистив горло, я сказал:

— Надевай платье и туфли. Мы опаздываем.

Торрин прожигала меня взглядом.

Я сел на кровать, пока она одевалась.

— Знаешь, ты мог бы быть и повежливее. Разумеется, я не ожидаю, что ты будешь святым, но твое безразличие... — она не закончила, за что я был благодарен.

Я думал, что в этот раз возьму себя в руки и не совершу ту же глупость, как минуту назад в ванной. Не получилось. Торрин вышла в изумрудно-зеленом платье. Когда я покупал его, то фантазировал, как ткань обтянет ее грудь. Но оказался не готов к тому, как в реальности выглядели в этом платье ее задница и сиськи. Оно было очень коротким, и я представил, как проведу рукой по ее бедру, залезу под юбку и трахну ее пальцами во время ужина. Когда я увидел платье в магазине, то сразу подумал о Торрин, и черт меня побери, оно ей идеально подходило. И каблуки. Черт, определенно трахну ее в этих туфлях, когда вернемся домой вечером.

— Поехали.

Я вышел из комнаты и услышал стук ее каблуков только через несколько мгновений. Торрин не торопилась. Вообще не торопилась пока шла позади меня. Мы спустились по лестнице и вышли за дверь. Нас ждал «Кадиллак», Кейс сидел за рулем.

Джеймс был непредсказуем, но он понятия не имел, что я для него приготовил. Интересно было посмотреть на его реакцию. Если Джеймс прикоснется к Торрин, то Кейс знал, что делать. Если что-то пойдет не так, Кейс вернет Торрин домой, а я лично разберусь с этим придурком. Все знали, что необходимо отвечать за свои поступки, но Джеймс всегда был моей проблемой, которую необходимо было решить.

Когда я открыл дверь на пассажирское сиденье, Торрин скользнула внутрь.

— Вау, ты бываешь джентельменом, кто бы знал.

— Не привыкай. — захлопнул дверь, поймав еще один из ее особенных взглядов через окно.

Я тоже сел в машину, и Кейс тронулся с места, остановившись только для того, чтобы я ввел код на воротах, и мы поехали. Торрин молчала, держа на коленях сумочку, которая шла к платью. Единственной вещью, которая, вероятно, находилась внутри, был ее телефон. Не было смысла не отдавать его, потому что Кеннеди не расскажет многого, поскольку сама не очень владела информацией, а Торрин никуда не денется, пока ребенок не окажется у своих родителей.

Этот «поводок» был бесполезен. *Поводок*. Хорошая идея использовать его немного в другой ситуации.

Я потянулся и положил руку Торрин на колено. Она попыталась оттолкнуть меня, дернув ногой, но я сжал руку сильнее.

— Отпусти, — потребовала она. Мне захотелось рассмеяться, но я сдержался.

— Ты моя. Я буду целовать тебя, прикасаться к тебе и делать с тобой все, что, черт возьми, захочу, пока ты здесь. А ты не сопротивляешься. Не дерзишь. На людях ты моя послушная девушка.

— Ненавижу тебя, — прорычала она.

— Вот и прекрасно.

Подъехав к ресторану, мы заехали на парковку. Один из встречающих открыл дверь для Торрин. Она вышла, и взгляды всех гребаных мужиков устремились на нее. Внезапное желание убить всех присутствующих стало непреодолимым.

Я протянул ей руку и Торрин, фыркнув, приняла ее.

— Зачем я здесь? — прошептала она.

Я остановился, прижимая ее вплотную к своему телу, ощущая тепло и мягкость женских изгибов. Для посторонних мы выглядели как влюбленная пара, пока я шептал ей на ухо всякие нежности. Но я шептал вовсе не нежности. Я напомнил Торрин о правилах.

— Не спрашивай ни о чем, иначе будут последствия, Гарантия. Помни об этом.

Она сразу притихла, и я потащил Торрин мимо стойки администратора, к нашему столику в центре ресторана. Идеальное место.

Она теребила салфетку, положив ее на колени и не выпуская из рук. Молодой официант подошел к столу и спросил:

— Желаете что-нибудь выпить? — он стал рассказывать об ассортименте вин. Торрин внимательно слушала, уделяя ему все свое внимание. Официанту это понравилось, судя по румянцу на его лице.

Я быстро поднялся, посмотрев ему в глаза.

— Еще раз, бля*ь, посмотришь на нее, я вырву твои яйца и засуну их тебе в глотку. — тот заметно задрожал, когда Торрин встала и обратилась у нему.

— Извините, он...

— На место села. — прервал ее я.

Она вызывающе посмотрела на меня и повернулась обратно к пареньку.

— Я ужасно сожалею. Иногда он ревнивый. Возможно, если вы принесете выпить, это его успокоит. — официант быстро кивнул, в то время как я взглядом приказал Торрин сесть.

Она заняла свое место.

— Можно мне, пожалуйста, бокал Просекко?

— Виски. — я сел, когда парень буквально убежал от нас. Вот и хорошо. Маленький мудака.

— Так вот зачем ты притащил меня сюда? Чтобы вести себя как полный идиот? — отрезала Торрин как раз в тот момент, когда я заметил Джеймса. Вместо ответа я притянул ее к себе и крепко поцеловал, прежде чем она его увидела. Торрин сопротивлялась, и я прикусил ее губу. Она боролась, отчего я сжал ее еще сильнее. Она наконец расслабилась, и я стал целовать ее, словно одержимый. Блуждал руками по ее бедрам, а пальцами теребил край чертовски сексуальных подвязок, которые она нацепила. Когда мы уйдем отсюда, я сорву их с ее ног.

— Какого хрена? — прогремел Джеймс, подходя к нашему столику. — Я пришел не для того, чтобы наблюдать, как ты трахаешь какую-то цыпочку, Оникс! Если бы я хотел посмотреть порно со шлюхой, я бы включил интернет!

Торрин отстранилась, потому что я позволил ей это сделать. Она побледнела, приоткрыла рот и задержала дыхание. Я взглянул Джеймсу прямо в глаза.

— Она далеко не шлюха, так что следи за гребаным языком, — ответил я сквозь стиснутые зубы. — Ты жив, только потому, что я так хочу. Помни об этом.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Торрин Джеймса. Без сомнения, она не могла понять, почему ее первая любовь, ее возлюбленный из колледжа, присоединился к нам за ужином сегодня.

Джеймс выдвинул стул и сел.

— Мой дорогой брат тебе разве не сказал?

— Брат? — переспросила Торрин, глядя на меня, и ее охватила сильная паника.

— Хватит! — приказал я. У меня был план, и Торрин должна была участвовать в нем до самого конца.

— Иди нахрен, Оникс! — в его глазах плясала ненависть. Я также с ненавистью посмотрел на него в ответ. — Почему Торрин с тобой? Она не имеет никакого отношения к тому, что происходит между нами!

— Торрин со мной, потому что она моя, Джеймс. Я подумал, тебе стоит знать.

— Тебе не кажется, что ты уже достаточно наигрался со мной в свои игры?

Я впился в него взглядом.

— А тебе самому еще не надоело?

— Что мне нужно сделать, чтобы ты оставил меня в покое? — спросил меня Джеймс, но его взгляд остановился на Торрин.

— Сдохнуть.

ТОРРИН

В голове пронеслись безумные мысли. Оникс Блейк поцеловал меня на глазах у Джеймса Ширса, моего бывшего парня! Того, кого я не видела почти пять лет и с кем мы не очень хорошо расстались. Что еще более удивительно, они оказались братьями. Джеймс никогда не упоминал, что у него есть брат.

Никогда.

Джеймс Ширс. Мои первые серьезные отношения были именно с ним. На самом деле, на сегодняшний день он — единственный мужчина, которому я признавалась в любви. Оглянувшись назад, я осознала, что, за то время, что мы были вместе, он мало чем делился со мной. Он был добрым, внимательным, но далеко не открытой книгой. Я никогда не видела его мать. Он рассказывал о ней и о том, какие у них близкие отношения. У него был отчим, я это хорошо помню, но, кроме случайных упоминаний о нем, я почти ничего не знала. В то время мне казалось, что я влюблена, но, увидев отношения моей сестры и Малькольма, поняла, что на самом деле это была не любовь. Увлечение, похоть, комфорт — конечно, всё это указывало на привязанность к Джеймсу, но глубоких чувств не было.

Я была не в состоянии сейчас полностью переварить всю информацию, но пыталась впитать как можно больше.

Однако, находясь сейчас в этой ситуации, я наверняка уяснила одно — я была во власти Оникса Блейка не только из-за моей сестры и их соглашения. С самого начала у Оникса был более сложный план насчёт меня.

Джеймс сидел прямо напротив Оникса, словно гордый павлин.

— Торрин Лейн Макалистер, прекрасна, как всегда, — сказал он, не сводя глаз с Оникса. — Тебе лучше подыскать компанию получше, любимая. И что же тебя связывает с моим братом?

У этого мужчины хватило наглости называть меня «любимой»! Я пристально уставилась на Оникса, пытаясь прочесть его. Он был спокоен, слишком спокоен. Наши взоры встретились, и я увидела доверие. Он верил, что я ничего не расскажу Джеймсу. И, взглянув на мужчину, которого, как мне казалось, я когда-то любила, я заметила презрение в его взгляде, что ранило меня до глубины души.

Оникс хоть и был не очень хорошим человеком, но все же не являлся чистым злом, каким представлял его Джеймс.

Какая-то странная преданность к Ониксу зародилась внутри. Хотя он, конечно, поставил меня в невыгодное положение, я не могла сказать, что сам мужчина плохо обращался со мной. Под его крышей со мной могло случиться все что угодно, но ничего плохого не произошло. Он не насиловал меня, не заставлял делать всякие отвратительные вещи. Конечно, он нарушал личные границы, но учитывая превосходство, которое имел надо мной, Оникс не совершал ужасных поступков. Я не позволю Джеймсу думать о нем плохо или относиться к нему с ненавистью.

— Мы с твоим братом не тратим время, вспоминая прошлое. — слова сорвались с языка прежде, чем я поняла, что сказала. Резкость в моем тоне удивила даже меня.

— Торрин, ты зря связалась с ним. — Джеймс посмотрел мне в глаза. — Моя мать всю мою жизнь рассказывала о том, как хорошо ей было без Оникса. — откинувшись на спинку

стула, он насмеялся над Ониксом, который не проявлял ни единой эмоции или реакции. — Я — самый старший. Когда наша мать забеременела им, то родила его в куче лошадиного дерьма в сарае. После этого вернулась домой и сказала, что ребенок — слишком тяжелая ноша для нее. Он бы только мешался. — Джеймс продолжал смотреть на Оникса с презрением, рассказывая эту жуткую историю.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать вздох, когда мое сердце сжалось. Новорожденного оставили в сарае. Что это за мать такая? Кто бросает невинного малыша, возможно, на верную смерть? Какая мать способна оставить одного сына и растить другого с такой ненавистью к своему брату? Джеймс так хладнокровно все это выкладывал! Считал себя лучше Оникса. Его отношение говорило о том, что он не был таким уж хорошим человеком, как я думала.

Оникс наклонился к столу.

— Знаешь, зачем я позвал тебя сюда, старший брат? Знаешь, почему я вообще оставил тебя в живых?

Джеймс начал было отвечать, но Оникс поднял руку, останавливая его. К моему удивлению, каким бы гордым и высокомерным ни был Джеймс, он откинулся на спинку стула и замолк.

— Я знал, что ты не сможешь устоять и не напомнить мне о том, что мать меня бросила. Чего ты не в состоянии понять, так это то, что мне насрать. В то время, как ты тратил всю свою жизнь, лелея прошлое, я построил свою империю и по крупницам забрал всё, что когда-либо было тебе дорого. Возможно, у тебя была Оливия Блейк и её извращенная любовь, но, видишь ли, Джеймс, у меня теперь есть всё, а у тебя остались лишь воспоминания. У меня есть женщина, которая достаточно сильна, чтобы принять мою сторону. У меня есть дом, машины и люди, прикрывающие мою спину. А у тебя, мой дорогой брат, есть только твое дерьмо.

Оникс взял меня за руку и переплел наши пальцы, и я позволила это, не до конца понимая, для чего я здесь на самом деле. Но мне казалось это правильным.

— Пошел ты! Ты играешь с огнем, брат, — предупредил Джеймс и взглянул на меня. — Держись от него как можно дальше, Торрин.

— Ты так сильно заботишься о благополучии Торрин. Тогда скажи, где твоя жена, Джеймс? Когда ты в последний раз навещал Мари?

— Оникс, — прорычал Джеймс. — Ты, черт возьми, хорошо знаешь, где она и навещал ли я ее!

— А где же твоя драгоценная мамаша?

— Что за игры, Оникс? Тебе известно, где моя мать!

Оникс отпустил мою руку и усадил меня к себе на колени. Инстинкты буквально кричали бежать от этих мужчин, но страх удерживал на месте.

— Помнишь, как хорошо она целовалась, Джеймс? — насмеялся Оникс.

Коснувшись большим пальцем моего подбородка, он приблизился к моим губам, снова страстно целуя меня. Я сдалась. Только когда поцелуй стал выходить из-под контроля, Оникс отстранился.

— Когда-то ты любил Торрин, Джеймс. Теперь она моя. — ядовито произнес он. — А твоя драгоценная жена, Мари? Печально, что с ней такое произошло.

— Оникс... — Джеймс был явно потрясен.

— А я ведь предупреждал, Джеймс. Я, бля*ь, говорил тебе много лет назад, чтобы ты

оставил меня в покое. Ты отступил тогда? Нет, черт возьми. И вот, мы здесь, современные Каин и Авель. Только когда ты попытался меня убить, у тебя ничего не вышло.

От угрозы в голосе Оникса я задрожала. Все происходящее, очевидно, тянулось из далекого прошлого. Между ними не было абсолютно никакой братской любви, и я боялась того, что должно было произойти. Почему Джеймс покушался на Оникса?

— Однажды я добьюсь своего, Оникс. Даже если в нашей войне будут жертвы, они останутся на твоей совести, не на моей. — Джеймс посмотрел прямо на меня с угрозой во взгляде. Мурашки пробежали по телу при мысли о том, что я стала невинным свидетелем игры, в которую они играли.

— Следи за словами, брат, ты здесь только потому, что я так хочу. Переступишь черту и навредишь мне или тому, кто мне дорог, и окажешься в могиле.

Подошел официант и расставил тарелки, при том, что мы даже не делали заказ. Я хотела слезть с колен Оникса, но он сжал мое бедро, удерживая на месте.

— Не волнуйся, брат, я заказал для тебя курицу в ананасовом соусе. Я знаю, что тебе нравятся ощущения, когда перехватывает горло, и спирает дыхание. Ты захватил свой ЭпиПен? *(прим. пер.: портативная шприц-ручка с адреналином, которая используется для экстренной терапии опасных для жизни аллергических реакций.)*

— Я убью тебя, — прорычал Джеймс. Я знала об аллергии. Это было опасно. Даже если капля сока попадет на его кожу — это вызовет ужасные волдыри, а если он съест фрукт, то это наверняка приведет к анафилаксии. *(прим. пер.: серьезная аллергическая реакция, которая может быть опасна для жизни.)*

Оникс рассмеялся, словно безумный:

— Ты дважды пытался и с треском провалился.

У меня было так много вопросов, но я знала, что лучше их не задавать. Больше всего на свете мне хотелось выбраться отсюда. И освободиться от объятий Оникса. Чтобы было легче дышать. Я также жаждала ударить его за то, что он использовал меня, чтобы проучить Джеймса, но так же сильно хотела обнять из-за того, что он пережил, когда был тем травмированным, маленьким мальчиком.

Оникс отрезал кусок стейка и поднес его к моему рту, чтобы покормить меня. Это было неловко, особенно учитывая, что Джеймс сидел напротив нас и не притрагивался к своей тарелке.

— Торрин, почему ты связалась с таким человеком, как он? — отвращение в голосе Джеймса вывело меня из себя.

Более того, я задумалась о своих отношениях с Джеймсом. Он был эгоистом. Все было зациклено только на нем. Я даже чуть не завалила экзамен в колледже, потому что он требовал, чтобы я проводила время с ним вместо того, чтобы ходить на занятия.

Джеймс Ширс хотел и со мной закуситься, и я была к этому готова.

— Что значит «таким, как он»? Он отвечал, когда я задавала вопросы. Он слушал, когда я что-то говорила. Не помню, чтобы ты уделял мне такое же внимание.

— Он сам дьявол! Монстр! Самый настоящий мерзавец! — Джеймс говорил так, будто Оникс не сидел прямо здесь, рядом с нами.

— Так зачем же ты пришел? — спросила я, на что Оникс сжал мое бедро.

— Потому что он устанавливает правила, — пробормотал Джеймс, пока Оникс продолжил есть. — Это все, что ты хотел? Показать, что подбираешь за мной жалкие объедки?

Злость клокотала внутри. Я не считала себя пешкой в игре, которую можно было использовать, оскорбить и в итоге выбросить. И не важно, что было у нас с Джеймсом, я не была чьими-то там «объедками»! К черту его!

— На самом деле, то, что Торрин присоединилась к нам, было бонусом. — Оникс достал конверт из кармана пиджака. — Я подумал, что тебе это понадобится, учитывая твои проблемы с законом.

Джеймс выхватил конверт из рук Оникса.

— Чтоб тебя, Оникс! — выплюнул он, открывая конверт и доставая пачку наличных.

Я была удивлена, что Джеймс явно ненавидел Оникса, но все равно взял деньги. Я еще больше заинтересовалась их отношениями.

— Все? Я могу идти? — спросил Джеймс, кладя деньги в карман и бросая конверт на стол, будто ничего не произошло.

Оникс откинулся на спинку стула, словно обдумывал его вопрос, прежде чем, наконец, слегка кивнул.

— Не забудь передать привет дорогой мамочке, — пробормотал он, возвращая конверт Джеймсу. — Давай, ешь, — приказал мне Оникс, сжимая мое бедро и пересаживая со своих колен.

Я пересела, радуясь свободе, но есть не могла. Я была слишком взвинчена из-за того, что узнала. Разум лихорадочно работал, а ладони потели от нервов в течение всего вечера. Что еще было внутри конверта? Что там было для «дорогой мамочки»? Зачем Оникс дает Джеймсу деньги, учитывая ненависть, которую оба разделяли? И что мне интересно больше всего — почему в этом всем участвовала я?

Оникс использовал меня сегодня вечером, чтобы отомстить брату. Ситуация, в которую он меня втянул, не имела ничего общего с Кеннеди, Малькольмом или их ребенком. Зато имела отношение к той игре, в которую Оникс играл с Джеймсом. Игре, сути которой я, разумеется, не понимала.

Джеймс посмотрел на меня, пытаясь что-то прочесть в моих глазах, и я молилась, чтобы ему это не удалось.

— Ты увязла слишком глубоко, Торрин. Оникс разрушает все, к чему прикасается, а так как в тебе нет ничего особенного, то он рано или поздно он разрушит и твою жизнь. — Джеймс взял конверт, засовывая его в карман.

— Хватит, — скомандовал Оникс, и Джеймс замолчал, затем развернулся и ушел.

Я не могла есть, хотя еда действительно выглядела восхитительно. Я сидела молча, пока Оникс доедал свой ужин. Перед уходом Джеймса за столом царил напряженность из-за гнева, исходившего с обеих сторон. Сейчас напряжение осталось, но оно было каким-то другим.

Оникс был чертовски хладнокровным и спокойным все это время. Это меня удивило.

После того, как Джеймс ушел, казалось, что Оникс был здесь и не здесь одновременно. Его тело сидело рядом, поглощало еду, которую он, очевидно, заказал заранее и которой наслаждался, но его разум витал где-то в другом месте. Может, он думал о своем детстве? У меня было много вопросов, но я не осмеливалась задать ни одного.

Когда мы сели в машину, ярость исходила от Оникса волнами. Кейс вел машину, в то время как напряженный Оникс сидел рядом со мной на заднем сиденье.

Глядя в окно, я переваривала новую информацию, чтобы разгадать загадку под названием Оникс Блейк. Даже если у него было тяжелое детство, что дало ему право так

поступать со своим братом? А тем более поступить так со мной?

Использовать.

Выставить вот так перед Джеймсом.

Гнев бурлил внутри всю дорогу до дома. Но я не произнесла ни слова. Казалось, что моя злость вот-вот вырвется наружу. Тело даже завибрировало от переполняемых эмоций. Оникс вышел, ввел код, и мы свернули на подъездную дорожку.

Как только машина остановилась, я распахнула дверь и поднялась по ступенькам. Дверь оказалась заперта, и пришлось отойти в сторону, чтобы Оникс открыл ее. Как только он это сделал, я перешагнула через порог, нуждаясь в уединении, чтобы подумать. Нуждаясь в кислороде, который Оникс мне постоянно перекрывал.

Я услышала, как он захлопнул за собой дверь.

— Торрин, — прорычал Оникс. Это стало словно триггером для меня. Не просто так же он назвал меня по имени, будто между нами что-то изменилось. Лишь одно его слово подожгло пламя, и я взорвалась.

Быстро развернувшись, я уставилась ему в лицо.

— Не смей называть меня Торрин! Ты меня подставил! Ты знал все это время, что у меня были отношения с Джеймсом! Так ведь?!

Он пожал плечами. Да, пожал плечами, будто ему было наплевать на то, что он разрушал мою жизнь! Пошел он к черту!

— Я думала, что в тебе есть хоть капля хорошего из-за того, что ты делаешь для моей сестры, но я ошибалась!

— Это только твоя ошибка. Я никогда не утверждал, что хороший. — Оникс обошел меня, отстраняясь, но я встала прямо у него на пути. Может, я подписывала себе смертный приговор, но мне было плевать, я была слишком зла.

— Я ненавижу тебя! Не могу дождаться, когда это дерьмо закончится, чтобы я могла побыстрее свалить отсюда! Подальше от тебя!

— По-твоему, я рад твоему присутствию? Если бы не твоя киска и связь с Джеймсом, ты была бы для меня бесполезна!

Его слова глубоко ранили, но еще сильнее распалили меня.

— Пошел ты! — закричала я ему в лицо, а он схватил меня и грубо поцеловал. Я сильно прикусила его нижнюю губу, ощущая на языке привкус меди, отчего Оникс лишь притянул меня ближе к себе, целуя с удвоенной силой.

Я ненавидела его. Мой разум ненавидел его. Ненависть была моей единственной эмоцией сейчас. Я никогда в своей жизни не испытывала такой ненависти. Но мое тело... меня предавало. Схватив Оникса за шею, я сжала ее изо всех сил, принимая его поцелуй и пытаюсь взять ситуацию под контроль. Трусикки стали влажными. Я жаждала разрядки, которую мог дать только он. Я хотела сразиться с ним, чтобы добиться своего.

Это не сработало. Оникс отеснил меня назад, и мы врезались прямо в стеклянный стол, разбив его вдребезги. Это дало мне небольшое преимущество, я оттолкнулась от него и направилась к лестнице. Пошел он в задницу!

Топот его ботинок раздавался прямо позади. Потом Оникс догнал и обнял меня за талию, притянув к себе, и опрокинул на ступеньки. Он добрался до моего плеча и сильно укусил, пока я извивалась.

— Я ненавижу тебя!

Он проигнорировал меня, стягивая платье с плеч. Я ударила его ногой, попав ему в

голень. Оникс что-то пробурчал, перевернул меня и навалился всем своим весом. Ступеньки впивались мне в спину, и чем больше я сопротивлялась, тем больнее было.

— Слезь с меня!

— Твоя киска жаждет меня прямо сейчас, — насмеялся он, снова завладевая моими губами. Схватив его рубашку, я разорвала ее, и пуговицы разлетелись по всему помещению. Я стянула с Оникса пиджак и эту рубашку. Его тело было гребаным произведением искусства.

У меня в голове царил полный хаос. Это была война между моим разумом и телом, моими эмоциями и реакциями. Я ненавидела этого мужчину, но в то же время страстно желала его.

— Это ничего не значит. — обхватив ладонями его лицо, я притянула Оникса к себе, кусая и целуя. Это было страстное переплетение наших рук, ног и языков. В этом не было ничего чувственного. Это был просто жесткий трах между людьми, которые терпеть не могли друг друга.

Всхлип сорвался с губ, когда ступенька больно вдавилась в спину.

Оникс перевернул нас, и теперь его спина оказалась прижатой к лестнице. Он растянул штаны, вытаскивая член. Я исследовала пальцами все контуры его пресса, сильно царапая ногтями. В нескольких местах даже выступила кровь. Он зарычал, потянулся вниз, сорвал с меня трусики и бросил их куда-то вниз.

Оникс с легкостью приподнял меня и вошел так глубоко, что на мгновение я увидела звезды. Он не дал мне времени привыкнуть к его вторжению, и я вонзила ногти в его грудь.

— Я, черт возьми, терпеть тебя не могу! — прорычала я, глядя на него сверху вниз.

— Вот и прекрасно.

Когда я жестко объезжала его, то почувствовала необходимость выплеснуть всю свою агрессию, поэтому наклонилась и принялась кусать его. После третьего укуса, Оникс сел, оказавшись со мной лицом к лицу, в то время как я двигала бедрами вверх и вниз, принимая его все глубже. Черт, единственное, что, на мой взгляд, было хорошего в этом мужчине — секс с ним.

Он попытался поцеловать меня, но я отстранилась так далеко, как только могла. Оникса это ни капельки не смутило. Вместо этого он атаковал мою шею, будто мстил за укусы.

— Запомни, ты мне нужна лишь для траха, — пробурчал он.

Оникс сильно дернул бедрами вверх, толкаясь глубоко, попадая как раз в то самое, нужное место. Мои глаза закрылись, и я позволила чувствам унести меня прочь. При каждом толчке я прижималась к Ониксу всем телом, теперь мое платье задралось вверх и оголило бедра.

Ощущения захлестнули меня все сразу: жжение внутри киски, сокращение стенок влагалища, пульсация клитора. Оникс запрокинул голову, когда его член дернулся внутри меня. Он будто стал длиннее и начал сильнее давить на ту самую точку внутри.

Оргазм был нереальным, всепоглощающим и отправил меня в страну эйфории. Я почувствовала, как Оникс сжал мои бедра и сильнее вонзился в меня, но я словно была под кайфом. Когда туман рассеялся, и я поняла, где находилась, я наклонилась и укусила его за шею так сильно, что почувствовала, как бился его пульс.

Еще один рывок бедрами вверх, и Оникс зарычал, кончая. Не обращая ни малейшего внимания на то, что он все еще кончал, я встала с него. Поскольку он еще отходил от оргазма, и его бдительность ослабла, то он позволил мне уйти.

Сперма стекала по моим бедрам, платье было разорвано в клочья. Я помчалась наверх в спальню и захлопнула дверь. Туфли потерялись где-то по пути, а чулки были все порваны. Метнувшись в душ, я включила горячую воду, разделась и встала под нее.

И только тогда дала волю слезам.

ОНИКС

Я продолжал кончать, изливая сперму на живот и штаны, и наблюдая, как Торрин взбегала по лестнице. Услышал отчетливый хлопок двери. Согнувшись и обхватив голову руками, я уселся и стал размышлять в темноте.

Джеймс должен был уяснить, что я держал его яйца под прицелом и что я был готов забрать у него все, что ему когда-либо было дорого в этой его прекрасной жизни, про которую он мне рассказывал при каждом гребаном случае. Теперь у него ничего не останется. Ни работы. Ни денег. Ни жены. Ни матери. Ни дома. Ни даже Торрин.

Этот мудака, судя по всему, очень сильно ее любил. Когда они были вместе, он говорил, что женится, а меня не пригласит, потому что я был ублюдком. Не то чтобы мне было не насрать, потому что я бы все равно не появился на свадьбе, скорее, сжег бы то место, где планировался праздник.

Когда они расстались, его сердце было разбито. Откуда я знал? Потому что у меня были люди, которые следили за его задницей на каждом шагу, подробно описывая его жизнь. Мой план всегда состоял в том, чтобы дать Джеймсу попробовать его же собственное лекарство. Говорят, что карма — это сука, но я не хотел ждать, когда она его настигнет. На самом деле, я хотел быть тем мудаком, который воздаст ему по заслугам — участь гораздо худшая, нежели уготованная кармой.

Торрин была всего лишь инструментом для воплощения моего плана. И причина, по которой я взялся за Ланье — еще один элемент для осуществления моей мести, потому что это привело бы меня к Торрин. Каждый шаг был направлен на то, чтобы уничтожить Джеймса.

Выражение его лица сегодня вечером должно было принести мне удовлетворение. Но счастливый момент был омрачен женщиной, которая только что взлетела вверх по лестнице. Черт.

Встав со ступенек, я запер входную дверь, затем потащил свою задницу наверх. Я был весь в сперме, и ее нужно было смыть. Зайдя в спальню, я услышал звук льющейся воды.

Торрин стояла под струями, держась руками за стену и опустив голову. Ее тело сотрясалось, будто она плакала. Я не должен был чувствовать угрызения совести из-за нее. Меня ни капельки не должно было это волновать, черт возьми. Так почему, бл*дь, меня это волновало?

Раздевшись, я вошел в душ, отчего Торрин быстро развернулась, потеряв равновесие. Я схватил ее за бедра, удерживая, но она высвободилась из моих объятий.

— Убирайся! — приказала она, ее глаза были красными и опухшими.

— Нет.

— Черт возьми, Оникс, оставь меня в покое! — она ударила меня по груди, но я не сдвинулся с места.

— Можешь ненавидеть меня, Торрин. Но это ничего не изменит.

— Ты использовал меня! Вся эта игра была вовсе не из-за моей сестры, так? — ей было больно. Я причинил ей эту боль. Как правило, я бы даже не заметил, что кого-то расстроил. С ней, однако, все было иначе, и это затронуло глубоко внутри нечто, о существовании чего я и не подозревал.

— Когда-нибудь играла в «Монополию», Торрин?

— Пошел к черту! — выплонула она, поворачиваясь ко мне спиной.

Протянув руку, я схватил мочалку, которую купил для нее, и выдавил немного геля для душа. Под струями воды сделал пену. Пока Торрин изо всех сил старалась не обращать на меня внимания, я начал мыть ее. Она вздрогнула, но ничего не сказала. Начав с шеи, я использовал мочалку, а затем, отбросив ее, положил руки на плечи Торрин. Большими пальцами круговыми движениями помассировал заднюю часть ее шеи.

— В «Монополии» выигрывает игрок с лучшей стратегией по всем направлениям. Игрок, который знает, как быстрее всех продвинуться и получить больше ходов для покупки недвижимости. Конечно, присутствует и элемент везения. Ведь никогда не знаешь, как упадут кости.

Ее тело расслабилось под моими руками. Однако девушка не ответила. Вместо этого снова уперлась руками в стенку душа, чтобы не упасть.

— Ты была тем самым везением, Торрин. Двойным везением даже. Я не ожидал, что обстоятельства так удачно сложатся, но всё получилось как нельзя лучше, не буду за это извиняться.

Наконец она заговорила, но ее было едва слышно из-за шума воды.

— Что я сделала тебе такого, что ты так со мной поступаешь?

— Ты влюбилась не в того брата, Торрин, — прошептал я, снимая напряжение с ее мышц.

— Я совсем не знала тебя, Оникс. Как же я могла влюбиться в тебя?

— Знаешь, каково это — быть ребенком из детдома? — спросил я, скользя пальцами вниз по ее спине, чтобы продолжить разминать напряженные мышцы под теплыми струями. — Можешь себе представить, каково это — прийти в школу, а за обедом к тебе ни с того ни с сего подходит мальчик и рассказывает, откуда ты родом?

Торрин всхлипнула и начала разворачиваться. Я остановил ее и повернул ее голову обратно лицом к стене. Я никогда никому не рассказывал о своем детстве. Люди, которые переживали это вместе со мной, знали, но никто на самом деле не ведал, что происходило в моей голове. Однако поговорить об этом с Торрин казалось правильным.

— Все замечали *его*. Хвалили. Он был хорошим парнем. А я был выродком, которого никто никогда не уважал.

— Я не знала, — прошептала она, ее голова опустилась немного ниже, будто она задумалась.

Конечно, не знала, но все равно, именно то, как она смотрела на него, вызывало у меня ярость.

— Когда ты училась на втором курсе колледжа, он пригласил тебя на свидание. Ты была такой застенчивой. То, как ты заправляла волосы за ухо и опускала взгляд каждый раз, когда он с тобой разговаривал, было мило. Ты была такой невинной, Торрин. — я начал массировать округлости ее задницы. — На вашем первом свидании он повел тебя на поле для бейсбола, и ты была сосредоточена на том, чтобы отбивать мячи. Он пытался поцеловать тебя, но ты оттолкнула его. Ты была такой невинной и такой сильной. Боже, он так старался соблазнить тебя, но ты твердо стояла на своем. Ты не отдалась ему просто так, заставила его тебя добиваться.

— Пожалуйста, Оникс, давай не будем об этом.

— Ты просто была очередной вещью для него, которую он очень хотел. — Торрин

прогнула спину, предоставляя мне больше доступа к ее заднице, в то время как я продолжал ласкать ее нежную кожу. — Он изменял тебе. Снова и снова находил новых женщин, а ты оставалось верна ему всё это время. И смотрела на него с безграничной любовью.

Она повернулась, прежде чем я смог остановить ее, и взглянула на меня.

— Я была молода и ничего не понимала. То, что ты принял за любовь, оказалось лишь влечением, так как у меня никогда не было настоящего парня, который уделял бы мне столько внимания. Это не значит, что у меня была всепоглощающая любовь к нему. Очевидно, поэтому мы и разошлись. Каждому позволено совершать ошибки, и ты не имеешь право мне на них указывать.

— Все это было так невинно, Торрин. То, как ты на него смотрела. А он собирался уничтожить тебя, потому что в его венах течет яд. Я нехороший человек. Я совершал самые ужасные поступки и ни о чем не жалею. Но я не хотел отдавать тебя Джеймсу. Не хотел позволять ему жить хорошей жизнью, когда он каждый раз пытался испортить мою. Я не просил меня рожать и не хотел всей этой ненависти к себе. На самом деле, я жаждал, чтобы меня оставили в покое. Но он все никак не мог утомиться, даже несмотря на то, что его воспитывала наша мать, и у него была семья, которой никогда не было у меня.

Торрин немного успокоилась. Атмосфера вокруг нас изменилась.

Она положила руки на мою грудь, прежде чем приподняться на цыпочки и прижаться своими губами к моим.

— Мне жаль, что ты пережил подобное, Оникс.

Ее слова были искренними, и это скрутило все внутренности в узел. Она не жалела меня, как большинство. Казалось, она понимала меня, как никто другой. Такие ощущения я испытывал впервые.

Что, черт возьми, я должен был теперь с ней делать? Я поделился с Торрин тем, что никогда никому не рассказывал. Игра менялась, и теперь я не был так уверен, что выиграю.

ТОРРИН

Сейчас я чувствовала себя полностью разбитой. С одной стороны, переживала за того маленького мальчика, которого унижали, который жил там, где не чувствовал себя любимым. С другой стороны, все еще злилась на него. Оникс сам признался, что не собирался отдавать меня своему брату. Вот почему он похитил меня. Это не имело никакого отношения к Кеннеди, а напрямую было связано с его мезтью.

Я была очередной пешкой в его игре. Откатившись и отодвинувшись от Оникса, я сделала глубокий вдох.

— Ты использовал меня. На самом деле ты и сам не хочешь, чтобы я находилась в твоём доме. Я здесь только для того, чтобы не досталась Джеймсу. — изо всех сил я старалась не заплакать. Почему меня это так расстроило — понятия не имела, но где-то глубоко внутри было очень больно. Сильно ранило, прожигая дыру в душе.

Между нами существовала какая-то связь. Да, странная связь, но она была. Я смирилась с тем, что являлась залогом сделки, но мезть Джеймсу... меня словно ударили по лицу бейсбольной битой. Я так давно не видела этого мужчину, что, не появившись он сегодня за ужином, мне бы никогда не пришло в голову, что он причастен к ситуации с Ониксом.

Забавно было думать, что какие-то вещи в жизни не имели особого значения. Думать, что нужно просто двигаться дальше и все забыть. Но сейчас эти незначительные моменты внезапно пустили корни и стали чем-то важным. Когда подобное происходит в душе, это забирает какую-то её часть и переворачивает, отчего та рассыпается на осколки. Я оставляю часть своей души в этом месте. Ту часть, которая теперь разбита вдребезги.

— Да, так и есть, — откровенно заявил Оникс.

Я восхищалась его честностью, даже если она причиняла боль.

— Хочу выйти, — прошептала я, отжимая волосы. Оникс закрыл кран и протянул мне полотенце. — Спасибо.

Хотелось послать его подальше и закричать, но манеры, которые привила мне мама, помогли держаться в рамках приличия. На самом деле, я ничем не была обязана этому мужчине и не должна благодарить его за что-либо. Когда он признался, что никогда не был хорошим человеком, это была суцная правда. Следовало помнить об этом в первую очередь, а не гонять в голове мысли об угнетенном мальчике.

Выйдя из душа, я желала отключить все бушующие чувства, которые овладевали моим телом, их было слишком много. Абсурдно, но возникло ощущение, будто меня предали. Как подобное было возможно, понятия не имела.

Я быстро вытерлась и оставила Оникса в ванной. Подошла к комоду, достала нижнее бельё, домашние штаны, футболку и на автомате оделась. Полотенце оставалось у меня на голове, когда я подошла к окну и посмотрела в темноту.

Фонари освещали все вокруг. Деревья и ближайшие постройки отбрасывали тени. Я заметила поворот в сторону, куда ни разу не ходила. Завтра я это исправлю. Когда моя мать была жива, у нас на крыльце стояли качели, и мы часами сидели на них и разговаривали, только вдвоем, а иногда и втроем. Первое расставание Кеннеди с парнем произошло в старших классах, она плакала у меня на плече, пока я опиралась на маму. Я вообще не хотела встречаться с парнями, увидев страдания сестры. Потом, в колледже, мы познакомились с

Джеймсом. По глупости считала, что стала старше, сильнее, мудрее и не пострадаю, как моя сестра много лет назад. Однако любовь причиняет боль, и обойти ее было невозможно.

Черт, чего бы я только не отдала, чтобы моя мама была сейчас здесь, со мной, чтобы прогуляться с ней и покачаться на качелях! Ее совет всегда много значил для меня. Она бы не удивилась, узнав, что я помогала сестре, но эта ситуация для меня в новинку — мне было интересно, в каком направлении мама посоветовала бы мне двигаться.

Стоит ли отпустить всё, учитывая, что я здесь ненадолго? Или продолжать бороться с Ониксом, чтобы он меня услышал? В любом случае, всё это звучало не слишком правильно. Просто сложилось такое впечатление, что я жила лишь для одного — чтобы меня использовали, и мне это уже порядком надоело.

— Торрин. — я подпрыгнула, услышав глубокий голос Оникса. Он стоял прямо у меня за спиной, а я даже не слышала, как он подошел.

— Что?

Он опустил руки мне на плечи. Они были теплыми. Аромат наших тел, пропитанных одним и тем же гелем для душа, был чертовски хорош. Вот и все, что было между мной и Ониксом. Секс. Просто секс и ничего больше. Он использовал меня, а я смирилась, чтобы моя сестра могла быть счастлива. Конец истории. Не было никаких причин пытаться узнать этого мужчину поближе. Пытаться понять его или что-либо к нему почувствовать. Потому что по большому счету это не имело значения. Когда ребенок окажется у Кеннеди, я больше никогда не увижу Оникса Блейка, и мне нужно было уяснить это.

Однако я помнила одну очень важную вещь — моя мать не воспитывала женщину, которая смиренно сидела бы и позволяла бы с собой так обращаться.

Он сжал мои плечи.

— Я... — начал было говорить Оникс, но не смог закончить. Гребаное чудо, что и он оказался человеком на самом деле. Я почувствовала, какой груз он тащил на себе. Было ли это чувством вины? Не знаю. Может, он переосмысливал то, что сделал со мной? Возможно, я и надеялась на подобное, но сейчас это не помогло бы ни одному из нас.

Я решила дать ему передышку, потому что и мне она тоже была необходима. Повернувшись к нему, я сказала:

— Оникс, я устала. Это был долгий вечер.

Что-то таилось в его темных глазах, и любопытство снедало меня, но я молчала. Мне нужно было время, пространство и отдых, чтобы прийти в себя после откровений.

— Верно. Давай ляжем спать. — он отвернулся и пошел в ванную. Я взглянула на кровать и уже знала, что снова займусь с ним сексом. Секс был хорош, слишком хорош, он делал меня слабой перед Ониксом Блейком. Тело подводило, даже когда разум сопротивлялся. Я ненавидела этого человека каждой клеточкой своего существа, но не могла отрицать того, что он проник в мою душу.

Забравшись в постель, я натянула одеяло и повернулась на бок, чтобы не видеть его лица. По крайней мере, во сне не придется ни говорить, ни думать. Можно будет просто расслабиться, именно это мне и было нужно.

Я закрыла глаза. Хотела привести мысли в порядок. Матрас за моей спиной прогнулся, и Оникс лег рядом, обнял меня мускулистой рукой за талию, и, притянув на середину кровати, уснул. Всегда контролирующийся себя, всегда спокойный — таким был Оникс Блейк. Он мирно себе спал.

А я нет.

Слезы беззвучно текли по щекам. Дыхание Оникса было глубоким, это означало, что он погрузился в сон. Мне все еще необходимо было пространство. Очень медленно я высвободилась из его объятий, замерев, когда он пошевелился и продолжил дышать в размеренном ритме.

Схватила белое покрывало, лежавшее в изножье кровати, подошла к комоду и взяла оттуда носки. Повернула ручку двери. Та, слава богу, оказалась незапертой. Передвигаться по дому было непросто. Да, я знала планировку, но без света было сложно понять, куда идти.

Дверь, ведущая на улицу, манила меня. Это разрывало на части. Отпереть ее было легко, но я на мгновение застыла, гадая, была ли здесь сигнализация. Можно было предположить, что да, но худшее, что могло случиться — то, что Оникс меня найдет.

Прохладный ночной воздух коснулся щек. Сигнализация не сработала, к счастью. Вдалеке слегка покачивались качели. Стояла тишина, единственным звуком время от времени был шелест листьев. Задний двор был достаточно освещен, и дорожку было прекрасно видно, но в то же время меня было не очень заметно.

Идеальный «побег».

Когда я села на качели, те закрипели, напомнив мне мамыны. С улыбкой на лице я надела носки, затем обернула вокруг себя покрывало. Это было восхитительно.

Скрип качелей был утешением, которого мне так не хватало последний месяц. Мысли сразу же вернулись к маме. Я представила, как поговорила бы с ней сейчас.

О, мама. Во что я вляпалась? Не знаю, злиться мне или испытывать облегчение. Злюсь, потому что меня использовали. А облегчение испытываю, потому что знаю, что конец близок. Все это ошеломляет. Не пойму, просто плыть по течению, мама, или сопротивляться.

Сопротивление может и не помочь. Я помню, ты говорила это много раз. Ты также говорила, что ни один мужчина не имеет права относиться к женщине как к вещи, игрушке, с которой можно поиграть и потом выбросить.

Именно так я себя ощущаю, мама. Игрушкой. Пешкой в игре, в которой никогда не хотела участвовать. Конечно, сейчас моя жизнь — полный отстой, но я заслужила право голоса в этой ситуации. И все же Оникс не даст мне это право, несмотря ни на что.

Он так одержим своей мстью, похоже, это единственное, что его на самом деле волнует. Я ненавижу его за это, мама. За то, что использовал меня, чтобы отомстить Джеймсу, и я даже не знаю, какую роль я играю в этом, учитывая, что я не видела Джеймса пять лет. Все это чушь собачья, и у меня нет способа выпутаться из этого, по крайней мере, сейчас.

Тяжело вздохнув, я уставилась в темноту.

Итак, думаю, самое правильное в этой ситуации — просто все это пережить. Нет никакого способа избежать этого, поэтому остается только смириться. Мне просто нужно научиться не лезть к Ониксу с расспросами.

Я легла на качели. Было тесновато, но, согнув колени, у меня получилось разместиться. Вот тогда я наконец-то погрузилась в сон.

ОНИКС

Что-то было не так. Я проснулся от нахлынувшей тревоги. И осознал, что что-то произошло, как только открыл глаза. Торрин не было в постели рядом со мной. Оглядевшись, я понял, что ее сторона кровати была холодной. Ее подушка лежала ровно, как будто она не спала на ней вовсе. Девушка отсутствовала очень долгое время.

Черт.

Я отбросил одеяло, посмотрев в окно. Луна заливала комнату сиянием, но Торрин нигде не было видно. Грудь сжалась так, как никогда раньше. Мне это чувство не понравилось.

Ванная была пуста. Выйдя из спальни, я проверил двери дальше по коридору, чтобы убедиться, что все они закрыты. Спальни были пусты, так что она никак не могла там уснуть. Поскольку на днях я нашел Торрин внизу, то направился в библиотеку. Там было так же пусто, как и на полках. Я начал включать весь свет в доме, но вокруг была лишь белая мебель, и не было Торрин.

Странное чувство охватило меня. Как будто нечем стало дышать. Неужели это паника? Я никогда не паниковал, но отсутствие Торрин заставляло нервничать. Чувство потери переполняло с каждой минутой все сильнее, когда я проверял очередную комнату, и та оказывалась пуста.

Меня это раздражало.

Каждый раз, когда я открывал следующую комнату и не находил Торрин, сильнее нарастало желание наказать ее. На кухне было пусто, как и во всем гребаном доме. Направляясь в гостиную, я уже начинал терять терпение, поднял вазу с какими-то пушистыми белыми цветами, кажется, Эллен Сью называла их гортензиями, и швырнул об стену. Стекло разлетелось вдребезги, и мое внимание привлекла дверь во двор.

Она была открыта.

Не в силах сопротивляться притяжению, я выбежал на улицу. При свете луны осмотрелся вокруг. Если бы Торрин взломала ворота, сработала бы сигнализация. Она все еще должна быть где-то на территории.

Вдалеке я увидел качели, медленно раскачивающиеся взад-вперед. Завернувшись в одеяло, на них лежала Торрин. Подойдя к ней, я, не раздумывая, осторожно поднял ее на руки.

— Оникс, я ненавижу тебя, — пробормотала она во сне, прежде чем положить голову мне на плечо. Через несколько секунд я услышал мягкий звук ее дыхания, которое обжигало мою шею.

Пришлось усмирить свое возбуждение, потому что, как бы сильно я ни хотел вбить немного здравого смысла в Торрин, нужно было взять себя в руки. Из-за нее приходилось менять собственные планы.

Но больше такого не будет.

Правильно, что она ненавидела меня. Я и сам себя ненавидел.

Уложив ее в свою постель, я прислушался к своим инстинктам и связал ее лодыжки, прежде чем взять наручники и пристегнуть девушку к кровати.

Она вздрогнула от щелчка наручников, в ее глазах сверкнула ярость.

— НЕТ! — закричала она, вырываясь из оков.

— Ты сбежала.

— Я не сбежала! — страх и паника отражались в ее взгляде при свете луны. — Черт возьми, Оникс, ты не даешь мне никакого личного пространства!

— Ты его никогда не получишь! — бросил я в ответ, зная, что давил на нее еще сильнее.

— Каждый раз, когда я начинаю думать, что в тебе есть что-то хорошее, ты делаешь то, что заставляет меня пожалеть об этом!

Я рассмеялся.

— Гарантия, тебе следует усвоить, что во мне нет ничего хорошего. Это уже твоя вторая ошибка. Я кто угодно, только не славный парень. Я долбанутый мудака, у которого свои планы. Никогда не забывай об этом.

С этими словами я отвернулся, оставив ее привязанной к кровати, и вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

Когда я спускался по лестнице, ее крики эхом разносились по пустому дому. Мое холодное, чёрствое сердце сжалось.

— Я ненавижу тебя, Оникс Блейк! Ненавижу всей душой, черт возьми!

Так и должно быть, но почему это казалось неправильным? Чем меня цепляла эта женщина? Такое ощущение, что она издевалась надо мной так же, как и я над ней.

ТОРРИН

Тело одеревенело, мышцы болели и требовали, чтобы их размяли. Спать связанной — худшая поза для сна в жизни. Свет проникал сквозь окна, обжигая своими лучами. Оникса в комнате не было, и я ни капельки не расстроилась. Была бы счастлива, оставь он меня в покое на время моего пребывания здесь.

Это даже уже была не ненависть. Нет, я его презирала. Каждый его вдох был для меня ненавистным. Не то чтобы я желала ему смерти, но я просто хотела быть от него как можно дальше, насколько это возможно физически. Может, на Гавайях. Но кого я обманывала? У меня не было ни работы, ни дома, я не знала, где все мое барахло, и у меня не было ни малейшего шанса уехать так далеко.

— Доброе утро! — Эллен Сью вошла в комнату и даже глазом не моргнула, увидев меня на кровати в таком положении, что вывело меня из себя. На эту женщину, которая когда-то утешала меня, не повлияло то, что я была заключена здесь, словно в тюрьме. Как она могла быть такой приятной и в то же время работать на этого мудака эпических масштабов?

— Оно не доброе! Вы издеваетесь что ли? Развяжите меня! — После того, как я накричала на нее, мне стало немного не по себе, потому что Эллен Сью не имела никакого отношения к моему заточению, однако все ведь происходило на ее глазах.

Она улыбнулась, ставя поднос на один из пустых комодов. Когда повернулась, чтобы посмотреть на меня, выражение ее лица не изменилось — она все еще улыбалась и выглядела счастливой. Мне так захотелось вцепиться ей пощечину!

— Давай посмотрим, что у нас здесь. — она подошла к изножью кровати, осматривая искусную работу Оникса.

— Вы сейчас серьезно? Где ваше сострадание? Почему связанный человек вас не удивляет? Неужели он делает это так часто, что вас это даже не волнует?

Эллен Сью принялась развязывать веревки.

— У Оникса есть на это свои причины. Я не подвергаю сомнению его решения.

Я резко опустила голову на подушку.

— Ну конечно! Всемогущий Оникс! Который может делать все, что захочет, и ему это сойдет с рук. Тот, кто щелкает пальцами, и мир замирает!

Эллен Сью с силой потянула за веревку, поймав мой горящий взгляд.

— Мне сказали, что ты выходила из дома. Похоже, это следствие твоего поступка. По моему, веская причина.

— Вы под чем-то? Наверняка вы что-то добавили в свой апельсиновый сок с утра! Я вышла на улицу подышать свежим воздухом! И не покидала чертову территорию!

Сердце бешено заколотилось, когда женщина ослабила веревку настолько, чтобы я освободилась. Я прикусила губу, чтобы сдержать крик от боли, и попыталась пошевелиться. Черт, это было больно! Эллен Сью сунула руку в карман и вытащила маленькую связку ключей. Когда она расстегивала манжеты, мои руки начало покалывать, и потребовалось собрать все силы, чтобы не закричать от боли.

Сильно хотелось писать. После того, как мне развязали конечности, я спустила их с кровати. На нетвердых ногах добралась до ванной, и то, что там не было двери, разозлило меня еще больше. Бля*ь! Эллен Сью считала нормальным, когда женщину привязывают к

кровати против воли. А теперь она услышит, как я писаю!

Вымыв руки и плеснув немного воды на лицо, я вернулась в спальню, где у двери ждала Эллен Сью.

— Дайте угадаю, вы принесли еду, чтобы я не выходила из этой гребаной комнаты? И когда уйдете, то запретите дверь, чтобы я никуда не могла выйти. Так?

Ее улыбка угасла.

— Торрин, тебе лучше слушать Оникса.

— Чушь собачья! Он хотел, чтобы я была здесь, что ж, он меня заполучил! Судя по всему, он еще не всю информацию обо мне собрал. Или думал, что я кроткая и мягкая девушка, какой была, когда встречалась с его братом. Извините, но эта девушка давно исчезла, и на ее месте появилась женщина, которая не позволит, чтобы с ней обращались как с дерьмом, использовали и унижали ради удовольствия какого-то мудака! Я отсижу здесь свой срок ради сестры, а потом уеду далеко отсюда.

Эллен Сью подошла ближе, а я отступила назад.

— Не бойся меня.

— Бояться? Нет уж. Насколько я понимаю, вы подсыпали мне наркотики в еду, чтобы я вела себя спокойно перед Ониксом. Я вас не боюсь. Я просто вам не доверяю. Это чертовски огромная разница, — огрызнулась я, подходя к окну. Свобода. Черт, я так по ней скучала! Качели одиноко раскачивались на ветру, и мне захотелось пойти и сесть на них поудобнее. Только там я могла передохнуть от того бардака, в который превратилась моя жизнь.

— Я бы никогда не стала подсыпать наркотики в еду, — сказала Эллен Сью у меня за спиной, практически оскорбленная тем, что я вообще предположила такое.

Я обернулась и свирепо посмотрела на нее.

— Верно. Это так же дико, как привязывать женщину к кровати в своем доме. Я бы поняла, если бы увлекалась извращенным сексом, но это не так.

— Значит, у Оникса была на то причина.

Из моего горла вырвался горький смешок.

— Точно. У него только одна причина — осуществить свою цель, уничтожая остальных на своем пути, верно?

— У него очень важная цель.

Скрестив руки на груди, я со злостью взглянула на Эллен Сью.

— Опять эта *ego* великая цель! Что бы, черт возьми, это ни значило!

Она хотела утешить меня. Это было написано у нее на лице, но чем больше женщина говорила со мной, тем больше я злилась. Эллен Сью была на его стороне во всё. Она никогда не скажет ничего плохого об этом мужчине. Это лишь усиливало мой гнев по отношению к ней.

— Вы можете уйти?

Она тяжело вздохнула.

— Пожалуйста, поешь. Я говорю тебе, что для всего есть причина, даже если мы с тобой не знаем, в чем она заключается. — Эллен Сью закрыла за собой дверь. Затем я услышала щелчок, когда она заперла меня на замок.

Ага, будто я могла уйти куда-то до рождения этого ребенка! Да, Оникс совсем меня не знал. Я вытерплю все ради своей сестры. *Так что, давай, придурок, делай все что хочешь, тебе меня не сломить!*

Чем больше я оглядывалась по сторонам, тем больше злилась. Я начинала ненавидеть

белый цвет.

***

Оникс вошел в спальню как раз в тот момент, когда солнце опустилось за горизонт. Сидеть целый день в комнате было совершенно иным видом пыток. Я ощущала себя зверем в клетке, готовым к прыжку и побегу. Не отрывая взгляда от окна, чувствовала, как Оникс приближался.

Внутри меня царил полный хаос. Я была так зла на Блейка за то, что он использовал меня, но в то же время мне было очень больно, и все эти чувства не утихали в течение дня. Во всяком случае, они еще больше нервировали. Хуже того, Оникс забрал мой телефон, и я не могла позвонить сестре.

Нет, меня оставили здесь мучиться весь день, и это дерьмо превратило мой разум в помойную яму. В некотором смысле я жалела, что он тогда вернул мне телефон. Потому что я не могла созвониться ни с кем, кроме Кеннеди. У меня был смартфон, но ни одна из функций не работала, так что я не могла даже проверить свой банковский счет, не говоря уже о том, чтобы погуглить моего похитителя и узнать о человеке, с которым имела дело.

— Не связывай меня снова, — приказала я, обхватывая себя руками. — Если я сказала, что останусь, значит останусь.

Он положил руки мне на плечи. Я никак не отреагировала, но прикосновение вызвало жар, который проникал сквозь футболку.

— Я тебе не доверяю, — прямо заявил Оникс.

Я резко повернулась к нему.

— Не доверяешь мне? — я указала на себя пальцем. — А как насчет тебя? Думаешь, я доверяю тебе? Ты использовал меня — дважды. В течение четырех недель! Всего за месяц ты похитил меня, использовал и разрушил всю мою жизнь!

Оникс засунул одну руку в карман, и я услышала повторяющийся щелчок, привлечший мое внимание.

— Что это?

Он посмотрел вниз, проследив за моим взглядом, будто даже не осознавал, что делал. Это было похоже на какую-то привычку, и я задумалась — откуда она взялась?

Вместо ответа Оникс выдержал мой пристальный взгляд и отвернулся.

— Не надо было выходить из дома. Сама виновата.

— Ты никогда не говорил, что мне нельзя выходить! Ты сказал, что я не могу покинуть поместье и территорию вокруг, но я находилась на территории! — я промаршировала в ванную и, снова увидев, что двери нет, разозлилась еще сильнее. Этот человек довел меня до грани безумия! Я боялась, что чем дольше здесь пробуду, тем будет хуже.

— Говорю сейчас. Не выходи из дома, пока я не разрешу. — Оникс был спокоен, а я в ярости.

Схватившись за раковину, я встретилась с его взглядом. Блейк прислонился к дверному косяку и был настолько расслаблен, насколько это было возможно. Как он мог быть таким чертовски спокойным? Я ненавидела эту маску, за которой он скрывался. Все же мое выражение лица говорило о боли и гневе. Что давало ему преимущество.

— Но я люблю качаться на качелях. — боль сквозила в моих словах, и это вывело меня из себя. Ему плевать. Ему плевать, если вдруг я завтра умру. Он сказал, что я влюбилась не в того брата, но это тоже не имело значения. Я была просто игрушкой для него, которую он

использовал, и это глубоко ранило.

Оникс скрестил руки на груди и глубоко вздохнул.

— Ты голодна?

Горечь пронзила меня насквозь, и мне пришлось отвести взгляд.

— Нет.

Услышав его шаги, я поняла, что он где-то рядом. Он схватил меня за бедра и развернул к себе. Обнял меня за шею и приник к моим губам в мучительном поцелуе. Этому мужчину у не могла остановить. Мужчину, которому поддалось мое тело. Из-за которого у меня из глаз катились слезы.

Он мог бы добиться гораздо большего в этой жизни, но предпочел быть жестким, грубым и непреклонным. Может, именно это причиняло боль больше всего. Я могла видеть в нем гораздо больше, чувствовала, что он мог быть другим, но не позволит показать себя с этой стороны.

Оникс отстранился, провел пальцами по моим щекам, вытирая слезы. Затем повернулся и вышел за дверь. Услышав отчетливый звук закрываемого замка, я поняла, что снова оказалась в ловушке.

***

Целыми днями я наблюдала, как восходит и заходит солнце. Оникс всегда засыпал рядом со мной и просыпался тоже рядом. Ночью к кровати были привязаны только мои руки, и я часто просыпалась, обнаружив, что мои ноги переплетены с ногами Оникса.

Позволять боли и обиде расти внутри, не приносило пользы. Это не помогало, а лишь ухудшало пребывание в этой комнате.

Оникс даже ни разу не пытался заняться со мной сексом, и я начинала чувствовать неуверенность в себе. Забавная вещь, связанная с одиночеством: твой разум проигрывает так много разных сценариев и разных реакций, что ты начинаешь путать, что хорошо, а что плохо.

Когда я лежала в постели на спине со связанными руками, а Оникс обнимал меня, я никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой. И все же я была настолько близка с мужчиной, насколько это вообще возможно. Но это ничего не значило, ведь, в конце концов, я исчезну из его жизни.

Именно в тот момент, когда мне пришла в голову эта мысль, я приняла решение. Решение, которое изменило бы ход нашего совместного времяпрепровождения. Я могла бы жить здесь и страдать, а могла и наоборот. Это был мой выбор, и хотел Оникс или нет, но он давал его мне.

Теплое тело Оникса прижалось ко мне, а наши ноги переплелись. Я мгновенно отреагировала, соски напряглись, а внизу начала скапливаться влага. Согнув колени, я начала водить им по всей длине его члена, чувствуя, как тот стал твердеть.

Губы Оникса были так близко — мы с ним спали на одной подушке. Я поцеловала его, нежно прильнув к губам, затем провела языком по нижней. После того, как я втянула его губу в рот, Оникс резко открыл глаза и настороженно посмотрел на меня.

Он сжал меня своей стальной хваткой и взял инициативу на себя. По поводу утреннего запаха изо рта можно было не беспокоиться, потому что мне было все равно. За последние несколько дней моя потребность в этом мужчине выплеснулась наружу, и как только решение стало для меня ясным, я полностью отдалась ему, и мое тело словно ожило.

Оникс вдавил меня в кровать и буквально пожирал мой рот. Он разместился между моих раздвинутых ног, и начал двигаться вверх и вниз, а я дрожала от удовольствия.

Из легких будто высосали весь воздух, поцелуй стал настолько жадным, что я не была уверена, где начинался Оникс, и где заканчивалась я.

Он ничего не произнес, когда отстранился от моих губ и принялся водить языком по щеке, покусывая ее и облизывая. Он залез под мою футболку, и я выгнулась дугой от прикосновения, издав тихий стон. Оникс целовал мой живот и грудь. Все это время он задирает мою футболку вверх, пока та не запуталась в манжетах на запястьях.

Я тонула в его голубых глазах, пока мы оба хватали ртом воздух. Однако Оникс молчал, просто уставился на меня, рассматривая. Мне снова захотелось заглянуть в мысли этого человека. Оникс сполз с кровати, срывая с меня шорты и нижнее белье.

Это не было нежно или мягко. Нет, это было грубо и жестко, словно он хотел меня так сильно, что не мог больше сдерживаться.

Он быстро приподнял мои бедра, и ртом прижался к моей киске. Я тянула за манжеты, пока мое тело обжигало огнем. Оникс сильно посасывал клитор, надавливая мне на живот. Я попыталась пошевелиться, но была настолько растеряна, что не знала, оттолкнуть его или заставить сосать сильнее.

Он задействовал свои пальцы, медленно продвигаясь внутрь меня, одновременно втягивая клитор в рот, и я уже находилась на грани. Еще чуть-чуть и я уже была готова кончить.

Вращая бедрами, я почти добилась своего и задрожала всем телом. Этот оргазм обещал быть умопомрачительным, и я была к нему готова.

Но Оникс остановился, и я застонала от разочарования.

— Кончишь только от моего члена. — он подполз выше и вошел в меня до самого основания. Выгибаться было невозможно, потому что вес его тела прижимал меня к кровати, но я все равно старалась крепче прильнуть к этому мужчине.

Он входил и выходил из меня так жестко и так быстро, что из глаз сыпались искры. У меня были связаны руки, но меня это особо не раздражало. Было что-то в том, чтобы отдать свой контроль мужчине. Это, наоборот, возбуждало. Жаль только, что им оказался Оникс.

Он согнул мои колени и приподнял задницу, входя еще глубже. Все это снова подвело меня к краю. Киска сильно сжалась, когда разряды электричества волной распространились по всему телу.

Я ощущала себя потерянной, но чувствовала, как Оникс все еще пульсировал внутри. Когда он протянул руку между моих ног, сильно сжав чувствительный бугорок, мое тело снова взорвалось. Этот оргазм был более интенсивным, и я громко закричала.

Я чувствовала, как поток моих соков стекал по ногам, и я не контролировала себя под воздействием оргазма.

— Да, черт возьми, — прорычал Оникс, замирая и кончая прямо в меня.

Воздуха не хватало. Ко всему прочему, Оникс навалился на меня всем телом.

Я чуть-чуть подвинулась и вдохнула немного кислорода. Прошло несколько минут, прежде чем Оникс слез с меня. Сперма вытекла, скатившись по моей заднице на кровать. Но меня беспокоило не это. Я что описалась во время секса? Что это была за жидкость?

Я очень смутилась. Никогда раньше со мной такого не происходило. Ощущения были потрясающие, но если это была моча, то всё просто отвратительно.

— Что это было? — прошептала я, на самом деле не желая знать.

Оникс перекатился ко мне, просунув свою ногу между моими и положив руку мне на живот.

— Ты чертовски сексуальная. Не знал, что ты способна на струйный оргазм.

Меня охватила паника.

— Струйный оргазм? Что это, черт возьми, такое? И, пожалуйста, скажи, что это не моча!

Он усмехнулся, что глубоко меня задело. Оникс не часто делал это искренне, но, когда подобное случалось, я чувствовала себя некомфортно.

— Приятно сознавать, что я единственный, кто тебя до него довёл.

Его губы нежно коснулись моих, что было не очень похоже на Оникса.

— Довёл?

— Это было похоже на все предыдущие оргазмы?

Румянец залил мои щеки, и я понятия не имела почему.

— Нет.

— Он был более интенсивный, и сердце билось сильнее, верно? Это все точка G, детка.

Я откатилась от него, затем замерла.

— Можешь снять с меня наручники?

Оникс расплылся в улыбке.

— Да.

Он был похож на гордого павлина, а я была просто размазней. Тело расслабилось, в то время как разум отключился, а мое сердце, ну... эта мышца была просто бесполезна и поэтому я не понимала, нравился мне Оникс Блейк или я ненавидела его.

Неужели это стокгольмский синдром? Нет, этого не могло быть, потому что я определенно испытывала противоречивые чувства по поводу всего, что касалось Оникса Блейка. Честно говоря, я, возможно, и не знала, что чувствовала и рационально ли поступала, но единственное, что осознавала точно — этого мужчину я воспринимала как-то иначе.

Более того, когда мое тело успокоилось после столь яркого оргазма, я поняла одну вещь... никто и никогда не доводил меня до такого состояния, как Оникс Блейк, и я была уверена, что никто и никогда не сравнится с ним.

ОНИКС**ДЕСЯТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ**

Оставлять Торрин этим утром, не сказав ни слова, не входило в мои планы. Может, я и был бессердечным ублюдком и смог проигнорировать ее, но у меня для этого были веские причины. Все изменилось между нами после того умопомрачительного секса. Я был почти уверен, что Торрин до сих пор ненавидела меня, но частично смирилась с тем, что жаждала меня так же сильно. Я бы мог заполучить ее, если бы захотел, потому что просыпаться каждое утро с ней оказалось не так уж плохо.

Менее получаса назад мне позвонила Джуди, наша старшая медсестра, и сказала, что пришло время. До назначенного срока оставалась меньше недели, но некоторые вещи я не мог контролировать, как бы сильно ни старался. Поскольку было четыре часа утра, я оставил Торрин спящей в постели, обнаженной и удовлетворенной. В моем мире дела не могли ждать.

Я в рекордно короткие сроки добрался до дома на Корбин-авеню. Это был дуплекс (*прим. пер.: дуплекс — дом для двух семей. Поделён вертикально на половины — две отдельные квартиры*). Мы разместили здесь четырех женщин. На каждой стороне с двумя спальнями жили по две суррогатные матери. Дом был расположен на частном участке площадью в два акра, окруженном фермами. Мы построили каждое здание таким образом, чтобы все было идеально: с огороженным задним двором, гаражами и всем необходимым для спокойного проживания, в котором нуждалась суррогатная мать.

В настоящее время у нас поочередно работали шестнадцать суррогатных матерей. Этническая принадлежность, цвет глаз, кожи учитывались в списках заказчиков. Именно так работала система. Мы подбирали для матери донора спермы, чтобы он был как можно ближе к генетике приобретающих детей родителей, и наоборот. У нас в штате был репродуктолог, который контролировал инъекции и процессы оплодотворения. У нас даже была небольшая лаборатория, где мы использовали яйцеклетку матери и ее второй половинки, как при традиционном суррогатном материнстве. Наше преимущество — это отсутствие бумажного следа. Никто никогда не узнает, как был зачат ребенок. И не узнает, было ли это усыновление, как в некоторых ситуациях, с которыми мы сталкивались, когда и мать, и отец не могли участвовать в процессе оплодотворения.

Независимо от обстоятельств, мы защищали детей наших клиентов. Иногда, как в случае с Ланье, яйцеклетка принадлежала нашей суррогатной матери, а сперма — отцу. Вот почему они так сильно держались за этого ребенка. Они знали, что если я расторгну контракт, то не отдам им малыша, который фактически был биологическим ребенком Малькольма.

Почему они не использовали традиционное суррогатное оплодотворение? Что ж, Кеннеди не могла иметь детей, а они с мужем хотели ребенка, который был бы как можно больше похож на нее. Никто и нигде не мог такое организовать. Хотите верьте, хотите нет, но мы на сто процентов гарантировали, что у ребенка будут определенные черты заказчиков. Штатным врачам за это хорошо платили. В каждый этап были вовлечены будущие родители, в то время как наши суррогатные мамы не знали, для кого вынашивали ребенка. Это защищало всех участников сделки. Да, суррогатные матери разговаривали с родителями по телефону, но именами и личной информацией они никогда не обменивались. Это было

частью контракта в обоих направлениях.

Кто-то считал наше занятие неэтичным. Для нас это был бизнес.

Один клиент однажды сказал мне, что ребенок — это целая жизнь.

Нет, дети являлись для меня товаром, который я продавал. Я сам являлся результатом связи своей матери и ее любовника. Она отдала меня в приют для амишей в надежде, что ее муж-придурок меня не обнаружит. Эдриан Блейк был извращенным сукиным сыном и все это время знал обо мне. Он даже оставил свой след в моей жизни, дав мне свою фамилию и заплатив приюту за то, чтобы тот содержал меня. Я даже не имел шанса на усыновление.

Я был результатом их неудачного брака. Живым напоминанием о предательстве.

Я наблюдал, как ребенок за ребенком проходили через этот приют. Кто-то оставался, а кто-то уходил. Из-за простой игры в «Монополию» мы с ребятами приняли решение, что однажды у нас будет империя, построенная на силе жизни. Это было единственное утешение, которое у нас было в те дни, и оказалось лучшим, что могло с нами случиться. Это дало нам мотивацию продолжать идти вперед, увидеть свет в конце нашего темного туннеля.

— У нас все идет хорошо, — услышал я Джуди, войдя в дом.

В гостиной был установлен бассейн, потому что суррогатная мать Бьянка предпочитала естественные роды в воде. Мы старались как можно лучше обеспечить комфорт рожениц, включая тех, кто хотел родить в больнице и получить все необходимые лекарства. Мы не разрешали им обращаться в государственную больницу и организовали больницу в нашем здании на Карсен-Лейн. Второй этаж старого жилого комплекса был своего рода родильным отделением, в то время как на нижнем этаже находилось все наше оборудование для родового ухода и осмотров. Верхний этаж — третий, был домом для суррогатных матерей, у которых по какой-либо причине беременность протекала с осложнениями.

Принимались все меры предосторожности. Мы не жалели не единого доллара. Чего бы это ни стоило, со всем справлялись. И производя не менее двенадцати младенцев в год, имели бюджет в двенадцать миллионов долларов, которые снова вкладывали в бизнес. Иногда у нас было больше таких клиентов, как Ланье, которые и платили больше, понимая, что единственный способ получить желаемое — это открыть свои кошельки.

Какие-то жизненные уроки усваивались на собственном опыте, какие-то врезались в память навсегда. Мне было все равно, как кто-то усваивал гребаный урок, главное, чтобы люди сами разгребали собственное дерьмо.

Достав телефон, я включил экран и позвонил Кейсу.

— Возьми Торрин и привези ее на Корбин-авеню прямо сейчас.

Я повесил трубку. Не было необходимости слушать ответ. Знал, что Кейс все сделает. Когда я уезжал из дома, было еще ранее утро, но мне хотелось сначала все проверить.

— Здравствуйте, мистер Блейк, — поприветствовала Бьянка, тяжело дыша и преодолевая боль.

— Схватки начались неожиданно, мистер Блейк, — объяснила Джуди, сидя на краю бассейна и опустив руки в воду.

— Не нужно ничего объяснять. Я приглашу кое-кого на роды.

— В этом нет нужды, мистер Блейк, — сказала Джуди, когда Бьянка застонала от боли.

— Это нужно мне. Пойму, действительно ли один человек готов к такой жизни. — солгал я, зная, что Торрин пожертвовала многим ради того, чтобы ее сестра получила этого малыша, поэтому, если она приедет вовремя, я разрешу ей присутствовать здесь в столь счастливый момент.

— Уверена, что те, кого вы пригласите, готовы, мистер Блейк, — попыталась сказать Бьянка, тяжело дыша.

Бьянка рожала уже в третий, последний, раз. Последний, поскольку заработала столько, сколько ей было нужно, чтобы отправить своего младшего сына в колледж. Ее семья смирилась с тем, что она уезжала на заработки за город на несколько месяцев в год. Ее муж занимался домом и их двумя детьми, а Бьянка зарабатывала четверть миллиона. После рождения первого ребенка, они расплатилась со своими долгами. После второго, отложили денег на старость и поступление старшего сына в колледж. Поскольку это были ее «последние роды», они оплатят расходы за колледж младшего сына и отложат немного на случай непредвиденных расходов.

— Сделай глубокий вдох, — проинструктировала Джуди, и мое сердцебиение участилось.

Достав телефон, я сделал звонок.

— Привет, — ответил Малькольм.

— Похоже, ваша малышка решила появиться на свет немного пораньше.

— Она уже родилась? — спросил он, взволнованный и испуганный одновременно.

— В процессе, я буду на связи.

Я повесил трубку как раз в тот момент, когда подъехали Пакстон с Торрин. Выйдя на улицу, я взглянул на девушку. Она была с растрепанными волосами и осматривала окрестности огромными от замешательства глазами.

— Твоя племянница вот-вот родится. Джуди пустит тебя в родзал. Имя суррогатной матери — Бьянка. Никому в этой комнате не говоришь, кто ты, Торрин, или сделка будет расторгнута.

Ее глаза широко раскрылись от шока и изумления. Она не сказала ни слова, лишь слегка кивнула, прежде чем забежать внутрь.

Пакстон схватил меня за руку, когда я повернулся, чтобы уйти.

— Оникс, все нормально?

— Какого хрена ты привез ее, а не Кейс?

— Дэйв позвонил мне, когда у Бьянки начались роды. Он сказал, что ты слишком сблизился с Торрин.

Я рассмеялся.

— Значит, теперь ты за мной следишь, Пакс? Думаете, это сработает?

— Дэйв занят. Он знает про все это дерьмо с Торрин. Я подумал, что тебе не помешает кто-нибудь рядом.

Я ничего не ответил, просто раздраженно выдохнул.

— Оникс, черт возьми, честно говоря, у всех есть демоны, но никто из нас не удерживал у себя в доме женщину шантажом. Для того чтобы просто поиметь ее и разозлить своего брата.

— Я же говорил, что у меня есть план и все под контролем.

Пакстон достал сигарету и закурил.

— Я знаю, что у тебя все под контролем. Просто не хотел, чтобы ты делал все в одиночку. Мы все не очень-то хорошие парни. Кучка мудаков. У нас в этом мире ни хрена нет, кроме друг друга. Сколько раз ты получал взбучку от Амоса из-за меня?

— Какое отношение это имеет к тому, что привез ее ты?

Я рассеянно повертел зажигалку в руке и сунул ее в карман.

— Просто подумал, что мог бы принять удар на себя. Вместо тебя. Я отвезу Торрин и ребенка к Ланье сам.

Понятия не имел, что сказать, и покачал головой.

— Я уже позвонил им. Они приедут в Клэвер Хаус после второго моего звонка. И встретятся, когда мы разрешим. — мы никогда не показывали клиентам, где размещали суррогатных матерей. Это была мера предосторожности.

Пакстон глубоко затянулся сигаретой.

— Хочешь, чтобы я отвез их с ребенком туда?

Я думал об этом, но мне казалось неправильным, что Торрин будет в машине с кем-то, кроме меня. Я снова покачал головой.

— Не, черт возьми, новорожденный не должен вдыхать запах сигаретного дыма в первые часы жизни!

— Ладно. Если тебе что-то нужно, у тебя есть мы. Лишь один звонок, брат.

Я кивнул.

— Я очень ценю твои слова и что ты здесь, Пакс. Торрин ничего для меня не значит, и я оставлю ее, как только приедут Ланье.

Он ухмыльнулся мне в ответ.

— Ты привез ее к себе домой. Дал Ланье третий шанс, что на два больше, чем даешь кому-либо еще. Ты положил на нее глаз задолго до этого, мы все в курсе. Хочешь держать всё это дерьмо в себе, я понимаю. Ты врешь нам, но не ври самому себе. Эта женщина значит для тебя намного больше, Оникс.

Что ж, может быть, и так, но я никому в этом не признаюсь.

Пакс развернулся и ушел. Уставившись на дверь, я вошел в родзал, и у меня, черт возьми, перехватило дыхание. Торрин стояла на коленях на полу рядом с бассейном, держа Бьянку за руку и следуя указаниям Джуди.

— Держи ее за руку так, чтобы она могла ее сжать. Она сильная девочка, так что может сделать больно.

Бьянка попыталась засмеяться, но вместо этого у нее вырвался болезненный стон.

— Видна головка, давайте считать, — приказала Джуди, когда Торрин начала считать, а Бьянка тужиться. Лицо Торрин было прекрасно. Его выражение запечатлется в моей памяти до конца моих дней.

Она была терпеливой, доброй, и на ее лице сияла самая широкая улыбка. Лишь несколько раз она дарила мне такую улыбку.

Бьянка начала всхлипывать.

— Каждый раз это очень тяжело, — она посмотрела на Торрин, — но не значит, что нужно бояться. Деньги платят большие, и можно помогать семьям, которые не могут иметь детей. Это беспроигрышный вариант. — ее лицо напряглось, затем расслабилось. — Самое главное — уметь отпустить малыша. Это отстойно, потому что ты так долго носила его в своем теле. — она вдохнула и выдохнула, затем выпустила струю воздуха. — По-моему, будет лучше, если я не буду брать ребенка на руки.

Торрин вздохнула, но ничего не сказала.

— Ох, мне знаком этот взгляд. Либо держи свои чувства под контролем, либо... — Бьянка остановилась на полуслове, тужась и крича.

Несмотря на все, что происходило в зале, единственным человеком, на которого я смотрел, была Торрин. Ее время со мной истекло. Я больше не мог ее удерживать. Сделка

оставалась сделкой, даже если это казалось чертовски неправильным.

ТОРРИН

Ребенок уже был на подходе, и я видела его головку, чего никогда раньше в моей жизни не случалось. Черт возьми, это было тем еще зрелищем!

Джуди знала свое дело, в том числе и то, что у Бьянки была крепкая хватка. Каждый раз, когда женщина сжимала мою руку, я была уверена, что она мне ее сломает. Роды были немного страшными и чертовски болезненными, судя по крикам и хватке Бьянки.

Но это было прекрасно. Мне следовало поблагодарить Оникса, за то, что он позволил приехать сюда и увидеть, как моя племянница появлялась на свет. Наши с ним взгляды встретились. Он пристально наблюдал за мной. Внутренности скрутило. Как мог этот человек организовать нечто подобное, использовать меня, чтобы отомстить своему брату, а затем снова измениться и проявить ко мне сострадание? Он был сложной головоломкой, которую у меня никак не получалось разгадать.

Бьянка до боли сжала мою руку, громко застонав. Вот тогда-то это и произошло. Маленький, невинный младенец оказался в воде, окрасив все вокруг в розовый цвет. Пока Бьянка переводила дыхание, Джуди протянула руку и схватила ребенка, перевернув его вверх тормашками и похлопав по спине.

Я испугалась. Что, черт возьми, она делала? Я отпустила Бьянку и начала подниматься, чтобы взять малышку и унести ее отсюда.

Потом раздался пронзительный крик, и это был самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала. Малышка плакала, или, скорее, визжала, словно сирена. Только тогда Джуди с широкой улыбкой на лице перевернула ее, поддерживая головку. Джуди завернула ребенка в пеленку и посмотрела на меня.

— Хочешь перерезать пуповину?

Я не знала почему, но мой взгляд метнулся к Ониксу. Его одобрение здесь кое-что значило. Когда он кивнул, я ответила:

— Да.

Джуди взяла ребенка в одну руку и прикрепила к пуповине два зажима. Она, должно быть, часто это делала, учитывая практический навык, которым обладала. Она протянула мне маленькие ножницы. Рука дрожала, когда я поднесла ножницы к пуповине. *Боже, спасибо за этот драгоценный подарок!* Я перерезала пуповину.

Бьянка лежала с закрытыми глазами, запрокинув голову на край надувного бассейна. Джуди, с другой стороны, суетилась вокруг. Она положила ребенка на пеленальный столик и начала вводить данные в компьютер, все это время ребенок плакал.

Желание обнять малышку было слишком сильным, и я потянулась к ребенку. Джуди подняла голову.

— Еще секунда, и сможешь обнять ее.

Девочка была похожа на сморщенную сушеную сливку, даже после того, как Джуди стерла с нее кровь. Слезы навернулись на глаза, когда я пересчитала очаровательные пальчики на руках и ногах. Она была само совершенство. Идеальна.

Джуди плотно завернула малышку в розовое одеяльце, и только тогда та начала успокаиваться.

— Можно? — тревога переполняла меня вместе с волнением. Я собиралась обнять свою

племянницу, и улыбка не сходила с моего лица.

Маленькие глазки смотрели на меня, пока малышка осматривалась вокруг. Готова поспорить, что бы она ни увидела, это было чертовски для нее страшным. Прижимая ее к себе, я подошла к креслу-качалке, которое одиноко стояло в стороне, и села.

Девочка была прекрасна. Самое прекрасное существо, которое я когда-либо видела и держала в своих объятиях. Мое сердце забилося сильнее. Меня убивало то, что я не знала ее имени, но скоро узнаю, когда встречу с сестрой.

Она высунула маленькую ручку из-под одеялка и обхватила крошечными пальчиками мой указательный палец. Слезы текли по моему лицу. Счастье. Чистое счастье. Я почувствовала, как ко мне подошел Оникс, и когда подняла взгляд, увидела его напряженную улыбку.

— Спасибо.

Оникс сделал нечто настолько несвойственное его характеру, что мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, как дышать. Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Это было мягкое и нежное прикосновение, которое сделало меня еще счастливее.

Он разрушил чары, когда взглянул на Джуди.

— Ребенка уже можно перевозить?

Бьянка застонала, когда Джуди пробормотала что-то насчет выхода плаценты. Джуди посмотрела на Оникса и кивнула. Он встал и ушел в другую комнату, вернувшись с пакетом подгузников и автомобильным креслом. Этот сильный мужчина, порой безразличный, упертый и властный, пошел на кухню намочить пеленку, прежде чем вернулся ко мне и опустился на колени.

— Давай приведем ее в порядок. В сумке есть подгузники, салфетки и некоторая одежда. Выбери что-нибудь. Потом ты оденешь ее, а я подготовлю бутылочку.

Я удобно устроила племянницу у себя на ногах, поддерживая ее одной рукой, пока другой рылась в пакете с подгузниками. Малышка посасывала свой кулачок, в то время как Оникс с такой заботой обтирал ее. Он стоял передо мной на коленях, и впервые с тех пор, как ворвался в мою жизнь шесть недель назад, выглядел по-настоящему спокойным.

Оникс горел своей работой. Дарить кому-то новую жизнь много значило для мужчины. Держать племянницу на руках было потрясающе, а видеть Оникса и его заботу, которую он проявлял к крошечному тельцу, было впечатляюще.

Шокированная всем этим, я постаралась подавить эмоции.

В считанные мгновения мы запеленали малышку, одели и уложили в автокресло. Оникс встал, быстро поцеловав меня в лоб. Потом подошел к Бьянке и Джуди, убедился, что с ними все в порядке, и вернулся с кухни с маленькой бутылочкой в руке.

— Это смесь. В машине немного покормишь ребенка.

От того, как он с неподдельным беспокойством заботился обо мне и моей племяннице, мое сердце разрывалось на части. Отношения между нами менялись, и я не была уверена, где окажусь, когда все будет сказано и сделано, учитывая, что теперь, когда ребенок родился, нашему соглашению пришел конец.

Оникс понес малышку к машине, а я последовала за ним. Он с такой осторожностью нес автокресло, что у меня навернулись слезы. Он, не торопясь пристегнул кресло, затем посмотрел на меня:

— Пристегнись, — сказал он, когда я села рядом с ребенком.

Малышка начал плакать, когда ремень с громким звуком защелкнулся.

— Шш-ш... — прошептала я, поднося бутылочку к ее губам. Она сразу же начала есть из бутылочки, удивив меня. Это маленькое существо, которому не исполнилось и нескольких часов, знало, как есть! Это было ошеломляюще.

— Клэвер хаус, десять минут. Ваша дочь готова встретиться с вами, — услышала я слова Оникса, когда он закончил разговор. Меня охватило волнение при мысли о том, что моя сестра впервые увидит свою дочь.

Девочка долго кушала, затем оторвалась от бутылочки и начала кричать.

— Наверное, ей нужно срыгнуть? — мне нужно разобраться с тем, как ухаживать за детьми, и побыстрее. Существует ведь книга вроде «Дети для чайников» или что-то в этом роде?

— Сейчас съеду на обочину.

Машина мягко остановилась, а я отстегнула малышку. Она кричала почти истерически, и я почувствовала возрастающую панику. Никогда раньше не держала на руках кричащего ребенка, а малышка никак не успокаивалась.

Я посмотрела на Оникса.

— Что я делаю не так?

Его улыбка была великолепна, но у меня не было времени насладиться ею в полной мере.

— Во-первых, тебе нужно успокоиться. Малышка чувствует твоё настроение, и, если ты волнуешься, она тоже будет волноваться. — я кивнула, делая глубокие вдохи, чувствуя, как мое сердцебиение стало замедляться. — Прижми ее к своему плечу так, чтобы ее рот был немного выше плеча, и придержи за головку.

У Оникса никогда не было такого терпения по отношению ко мне, и меня поразило, каким мягким он был со мной сейчас. Я увидела совершенно другую сторону Оникса Блейка, которую он мне не показывал, пока я у него жила.

— Нежно погладь ее по спинке, затем потри спинку снизу вверх. Это поможет выйти пузырькам воздуха. Представь, будто выталкиваешь воздух из ее животика.

Я последовала его словам, и крошка начала успокаиваться. Через некоторое время она срыгнула.

— Забыл предупредить, чтобы ты положила салфетку себе на плечо. Она в сумке, — усмехнулся Оникс, обращившись.

— Да уж, спасибо.

Мы впервые нормально общались. Мой разум на мгновение представил Оникса с его собственным ребенком. Заботливый, терпеливый и властный — он был бы потрясающим отцом, я это чувствовала.

Но наше время подходило к концу. То, чего я когда-то ждала с нетерпением, теперь внушало ужас. И снова внутри меня бушевали эмоции, и всё из-за него.

Приведя малышку в порядок и предприняв две попытки правильно усадить ее на сиденье, Оникс тронулся с места.

— Откуда ты так много знаешь о младенцах?

Его взгляд пронзил насквозь, когда мужчина посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Мой бизнес основан на детях. Я ничего не делаю наполовину. Логично, что возникла необходимость изучить этот вопрос.

Он был так откровенен со мной, как никогда раньше. Секреты были раскрыты. Ну, в основном. На самом деле, я все еще хотела понять отношения между ним и Джеймсом, но

его бизнес, его связь с моей сестрой теперь обрели полный смысл. Обнимая мою племянницу, чудо для нашей семьи, я поняла, что сделала все правильно.

Я не думала, что Оникс что-то скажет о своем бизнесе, но его ответ заставил меня задуматься. Тогда я спросила:

— Ты как-то участвуешь в оплодотворении суррогатных матерей? — грудь сжалась при мысли о том, что Оникс спал с этими женщинами. Хотя жизнь бесценна, ревность, которую я испытывала, была иррациональной, но все же она существовала.

Его звучный смех успокоил меня и мое сердце. Оникс не только подарил моей сестре самый ценный подарок, но и когда разразился глубоким смехом, который мне редко выпадала честь слышать, я почувствовала, что мне тоже сделали подарок.

— Нет. Мы взяли яйцеклетку суррогатной матери и сперму твоего зятя. И нет, у них не было секса. Мы провели искусственное оплодотворение, и в результате родилась вот такая малышка.

Все для меня выглядело очень странно, начиная с приезда к двухэтажному дому, осмотра роскошной родильной палаты и заканчивая наблюдением за рождением моей племянницы. На создание всего этого, должно быть, ушли годы. Не говоря уже о том, что Бьянку, казалось, не смущало, что Оникс находился в палате во время родов. Вопрос вертелся у меня на кончике языка, готовый сорваться, но я сдержалась, потому что мысль о том, что я расстанусь с ним, снова возникла в голове.

Вместо того, чтобы переживать, я повернулась к ребенку, глаза которого были закрыты. Кожа малышки была такой нежной и чистой. Любовь с первого взгляда — то, во что я никогда не верила. Страсть — разумеется, но для любви требовалось некоторое время. Но эта малышка полностью опровергла мою теорию.

Я полюбила ее в ту же секунду, как увидела.

Машина остановилась, и я выглянула в окно. Мы подъехали к другому зданию, не похожему на тот дуплекс, который покинули. Это был частный дом на одну семью в конце улицы, других домов поблизости не было. На стоянке стояла одна машина, которую я не узнала. Я сгорала от нетерпения показать своей сестре ее ребенка. После того, как Кеннеди с мужем приедут, у меня не будет возможности взять малышку на руки.

Оникс открыл дверцу, и я вылезла из машины, а он протянул руку и вытащил автокресло.

— Держи, — сказал Оникс, протягивая его мне. Было страшно держать маленького невинного младенца в этом хитроумном приспособлении.

Оникс вытащил сумку для подгузников, перекинул ее через плечо, затем взял у меня автокресло и понес его с такой легкостью.

Мы вошли в дом, в котором была очень уютная, просторная гостиная. Здесь было столько разных цветов! Это место сильно отличалось от дома Оникса. Я думала об этом, пока Оникс вытаскивал мою племянницу из автокресла. Он поднес малышку ко мне, и я взяла ее на руки, пересев в одно из трех кресел-качалок в комнате, в которой также стояли кушетка, диванчик для двоих и столик посередине.

Малышка издала несколько звуков, но потом успокоилась и заснула.

— Почему в твоём доме все белое? — слова просто вырвались сами собой.

Оникс непринужденно сидел на диване, вытянув ноги и скрестив их в лодыжках, откинувшись назад и заложив руки за голову. От моего вопроса он слегка напрягся. Не живи я с ним последние несколько недель, то, наверное, этого бы не заметила. Но я старалась

изучить его, хотя он и мало что о себе рассказывал.

— Потому что моя душа слишком погрязла во тьме.

Я хотела продолжить разговор, когда входная дверь распахнулась, и в комнату вошли Кеннеди и Малькольм. Кеннеди расплакалась, как и я, когда поднялась с кресла.

— Познакомься со своей дочерью. — передача малышки моей сестре было одним из самых счастливых моментов в моей жизни, помимо перерезания пуповины.

С изумлением наблюдая, как эти двое рассматривали свою дочь, я села рядом с Ониксом. Он высвободил одну руку и положил ее на спинку дивана, и я почувствовала, как кончики его пальцев скользили по моему плечу вверх и вниз, успокаивая.

Мы долго молчали, пока Кеннеди и Малькольм любовались своей дочкой, но потом я больше не смогла сдерживаться.

— Как вы ее назовете? — спросила я.

Кеннеди широко улыбнулась мне.

— Элли Торрин. — услышав это, я чуть не обалдела и разрыдалась. Элли — это сокращенное имя нашей мамы Элеоноры. Кеннеди назвала своего ребенка в честь нашей матери и меня.

Оникс притянул меня к себе, обхватив теплой рукой, пока я плакала, уткнувшись ему в рубашку, все это время он поглаживал мою руку. Я только что получила свой третий подарок за последние пару часов. Утешение от мужчины, в которого была влюблена. И одно лишь это осознание должно было наполнить меня ужасом. Как? Когда я в него влюбилась? Я понятия не имела, но, разделив эти счастливые моменты с ним, и глядя на все, что он делал, даже на плохие поступки, я все еще находила в нем что-то хорошее.

Между мной и Ониксом существовала глубокая связь. Я увидела совсем другого человека, не похожего на других. Эллен Сью оказалась права. Все, что делал Оникс, было не просто так.

— Мы можем уехать? — услышала я вопрос Малькольма, и ужас наполнил меня. Это было оно. Я уеду со своей сестрой и ее семьей, оставив Оникса позади. *Гарантия — вот и все, чем я была. Он использовал меня дважды.* Повторение этих слов мало чем помогло. Внутри меня шла борьба. Я в очередной раз напомнила себе, что меня вырвали из жизни, которую я построила. Это было необычно, нерационально, но всё же у нас с Ониксом были особенные моменты, которые принадлежали только нам. Теперь все было кончено.

— Конечно. Позвоните в офис, назовите официальное имя ребенка, и мы сделаем свидетельство о рождении, — небрежно ответил Оникс, вставая и увлекая меня за собой. — У вас есть номер телефона нашего педиатра, завтра нужно будет пройти первый осмотр. Медсестра уже загрузила всю информацию о рождении на портал для пациентов.

В этот момент я до конца не понимала чего хотела, поэтому все это превратилось в торнадо эмоций, вышедших из-под контроля. Когда Оникс притянул меня к себе и поцеловал в лоб, я поняла, что это всё. Я больше никогда не увижу этого человека. Как будто мы никогда и не знали друг друга.

Часть меня хотела, чтобы он попросил остаться, хотела, чтобы он привязал меня к своей кровати. Я не хотела с ним расставаться. Я знала, что боролась со своими эмоциями, но, если он снова запрет меня у себя дома, готова ли я буду к этому? Да. И это волновало меня так же сильно, как известие о рождении ребенка.

Оникс посмотрел на меня сверху вниз.

— Если тебе нужны твои вещи, дай знать, и я прикажу, чтобы их тебе отправили.

Мое сердце разбилося вдребезги. Он не сказал приехать и забрать их самой. Да, это действительно был конец. Собрал все силы, какие у меня были, я приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.

— Спасибо, — это было всё, что я смогла выдать из себя, когда повернулась и последовала за сестрой к двери.

Пожалуйста, попроси вернуться. Попроси меня не уходить.

Мои надежды рухнули, потому что он ничего не сказал, и во мне поселилась пустота. Мои прежние предположения оказались верны. Я никогда не приду в себя после времени, проведенного с Ониксом Блейком.

ОНИКС

Я наблюдал, как она выходила из парадной двери дома со своей племянницей. Малькольм пожал мне руку, как настоящий джентльмен, и ушел со своей семьей.

Семья.

Меня погубило это слово, или эта женщина. Я снова опустился в кресло. «Акцентная стена», как назвала ее дизайнер, была серо-голубого и темно-синего оттенка. Кухня была выполнена в глубоком красном цвете, который привлекал к ней внимание из гостиной, поскольку концепция помещения была относительно открытой. Дизайнер, которого мы наняли, уверяла, что планировка подходила для новорожденных, так как они толком еще ничего не видят. Разумеется, женщина считала, что дом был построен для частного учреждения по усыновлению детей-инвалидов и детей наркозависимых родителей. Она понимала, что нужно сделать его уютным и безопасным.

Ради защиты нашего бизнеса приходилось кому-то лгать.

— Они уехали, Пакстон, — пробормотал я, ожидая, когда он выйдет из дальней спальни.

— Быстро ты, плейбой, — ответил он, с важным видом направляясь в гостиную и занимая место на диване.

Диван, на котором я только что обнимал Торрин в последний раз. В последний раз прикасался к ее шелковистой коже и вдыхал запах ее волос.

— Ты, мать твою, все-таки отпустил ее! — заявил он, не скрывая своего удивления.

— Она являлась гарантией сделки. Пришло время нам с ней разойтись.

Пакстон откинулся назад, расслабившись.

— Чушь собачья.

В этом и был весь Пакстон. Он расколол меня быстрее, чем кто-либо другой. Дэйн, возможно, и был самым близким мне человеком, но именно Пакстон всегда бросал мне вызов. В свою очередь, я был для него таким же. Мы единственные держали друг друга в узде, и это работало.

— Ее семья сдержала свое слово, Торрин выполнила свою задачу, теперь она мне не нужна.

Он внимательно рассматривал меня.

— Здесь есть нечто большее.

— Возможно, ты прав. Но теперь они счастливая семья. Мы оба двигаемся дальше, каждый своей дорогой.

Я открыл ему свои искренние чувства. Увидев Торрин с маленькой Элли на руках, мне захотелось отпустить ее. Жизнь, которой я жил, игры, в которые играл, были не для такой женщины, как она.

— В детстве ты часто говорил, что такие парни, как мы, рождены, чтобы стать мужчинами и править миром, нашим миром. — Пакстон напомнил мне о том времени, когда я был неуправляем. Времени, когда у всех нас отняли всё.

— К чему ты клонишь?

Я встал, нуждаясь в пространстве, чтобы собраться с мыслями. Моя рука мгновенно потянулась к карману, чтобы взять зажигалку, которая всегда была при мне. Взгляд Пакстона

метнулся к моему карману, зная, что там лежало.

На его губах заиграла улыбка.

— Дай мне зажигалку.

Я покачал головой.

— Здесь не курят!

Он рассмеялся, а я не нашел во всем этом ничего смешного. Пакстон встал, выжидая протягивая руку.

— Ты позволяешь прошлому влиять на твое настоящее, Оникс. Из-за этого превращаешься из сильного мальчика в слабого мужчину.

Моя кровь вскипела, став огненной лавой. Выпустив зажигалку, я сжал руку в кулак, вытащил ее из кармана и замахнулся, ударив Пакстона по лицу.

— Я далеко не слабый, мудак! Семья ты или нет, но тебе не переубедить меня!

Я наносил ему удар за ударом.

Пакстон стерпел все.

Моя злость возрастала. Он продолжал стоять, его лицо было залито кровью, и я был уверен, что его ребра горели от каждого полученного удара. Эмоции выходили наружу с каждым ударом моего кулака, врезающегося в его тело. Эмоции, которые я сдерживал в течение тридцати лет, вырвались на поверхность, взорвавшись калейдоскопом красок. И все эти чувства разрывали меня на части.

— Цепь... — выдохнул я, мое дыхание стало тяжелым от гнева, когда я замахнулся, — так же... — глубоко вдохнув, Пакстон на мгновение пошатнулся, поскольку я был неумолим, — крепка...

Удар.

Он резко врезал мне кулаком в челюсть.

— Как и ее самое слабое звено, — закончил он мое предложение, сплевывая кровь на деревянный пол. — Вместе мы — единое целое. Единая власть, дисциплина и гребаная сила. Торрин изменила что-то внутри тебя, Оникс. Выбей всё дерьмо из меня, Дэйна или Гаррета. Выбей это дерьмо к гребаной матери из своей головы, черт возьми! Мы играем в эту игру вместе! Мы цепь, скрепленная кровью. Если ты действительно способен отпустить Торрин, то ты более чем способен отпустить гребаную зажигалку из своего прошлого!

Его слова поразили меня сильнее любого удара, который я когда-либо получал. Вытащив зажигалку из кармана, я бросил ее в Пактона, а он поймал ее, открыл и щелкнул, чтобы зажечь.

Пламя плясало у него перед глазами точно так же, как в ту ночь. Ночь, которая укрепила нашу связь.

Наша связь была прочнее любой стали, нерушимая и временами сдерживающая, но именно она сводила нас вместе и никогда не позволяла кому-то из нас пойти другим путем.

Не оглядываясь, я направился к выходу через парадную дверь. Пакстон в считанные часы пришлет туда уборщиков, чтобы продезинфицировать место встречи для следующей семьи. Все приведут в порядок.

Добравшись до своей машины, я сел в нее, ощутив, что без Торрин в ней было пусто. Посмотрев в зеркало заднего вида, представил, как она смотрела на меня своими прекрасными глазами. Вместо этого была пустота, и в кои-то веки я чертовски возненавидел белый цвет.

Если я чувствовал себя так в машине, то каково мне будет в доме? Впервые с тех пор,

как я купил это поместье вдали от всех, я почувствовал боль одиночества. Мне очень хотелось отправиться в дом Ланье.

Хотя, если я это сделаю, то на этот раз не смогу заставить Торрин пойти со мной, и как бы сильно мне ни хотелось привязать ее к своей кровати, она выполнила свою часть сделки, а я человек слова.

Подъехав к поместью и припарковавшись, я вошел в дом, и, как и ожидал, здесь было пусто и будто холодно. Жизнь и краски после отъезда Торрин исчезли. Ее смех, ее болтовня... все исчезло. Дом никогда не казался таким пустым. Раньше белый цвет заставлял меня думать, что мою душу еще можно спасти. Теперь же все казалось совершенно наоборот.

Поднявшись по лестнице и войдя в спальню, я замер в дверном проеме. В комнате пахло ванилью, а постель до сих пор была не убрана после сна. Одежда Торрин валялась на полу, так как девушка в спешке собиралась к ребенку.

В ванной горел свет, но дверь по-прежнему была снята с петель.

И все вокруг, кроме одежды Торрин, было белым.

Сев на кровать, я запустил пальцы в волосы, упершись локтями в колени. Как Гарантия могла превратиться в нечто большее, чем просто работа? Я знал ответ, но не мог его признать.

ТОРРИН

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Я не стала звонить Ониксу, чтобы он прислал одежду, которую купил для меня, потому что я бы никогда ее не надела. Каждая вещь являлась напоминанием о времени, проведенном с ним, и чем меньше этих напоминаний у меня было, тем лучше. Не то чтобы я совсем не хотела ему позвонить — хотела и много раз. Даже набирала номер, но потом сбрасывала.

Ночи были бессонными, а сны походили на непрерывную петлю, прокручивающую наше с ним время.

Жить в гостевой комнате сестры было не очень, но на данный момент других вариантов не существовало. В свою квартиру вернуться я не могла, так как все равно была не в состоянии позволить себе ее аренду — еще до того, как уехала с Ониксом.

Плюсом было то, что сегодня утром у меня состоялось собеседование на новую работу, и оно прошло действительно хорошо. Надеюсь, позже мне позвонят и скажут, что утвердили на должность. Работа была связана с графическим дизайном, платили не так уж и много, но, опять же, я боялась, что меня и там могут сократить. К сожалению, мне нужна была хоть какая-то работа, потому что я ни за что не стану слоняться по дому сестры и бездельничать. Двух недель было достаточно.

Кнопки издавали ужасный звук, когда я вводила код карты в банкомате. На ней было достаточно денег, чтобы купить себе обед в честь того, что я снова вернулась в свой мир.

Нажав на кнопку баланса, я раскрыла рот от шока. Там был *один миллион долларов*. Один долбаный миллион долларов! Какого черта? Я снова ввела информацию, решив, что ошиблась. У меня никогда в жизни не было миллиона долларов, да и никогда не будет.

Однако во второй раз я увидела то же самое. Я отправилась в банк и поговорила с женщиной из справочной службы, которая велела посидеть в зоне ожидания и подождать кредитного специалиста.

От нервов у меня задергалось колено. Если все подтвердится, то деньги скорее всего от Оникса, и я не понимала, как к этому относиться. Часть меня думала, что с его стороны было очень заботливо поддержать меня, но другая часть чувствовала разочарование, будто он заплатил за время, проведенное с ним.

От этой мысли скрутило живот. Наверное, я лелеяла призрачную надежду, что Оникс вернется за мной. Что поступит так же, как в прошлый раз, и похитит меня из дома сестры. Мне так хотелось, чтобы это снова стало реальностью. Если в документах будет прописано имя Оникса, значит, между нами точно всё кончено.

Закрыв глаза, я начала молиться, чтобы деньги были не от него, чтобы каким-то чудом я выиграла в лотерею, например. Но всё это было ложью, и когда банковский сотрудник подтвердил, что сумму перевел мистер Блейк, у меня внутри всё опустилось, и больше не хотелось ни кофе, ни еды.

Вместо этого я вернулась к сестре и забралась в кровать.

Когда я рассталась с Джеймсом, то не так остро всё восприняла, а ведь мы с ним встречались три года. Теперь я могла со стопроцентной точностью сказать, что понятия не имела, что такое любовь, пока в моей жизни не появился Оникс Блейк.

Мне от него ничего не нужно было, в том числе и денег. Внутри все сжималось, отчего душа болела. Прошло две недели с тех пор, как я не видела этого мужчину, а он всё еще вторгался в мои мысли, жизнь и душу. Я свернулась калачиком и позволила себе еще немного пострадать. Завтра проснусь, натяну трусики «большой девочки», и снова встречу лицом к лицу с жизнью, напроць забыв об Ониксе Блейке.

***

ДВА С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Моя новая работа была замечательной, даже лучше, чем та, с которой меня уволили несколько месяцев назад. Кроме того, благодаря своим навыкам я смогла набрать базу клиентов, и моей радости не было предела. Люди, с которыми я работала, похоже, не испытывали никаких проблем из-за того, что я старалась им помочь. Напротив, они были рады помощи.

Пять месяцев назад меня похитили и удерживали в качестве залога. Три месяца назад родилась моя племянница, и я поняла, что влюбилась в мужчину, который не отвечал мне взаимностью. Два месяца назад я вытатила голову из задницы, обзавелась собственным жильем и стала строить новую жизнь.

Я так и не притронулась к деньгам, которые перевел Оникс. Они хранились у меня на счете. Чем больше времени он со мной не связывался, тем крепче становилась моя решимость не оглядываться назад. Когда я переехала в свою квартиру, появился мужчина на джипе, который доставил все вещи из моего прежнего жилья. Хотя и больно осознавать, что Оникс действительно расстался со мной, было приятно получить обратно фотографию, на которой нас запечатлели с мамой и сестрой — самое дорогое, что у меня было.

Я привыкала к новой жизни и чертовски гордилась собой, даже если жаждала прикосновений Оникса каждую ночь.

Самой лучшей частью моей жизни являлась племянница. Она была лучиком света для меня, и я проводила каждое мгновение с ней и сестрой. Кеннеди умоляла не съезжать, но мне это было нужно. Их дом принадлежал только им, и я просто не вписывалась в их семейную жизнь.

Припарковав машину, я вошла в дом сестры.

— Я приехала! — громко крикнула, услышав лишь эхо. Мне не ответили. Поэтому я принялась обходить дом, в основном в поисках Элли. Однако, войдя в гостиную, замерла на месте.

Гаррет — человек, который увез нас с Ониксом отсюда, стоял у камина. Он выглядел очень солидно, но мужчина рядом с ним казался по-настоящему опасным. Именно он приезжал за мной в дом Оникса и отвез на роды Элли.

Мое сердце подпрыгнуло, я быстро оглядела комнату в поисках Оникса. Но тут же расстроилась, его не обнаружив.

— Привет. — я глупо помахала рукой, когда моя сестра подошла ко мне, держа Элли на руках. — Кто тут самая красивая девочка на свете? — Элли одарила меня одной из своих беззубых улыбок, держа во рту свой маленький кулачок. — Дай ее мне. — Кеннеди протянула мне маленький сверток, и я поцеловала племянницу в макушку.

— Что здесь происходит? — спросила я. Вопрос не был адресован кому-то конкретному, но я хотела получить ответы. У этих двух мужчин не было никаких причин находиться в доме моей сестры. И если они попытаются забрать мою племянницу, что ж,

только через мой труп.

— Привет, Торрин, — поздоровался Гаррет. — Мы приехали убедиться, что все в порядке, и можно завершить сделку.

Мой взгляд метнулся к Пакстону.

— Привет, Торрин. — его голос был глубоким и зловещим. Я не помнила, чтобы он много говорил раньше. В основном я общалась с Эллен Сью.

Черт возьми, вся эта ситуация напомнила об Ониксе, и было тяжело сдерживать обиду. Я хотела, чтобы мое сердце забыло его. Хотела жить дальше, не встречаясь с кем-то, кто имел к нему отношение.

К черту их всех!

— Ладно. Пойду поиграю с малышкой. — сказала я.

— Подожди, — окликнул меня Пакстон. Это было словно дежавю. В прошлый раз я стояла именно на этом месте, когда Оникс подхватил меня и вынес за дверь. Я стряхнула с себя эти воспоминания, Пакстон не был Ониксом.

— Что? — коротко спросила я. Мне хотелось убраться отсюда.

Пакстон сделал шаг вперед, но я не сдвинулась с места.

— Ты не воспользовалась деньгами на счете.

Моя сестра ахнула. Я не говорила ни ей, ни кому-либо другому о деньгах, потому что не собиралась их тратить и покупать на них новый дом, машину, да что угодно!

— Откуда ты знаешь?

Улыбка немного смягчила черты его лица, и Пакстон перестал внушать такой ужас.

— Я всегда знаю то, что мне нужно знать. Оникс попросил меня положить их на твой счет, но ты к ним не притронулась. Почему?

Прекрасно. Я чувствовала, как у меня внутри вскипала ярость. Гарретт открыл портфель с документами, которые предназначались для моей сестры. Без сомнения, это было окончательно заверенная копия свидетельства о рождении Элли — копия, которую мы ожидали получить по почте. Я хотела уйти отсюда.

— Тебя это, разумеется, не касается, но я к ним не притронусь никогда. Это грязные деньги. Ваши дела касаются моей сестры, а не меня. Я выполнила свою часть сделки с мистером Блейком. — на этом я повернулась и вышла из комнаты. Я слышала, как Пакстон что-то говорил, но не слушала его. Вместо этого направились в комнату Элли и села с ней на пол, прижавшись спиной к стене.

Элли закричала и улыбнулась. Я держала ее за маленькие пальчики, пока она лежала передо мной на полу.

— Элли, иногда жизнь — отстой, но ты всегда можешь поговорить со мной.

Пока она что-то лепетала, возбужденно дрыгая ногами, у меня сдавило грудь. Я больше не могла выносить это. Я больше не могла скучать по нему. У меня больше не было сил думать о нем. Мне действительно нужно было отпустить Оникса, но это будет не так уж и просто.

Моя жизнь уже никогда не станет прежней, но это не значит, что она не будет замечательной.

***

У меня всё расплывалось перед глазами, пока я работала за компьютером, все линии и цвета смешивались вместе. Я работала над проектом двенадцать часов подряд. Его нужно

было сдавать только через пару недель, но мне нравилось работать. Вот почему я взяла на себя инициативу в этом деле, и мои коллеги были рады этому, учитывая загруженность.

Но когда начала раскалываться голова, решила, что пора ехать домой. Чувствовала, что скоро начнется мигрень. Офис компании находился в центре города, примерно в двадцати трех милях от моей новой квартиры. Единственная причина, по которой я жила так далеко от работы, заключалась в том, квартира была ближе к дому моей сестры и Элли.

Я не возражала против долгих поездок на работу. Много раз включала аудиокнигу и слушала ее. Или включала музыку и покачивала головой в такт по дороге домой. Однако сегодня вечером мне просто хотелось тишины и покоя.

Сев в свою машину, которую, к счастью, сестра сберегла для меня, я завела ее и направилась домой. Навалилась усталость, и я открыла окно, чтобы подышать свежим воздухом и не заснуть. Машина передо мной начала движение, и я тронулась следом, но когда я нажала на тормоз, ничего не произошло. Я нажала сильнее, потом еще сильнее, и ничего. Я попыталась свернуть с дороги, но было слишком поздно.

На скорости пятьдесят миль в час я врезалась в машину впереди. Меня пронзил страх, когда я ударилась об руль головой, и все вокруг потемнело.

***

Что-то холодное коснулось моей щеки. Я попыталась открыть глаза, но в голове так сильно пульсировало, что я не смогла этого сделать.

— Просыпайся, просыпайся, маленькая шлюшка.

ОНИКС

— Я очень скучаю по Торрин, — произнесла Эллен Сью, стоя ко мне спиной и что-то делая за кухонным столом. Не в первый раз она это говорила, и не в последний. Каждый день с тех пор, как Торрин уехала, она повторяла одно и то же. Я проигнорировал ее, зная, что Эллен Сью добавит еще что-то, потому что так было всегда, когда дело касалось Торрин.

— Она была лучиком света в этом доме. Ты хоть с ней разговаривал? — Эллен Сью вздохнула, и мне захотелось ударить по чему-нибудь.

Прошло три месяца, и нет, я с ней не разговаривал. Я дал ей гребаный шанс, попросив ее позвонить мне по поводу своей одежды, но она им не воспользовалась. Хотя чего я ожидал? Я ворвался в ее жизнь, буквально похитив Торрин. Она никогда не сможет быть с таким мужчиной, как я, но, черт возьми, я скучал по ней.

В постели без нее было чертовски холодно, и ничто не могло ее согреть. Одежда Торрин все еще лежала в ящиках, ожидая возвращения девушки.

Сейчас я хотел, чтобы она сама пришла ко мне, а не потому, что я ее заставил. Хотел, чтобы она сделала этот чертов звонок, который так и не прозвучал. Она сдалась или не почувствовала того, что почувствовал я, сидя на диване в тот наш последний день.

Это была та самая дерьмовая, горькая пилюля, которую трудно проглотить, но я проглатывал ее каждый гребаный день.

Эллен Сью повернула голову и посмотрела на меня через плечо так, как умела только она.

— Понятно, тогда спасибо, что покрасил кухню. Мне нравится.

Кивнув, я обвел взглядом помещение. Эллен Сью знала меня лучше, чем кто-либо другой. Она была соседкой Амоса Бейлера. Когда мы были детьми, она подзывала нас, чтобы дать выпечку, воду, а когда стали подростками, совала нам деньги, обувь или что-нибудь еще, что могла. В самые мрачные дни на ферме она была светом для всех нас, но особенно для меня. Она была членом семьи, если уж говорить о семье.

С уходом Торрин всё в этом доме стало каким-то тусклым, и две недели назад я больше не мог этого выносить и пригласил маляра. Он покрасил кухню и гостиную. Это был шаг, который необходимо было сделать. Несмотря на бледно-желтый цвет на кухне и серо-голубой в гостиной, в доме все равно было пусто.

Я понял, что без разницы, каким цветом будут окрашены стены, без Торрин все это бессмысленно. Бля*ь.

Я ненавидел это дерьмо. Вот почему в первую очередь держался подальше от женщин, особенно от нее. Мои действия причинили ей боль, и сейчас я очень жалею об этом. Сожаление было для меня непривычным чувством. Так что смириться с происходящим было для меня очень тяжело.

— Ты не возражаешь, если я развешаю какие-нибудь картины на стены? — Эллен Сью оглянулась через плечо и усмехнулась. — Хотя бы парочку, Оникс. Разреши хотя бы это.

Кивнув, я доел еду и направился вверх, чтобы одеться. У меня была встреча с парнями в городе, чтобы обсудить наш бизнес. Честно говоря, мне было наплевать на то, что Эллен Сью будет делать в доме. Я все равно подумывал о том, чтобы выставить его на продажу.

За исключением того, что каждый раз, когда я брал трубку, чтобы позвонить риэлтору,

то вспоминал о пребывании здесь Торрин и останавливал себя.

В бизнесе я был безжалостен. Мое воспитание сделало меня хладнокровным и бездушным, как и мой дом. Всего за несколько недель Торрин Макалистер вошла в мою жизнь и вывернула все мои внутренности наизнанку. Вместо того чтобы сломить ее, я сам попал под ее влияние.

Мой телефон зазвонил сразу после того, как я включил воду в душе. При виде номера этого телефона у меня скрутило живот, я не знал почему.

— Какого хрена тебе надо? — спросил я вместо приветствия.

— Куда ты ее отвез? — закричал в трубку Малькольм. — Что ты сделал с Торрин на этот раз?

Меня охватила паника.

— Какого хрена? У меня ее нет. Я ничего, бля*ь, не делал, ты, мудила!

— Позвонили из полиции, ее машина попала в аварию! Ясно, что Торрин получила травму, но свидетели говорят, что ее похитил мужчина в костюме! — кричал Малькольм в панике. Без сомнения его жена вынесла ему мозг по этому поводу.

Страх нарастал внутри меня, а я был не из тех, кто когда-либо его испытывал.

— Это не я. — я произнес эти слова, прежде чем повесить трубку и набрать номер Кейса.

— Босс, — поздоровался он.

— Мне нужно отследить телефон Торрин Макалистер. И найди видео с тем, кто вытащил ее из машины, сейчас же!

Через пять минут на мой телефон пришло сообщение. Как я и ожидал, телефон Торрин был выключен, и последнее, где она была — это место аварии. Видео — совсем другая история.

Я нажал на воспроизведение и почувствовал, как по спине побежал холодок, когда я увидел, как она врезалась в багажник внедорожника в своей крошечной машине, которая походила на смертельную ловушку, а не автомобиль. В прошлый раз именно на ней она приехала в дом своей сестры. Машина была разбита вдребезги. Мужчина, который направлялся к машине был одет в темно-синий дизайнерский костюм, а на его лице красовались авиаторы, и играла гордая ухмылка, которую я видел сотни раз.

Ярость, какой я никогда раньше не испытывал, пронзила меня от макушки до кончиков пальцев ног, когда я натянул одежду и выбежал из дома. Куда он ее отвез? Точно не к себе домой, потому что это было бы глупо, так как он понимал, что искать начнут именно там. На его работе была строгая охрана, и он ни за что бы не привез ее туда, рискуя потерять то небольшое, что у него было. Многого у него и не было, в общем-то, потому что я позаботился об этом.

Учитывая то, что он запланировал, ему понадобится тихое место, где ее крики или мольбы не будут услышаны. Черт, мысль об этом скрутила все внутренности, но он был больным ублюдком, и всё было возможно. Скорее всего, это место в стороне от оживленных дорог, но где-то не очень далеко. Там, где он вырос. То место, которое определило мою судьбу.

Амбар.

Желчь подступила к горлу. Амбар был пустым, потому что рядом в доме никто не жил. На много миль вокруг их никто не услышит и не увидит, и он всё это знал. Я всегда хотел, чтобы эта чертова хрень, наконец, сгнила, и теперь жалел, что не снес его, когда была

возможность. Даже владея им, я туда не ходил, но Джеймс знал это место вдоль и поперек.

Для некоторых людей день рождения это праздник. Я родился в амбаре, подальше от любопытных глаз. Черт возьми, я ненавижу это место, и именно поэтому Джеймс привел Торрин туда. Вернулся к тому, с чего всё началось, чтобы показать ей, что он лучше меня.

Тупой ублюдок.

Запрыгнув в свой «Шевроле Тахо», я помчался туда, где ожидал ее найти.

Я продолжал погружаться в мрачные мысли. Думал о ее травмах в результате аварии и о том, что этот придурок мог с ней сделать. Подъехав к дому, не стал останавливаться и направился прямо к амбару.

Красная краска облезла, выцвела и превратилась в тускло-коричневый, но все еще держалась. Здесь моя жизнь круто изменилась, и я ненавижу это место всеми фибрами своей души.

Я вытащил девятимиллиметровый «Глок» из консоли в машине, а также пистолет SIG Sauer Pro из-за пояса. При мне всегда был пистолет, за исключением тех случаев, когда я находился дома, где он был мне не нужен. Я также хранил «Глок» в каждом своем автомобиле. Хотя я и предпочитал расправляться со всеми голыми руками, сегодня, возможно, придется всадить пулю этому человеку в башку. Он был непредсказуем — человек, которому нечего терять.

Дикая ярость захлестнула меня. Торрин была моим главным приоритетом. Я сделаю всё, чтобы она не пострадала. Взглянув сквозь маленькую щель в двери, мои внутренности сжались.

Я был прав. Она была в *его* лапах. И *он* сдохнет за это.

Запястья Торрин были связаны толстой веревкой, и девушка висела в воздухе примерно в футах от земли. Ее лодыжки также были связаны вместе, что ограничивало ее движения. Я тоже привязывал ее к своей кровати, но никогда не собирался причинять ей боль — никогда. И все же причинил.

У нее был заклеен рот скотчем, а по щекам текли слезы. Лицо было опухшим, а под носом засохла кровь — без сомнения это были травмы из-за аварии. Также были следы от ремня безопасности там, где кровеносные сосуды под кожей лопнули при ударе. Ремень сделал свое дело, как и подушки безопасности, спасшие ей жизнь. У меня не было ни малейшего сомнения в том, какую боль она испытывала. Но в глазах Торрин была решимость, борьба, которая всегда заводила меня. Дерзкая и яркая.

Она висела в одном нижнем белье, за это он тоже заплатит. Я слышал, как Торрин всхлипывала каждый раз, когда он толкал ее, раскачивая. Это был единственный вход, который я знал. Я хорошо знал каждый угол этого амбара. Застать мудака врасплох было невозможно, а стрелять напрямую и рисковать Торрин я тоже не мог.

Когда я открыл дверь, Джеймс спрятался за Торрин, как последний трус — каким он и был — используя девушку как щит. Глаза моей девочки расширились, когда она начала бороться с веревками. Я дважды покачал головой, и она успокоилась. Я не хотел, чтобы она двигалась, поскольку не был уверен, какие у нее были травмы после аварии.

— Мать твою! Ты пришел и испортил мне всё веселье! Я собирался устроить целый концерт и позвонить тебе по телефону, сделать больно твоей девушке, но сейчас в этом нет смысла. — слова Джеймса звучали как угроза, а тон был пропитан ненавистью.

Подняв пистолет и прицелившись, я произнес:

— Ты труп. И не выйдешь отсюда живым.

— Думаешь, мне не насрать? Я знал, что это произойдет, но я могу прихватить твою маленькую шлюшку с собой. У нее очень сладкая киска, как раз для моего члена. — он провел руками вверх по ее ногам, к талии и между грудей. То, что я испытывал тяжело было назвать яростью. Это было нечто более ужасающее и сильное.

Торрин снова начала двигаться, пытаясь отстраниться от прикосновений Джеймса. Она подвинулась ровно настолько, чтобы я мог выстрелить, но слишком быстро вернулась назад. Я медленно начал приближаться к ним, и Джеймс занервничал.

— Не подходи ближе! — он вытащил нож и воткнул острие Торрин в живот, не проникая, но ясно предупреждая, что может сделать это в любую секунду. Когда я сделал еще один шаг, струйка крови скатилась к ее пупку.

Красная пелена застила мне глаза, и я выстрелил ему в локоть. Это было трудно, и я знал, что все могло обернуться ужасно, но, к счастью, мудила не ожидал, что я это сделаю. Когда я выстрелил, пуля раздробила ему локоть, а нож, приставленный к Торрин, упал на землю.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы подкрасться к Джеймсу и врезать ему кулаком по лицу. Затем нанес еще один удар и еще, позволяя каждой частичке гнева, который я когда-либо испытывал к своему брату, выйти на поверхность. Каждый удар отдалял его все дальше от Торрин.

— Ты тупой, никчемный кусок дерьма! — я плюнул в него.

Торрин прерывисто дышала, и как бы сильно мне ни хотелось немедленно освободить ее, я должен был убедиться, что этот придурок надежно связан. Найдя тонкую веревку, которой связывали тюки сена, я заломил ему руки за спину и нереально туго их связал.

Он взбрыкнул и попытался пошевелиться, но его разбитое лицо и, вероятно, несколько сломанных ребер не дали ему этого сделать. Я не хотел убивать его быстро. Я хотел, чтобы он прочувствовал всю боль, хотел, чтобы он в агонии молил о смерти. И он сдохнет. Сегодня он перешел черту.

Я умело связал ему лодыжки, затем привязал запястья к лодыжкам. Так связывали свиней. В детстве я много занимался этим на ферме.

Пнул Джеймса, оттолкнув его от Торрин. Потом увидел веревку, которой девушка была привязана к потолку. Узел был туго затянут. Вместо того чтобы возиться с ним, я вытащил свой нож и отрезал веревку. Как только я это сделал, разозлился на себя, потому что Торрин упала прямо на пол. Черт, жаль, что здесь не было никого из парней, чтобы подхватить ее при падении.

Подбежав к ней, быстро развязал ее и снял скотч с рта, на что она громко закричала. Я знал, что это должно было быть больно, но мне нужно было оценить ее травмы. Если придется везти ее в больницу, то нужно позвонить Гаррету, чтобы он приехал. Дэйна не было в городе по работе, которая не имела никакого отношения к нашему бизнесу, а Пакстон наверняка закурит в машине, пока будет везти Торрин.

— Ты в порядке?

Она кивнула, затем, шокировав меня, обвила руками мою шею и уткнулась в нее лицом. Я мягко обхватил ее затылок, прижимая к себе как можно крепче. Возможно, Торрин плакала, и ей, вероятно, было больно, но в целом она не пострадала и жива. Это все, что имело для меня значение.

Я коснулся губами ее макушки. Торрин ощущалась прекрасно в моих объятиях, и именно в этот момент до меня дошло. Словно гром среди ясного неба. Я любил эту

женщину. Я так чертовски сильно переживал о ней, что, если кто-то посмеет причинить ей боль, то заплатит за это. Она стала частью меня, задев нечто глубоко в моей душе.

Даже если моя душа погрязла во тьме, она все равно принадлежала только ей.

— Ты тупой ублюдок! Я убью тебя! — крикнул Джеймс. — Она была моей сучкой!

Торрин слегка вздрогнула в моих объятиях.

— Подождешь, пока я разберусь с ним?

Она подняла на меня взгляд.

— Что ты с ним сделаешь?

— Кое-что, что следовало сделать давным-давно. — я слегка оттолкнул Торрин, стянул с себя футболку и накинул на ее тело. Футболка полностью прикрывала ее. — Ты можешь либо запереться в моей машине, либо остаться здесь. Но это все равно случится, так что решай сама.

ТОРРИН

Момент был поворотным, я поняла это по его глазам. Все эти месяцы я молилась, чтобы этот мужчина вернулся ко мне. Но я возвела стены вокруг своего сердца, чтобы двигаться дальше по жизни. Но в тот момент, когда он вошел в амбар, и наши взгляды встретились, я полностью открылась ему и поняла, что безнадежно влюблена в Оникса Блейка.

Он не отводил от меня взор, пока ждал моего ответа.

Оникс Блейк давал мне выбор. Я чувствовала это. Я также осознавала, что если выйду из амбара, повернувшись спиной к нему, все, что мы разделили, исчезнет навсегда, и пути назад не будет.

Оникс не был романтичным человеком. Да и хорошим его назвать было сложно. Однако он был верным, честным и решительным. Я понимала, что ничто не помешает ему убить Джеймса. Таков был его мир — темный, опасный и безжалостный.

Вопрос, который он задавал, заключался в том, готова ли я увидеть, насколько темным на самом деле был его мир? Он хотел, чтобы я доказала ему, что достаточно сильна встретиться лицом к лицу с его самым уродливым демоном и остаться на его стороне.

И я останусь с ним.

— Я остаюсь. — твердо ответила я.

— Это будет такое себе зрелище.

Я приподнялась на цыпочки, чтобы запечатлеть поцелуй на его щеке. Я могла поклясться, что слышала, как Оникс тихо зарычал от моего прикосновения. Мне нравилось то, что я при этом чувствовала.

Силу.

Этот мужчина всегда держал себя в руках и всегда был замкнут, но он дал мне эту силу. Он отдал мне так много, что я без сомнения знала, что ни с кем другим он этим не делился раньше. Чем-то драгоценным, за что я буду держаться вечно.

— Иди сядь на тюк сена. Это будет не быстро, но потом я прикажу, чтобы тебя осмотрели.

— Я в порядке, Оникс. Заставь его заплатить, — попросила я, зная, что Ониксу важно, что я буду всегда его поддерживать. Мои травмы подождут.

Он прижался своими губами к моим, но не углубил поцелуй, как я хотела. Меня окутало тепло, и я почувствовала умиротворение, которого не ощущала с тех пор, как мы расстались несколько месяцев назад. Он был единственным мужчиной в моем сердце.

— Прости, что он добрался до тебя. Я не хотел подвергать тебя опасности.

Я кивнула, зная, что Оникс имел в виду то, что сказал, что он защитил бы меня ценою своей жизни. Что он заботился обо мне, хотя ему тоже было страшно.

— О, как мило, Оникс и Торрин сидят и воркуют! Ты не сможешь, бля*ь, убить меня! Ты просто жалок! — насмехался Джеймс, пытаясь перевернуться на полу амбара. Он не продвинулся ни на миллиметр, так как Оникс крепко его связал.

— Джеймс Пол Ширз, ты умрешь сегодня, — произнес Оникс, цвет его голубых глаз сменился на серый, когда он перевел взгляд с меня на своего брата.

Завернувшись в его футболку, я устроилась на тюке сена, натянув ткань пониже, чтобы солома не кололась. Оникс положил один пистолет рядом со мной, прежде чем вытащил

другой из-за пояса и вложил его мне в руку. Металл был холодным, а сам пистолет тяжелым. Я знала, что мне он не понадобится, но также понимала, что Оникс хотел, чтобы я была в безопасности. Поэтому легкая улыбка тронула уголки моих губ, давая ему понять, что я приму любые его решения.

— Ты не сможешь убить меня! — бросил вызов Джеймс. — Ты не поступишь так с нашей матерью!

— Вот тут-то ты и ошибаешься, брат! — взревел Оникс, прежде чем подойти к Джеймсу и ударить его ногой по ребрам. Учитывая то, как Джеймс был связан, Оникс сделал это с легкостью.

Джеймс закашлялся, прежде чем вскрикнуть от боли.

— У меня нет никаких чувств к *нашей* матери. Ты все еще этого не понял? Ты еще больший идиот, чем я думал, — поддразнил его Оникс, прежде чем высоко поднять ногу и опустить ее на согнутое колено Джеймса. Я услышала хруст костей и поняла, что я даже не вздрогнула.

То, как этот человек страдал, меня ни в малейшей степени не беспокоило.

Злом здесь был Джеймс Ширз, а не Оникс. Оникс был прав. Несмотря на то, что я не знала его раньше, я действительно когда-то влюбилась не в того брата. Но я больше не повторю эту ошибку.

— Тогда покажи, какой ты, *брат!* А еще лучше, расскажи все Торрин! Пусть она увидит дьявола, с которым легла в постель!

Оникс зловеще рассмеялся.

— Я никогда не скрывал от нее, кто я такой, в отличие от тебя. Разве не это побудило Мари сделать то, что она сделала?

— Нет, это все из-за тебя! — Джеймс попытался плюнуть в Оникса и промахнулся, попав себе на лицо. Чем больше он дергался, тем больше грязи и пыли оседало на его лицо.

Оникс опустился на колени, чтобы оказаться на одном уровне с Джеймсом.

— Давай проясним одну вещь, прежде чем ты умрешь. Я убиваю только тех, кто переходит мне дорогу или прикасается к тому, что принадлежит мне. Ты должен был умереть, когда мы были еще подростками, и ты изнасиловал мою девушку. Но ты должен знать, кто спас тебя, брат.

— О, милая Делия, ее киска была такая тугая! Когда увидел вас двоих вместе, то понял, что мне нужна частичка ее. Что касается того, кто спас меня, — рассмеялся Джеймс. — О, Оникс, это был ты!

Оникс поднялся с земли, занес ногу и ударил ею Джеймса по лицу. Кровь растеклась лужицей по полу, и Джеймс быстро заморгал, чтобы снова сфокусироваться на Ониксе.

— Твой самый злейший враг — ты сам, — простонал Джеймс. — Делия... она любила тебя. А я лишил ее девственности, которую она собиралась тебе подарить. Я все еще чувствую, как она крепко сжимала мой член. Ребекка какое-то время была твоей игрушкой до Делии, но, увы, отдала свою вишенку другому парню, когда тебе надоело ее нитье. Хорошие были времена для меня, брат!

Джеймс был больным куском дерьма.

Оникс перевернул его на бок и вытащил из заднего кармана стяжку. Она была довольно длинной. На мгновение я напряглась, испугавшись, что он сейчас развяжет Джеймса. Риск того, что Джеймс мог оказаться на свободе, и то, что могло произойти дальше, пугал меня. Я знала, что Оникс защитит меня, но Джеймс был вне себя от ярости. Если его освободить,

неизвестно, что он мог сделать.

Оникс натянул стяжку Джеймсу на шею. Он не стал затягивать ее туго, будто готовил его. Джеймс попытался отползти от Оникса, как червяк, но у него ничего не вышло.

— Эдриан Блейк тебя спас.

Джеймс ахнул.

— Эдриан Блейк нашел меня, когда мне было пятнадцать. Он рассказал мне историю. Историю о шлюхе с маленьким мальчиком. Она обещала быть послушной женой. За исключением того, что ее сын был больным отморозком. Ее сын, который был так сильно одержим своей мамой, сидел за дверью спальни, пока Эдриан трахал ее. Шлюха была ненасытна. Изменила и обнаружила, что беременна. Эдриан знал, хотя и пытался это скрыть. Ты говорил, что знаешь, откуда я родом, когда мы оба были молоды. Ты дразнил меня в школе при каждом удобном случае. Эдриан... он открыл мне правду, когда я, наконец, стал достаточно взрослым, чтобы противостоять тебе. Он дал мне имя, наблюдал за мной, ожидая, когда я стану старше и мудрее. Потом он поделился всем этим со мной.

У меня скрутило живот. Боже, я встречалась с насильником! С тем, кто лишил невинности ребенка и не испытывал угрызений совести по этому поводу даже по сей день! Мои глаза широко раскрылись, когда я обратила все свое внимание на мужчин передо мной. Все это обрушилось на меня, словно удар молнии. Я встречалась с парнем, у которого были какие-то извращенные отношения с матерью и отчимом. С парнем, который хотел погубить своего собственного брата. Он рассказал Ониксу о его матери. Какое детство на самом деле было у Оникса?

Джеймс свирепо смотрел на Оникса, а его ноздри раздувались.

— Ты когда-нибудь задумывался, Джеймс? Когда-нибудь задумывался о том, кто дал мне фамилию Блейк? — Джеймс выпучил глаза. — Да, он мне все рассказал. Он пришел в приют. Заплатил Амосу Бейлеру, чтобы тот оставил меня у себя, и назвал меня Оникс Блейк. Оникс, из-за того, что меня родила мать-шлюха в темном амбаре, и Блейк за то, что, хотя он и не был моим отцом, всё равно позволил мне отомстить тебе. Конверты, которые я отдавал тебе все эти годы, с наличкой, были не от твоей дорогой мамы, Джеймс.

— Пошел ты! — он снова начал дергаться, от него волнами исходила ярость.

— На самом деле, Оливия Блейк жива. — Оникс рассмеялся, когда Джеймс побледнел от этого откровения. После того, как Оникс нанес Джеймсу еще один резкий удар в нос, он опустился на колени рядом с ним и произнес:

— Ни в чем в жизни нельзя быть уверенным, даже в смерти! Эдриан Блейк покончил с собой в той самой автокатастрофе, в которой Оливия Блейк тоже перестала существовать. Для всего мира Оливия Блейк погибла вместе со своим мужем в ужасной аварии. Ты оплакивал свою мать, как послушный сын. Мне было восемнадцать, почти девятнадцать. Ты учился в колледже. Я наблюдал за тобой, ты был так одержим Торрин. Она не знала, что спала с самым дьяволом. Не знала, каким чудовищем ты был. Она не знала, что после нее, *ты* бежал в постель к собственной матери, потому что у тебя поехала чертова крыша!

О Боже, мои внутренности сжимались снова и снова. Я схватилась за живот рукой, но это не помогло. Хотя тогда я и понимала, что с Джеймсом что-то не так, именно поэтому я с ним рассталась, но я бы никогда не подумала, что он спал со своей матерью. И одновременно со мной. Я почувствовала, что меня сейчас стошнит.

— Однако Эдриан все знал. Эдриан знал, что твоя мать шлюха, даже тобой не побрезговала. Она думала, что своей киской сделает его достаточно счастливым, чтобы

Эдриан продолжал отдавать ей всё. Он всё подстроил. Она жива. Оливия не погибла в тот день в машине. Она в приюте, если тебе интересно. Она — овощ, абсолютно недееспособна. Как только ты умрешь, ее жизнь тоже прервется.

Эмоции переполняли меня, и слезы катились по щекам.

— Эдриан заставлял ее писать те письма, приставив пистолет к ее голове. Ты знаешь, что я являлся исполнителем его завещания, в котором были прописаны сроки выдачи тебе денег, и что к каждой выплате прилагалось любовное письмо от твоей матери? Эдриан Блейк дал мне свое имя и позволил отомстить за него. Я с гордостью взялся за это дело. Он не был моим отцом. У меня нет ни отца, ни матери, а теперь не будет и брата. Когда я закончу с тобой, сделаю звонок, и ее тоже не станет, твоей дорогой мамы. Горите в аду вместе, дорогой брат.

Джеймс посмотрел на меня и снова на Оникса.

— Ты на самом деле убьешь меня?

Оникс сжал кулак и ударил Джеймса в лицо. Из его носа потекла кровь, и он выплюнул зуб.

— С чего мне оставлять тебя в живых? — спросил Оникс, ни разу не взглянув на меня.

— Ты отнял у меня мать, забрал Мари и Торрин, а теперь заберешь мою жизнь, — пробормотал Джеймс с отчаянием.

— Я не отнимал у тебя мать — это сделал Эдриан Блейк. Я не забирал Мари, это сделал ты сам. Она потеряла ребенка, Джеймс. Ты обращался с ней как с инкубатором, и все потому, что мать рассказала тебе о желании иметь внуков.

— Мы пришли к тебе! — взревел Джеймс. — Когда нам сказали, что из-за эндометриоза ей тяжело будет забеременеть и выносить ребенка, она пришла к тебе! А ты, человек, обладающий властью над жизнью и смертью, отказал ей! Вот почему она покончила с собой. Я не виноват!

— Ты идиот. Я сказал ей, что, будь она в отношениях с кем-нибудь другим, я бы подарил ей ребенка бесплатно. Я бы лично покрыл все расходы. Она покончила с собой, потому что умоляла тебя о разводе, а ты избил ее до полусмерти. Думаю, тебе следует знать, что вскрытие показало, что она была снова беременна. Получается, ты убил свою жену и ребенка из-за гребаного эгоизма!

Джеймс открыл рот, чтобы что-то сказать, но быстро закрыл его, когда Оникс потуже затянул стяжку, перекрывая подачу воздуха.

— Что касается Торрин, то, да, я забрал ее, черт возьми! Я наблюдал за ней, когда она была с тобой. Красивая и уверенная в себе женщина. Я видел, как ты пренебрегал ее мечтами и желаниями. Судьба дала мне шанс заполучить ее, пусть даже на короткое время. С такой красотой, как у нее, с таким духом, как у нее, я не выпущу ее из своих объятий. Так что да, я забрал ее, но только не у тебя, потому что на самом деле она никогда тебе не принадлежала. Торрин и сама это поняла. И, Джеймс, ее мир — красочный и разнообразный, в то время как твой — погряз во тьме. И теперь, я хочу обезопасить ее от большого ублюдка из прошлого, который больше никогда к ней не прикоснется. Потому что теперь, дорогой брат, я забираю твою гребаную жизнь.

Оникс дернул за стяжку и Джеймс начал задыхаться, хватая ртом воздух. Это было ужасное зрелище, но необходимое.

Оникс не стал смотреть на брата. Он развернулся и большими шагами направился ко мне. Когда я встала, он подхватил меня на руки и понес к своему внедорожнику. Оникс

ничего не сказал, и напряженность в его глазах подсказала, что мне нужно дать ему пространство и тихую поддержку. Он осторожно усадил меня на сиденье, пристегнув ремнем безопасности, и обогнул машину, сев на водительское сиденье.

Может он только что и совершил безжалостное преступление, но его самообладание поражало. Я была в восторге от этого человека и все еще не могла прийти в себя от информации, которую он только что рассказал.

Оникс Блейк, человек-загадка, мужчина с темным прошлым, просто отдал мне всё и доверился без колебаний.

ТОРРИН

— Я отвезу тебя в больницу. — Оникс надавил на педаль газа сильнее, позади нас посыпались камни и пыль. Произошедшее вновь всплыло в голове, но я не почувствовала отвращения или разочарования в Ониксе.

Нет, я была счастлива, что Джеймса больше не существовало. Не знала, делало ли меня это плохим человеком, но на душе было спокойно. Я даже ощутила облегчение. Это вызвало у меня противоречивые чувства, но не беспокойство, как я ожидала. Наверное, это действительно была та ситуация, когда нельзя предсказать, что почувствуешь, пока по-настоящему не испытаешь это на себе.

— Нет. Я не хочу в больницу. — У меня руки чесались дотянуться до консоли и взять Оникса за руку, ощутить его тепло, но увидев его крепкую хватку на руле, я передумала. По правде говоря, я боялась, что он снова меня отвергнет.

Я чувствовала себя уязвимой перед ним. Казалось, что все мое тело было разорвано на части, а Оникс был единственным, способным исцелить меня. Я была напугана. Он уже однажды разбил мое сердце, смогу ли я вынести подобное во второй раз?

— Тогда я пришлю врача в дом твоей сестры.

Мое сердце сжалось, а затем разбилось вдребезги, пока мы ехали. Каждый вдох был болезненным, поскольку боль обвивалась вокруг меня, словно питон, отнимая весь кислород. Именно этого я и боялась, всё снова повторялось.

Оникс бросал меня. Оникс хотел продолжать свою жизнь без меня.

Со мной это больше не повторится. За последние несколько недель я стала сильнее.

Когда я посмотрела на Оникса, на его лице отразилась беспомощность. Возможно, ему нужно было, чтобы я сделала первый шаг. Нужно было, чтобы я доказала, что полностью с ним согласна и что не сбегу. Что буду стоять во весь рост рядом с ним. Может, ему нужно было, чтобы я преодолела первое препятствие между нами. Казалось странным видеть в нем эту уязвимость.

Сильный, высокомерный и безжалостный мужчина был напуган. Из-за меня. Кому-то могло понравиться это чувство, однако мне оно не нравилось. Ониксу нечего было бояться.

— Отвезешь меня в поместье?

Его голова так быстро повернулась, и было чертовски приятно видеть его шокированный взгляд. Я раскрывалась перед ним, выкладывала всё начистоту, это был мой первый шаг. Мне нужно было, чтобы он поддержал меня в этом, и я молилась, чтобы Оникс это сделал.

— Уверена?

Я протянула к нему руку и прикоснулась к его теплой руке.

— Я скучала по тебе, и больше не хочу жить без тебя, Оникс. Без тебя в моем сердце образовалась дыра.

Его грудь тяжело вздымалась и опускалась.

— Если ты вернешься в поместье, я тебя не отпущу, Торрин. Ты не сможешь уйти от меня, а я могу быть хорошим, плохим и даже опасным. Это должен быть твой выбор. И ты только что видела, какие ужасные вещи иногда происходят в моей жизни. Это настоящий я, весь я.

Он говорил искренне. Я практически видела, как раскрывалась его душа. Если бы вы спросили меня несколько месяцев назад, есть ли у этого человека сердце, мой ответ был бы совершенно другим. Теперь он полностью открывался мне, точно так же, как и я ему.

— Я выбираю тебя.

Я посмотрела на его профиль и увидела, как он широко улыбнулся, когда поднес мою руку к своим губам и запечатлел на ней поцелуй.

— Я тоже выбираю тебя.

Накатило облегчение, теплое и успокаивающее. Впервые за несколько дней, нет, месяцев, я смогла дышать. Словно он бросил мне спасательный круг.

— Позвони своей сестре и дай ей знать, что с тобой все в порядке. Она волнуется. Потом я отвезу тебя домой. — Оникс отпустил мою руку, достал свой телефон и протянул его мне. — Код 7240. Мне было семь, когда в моей жизни появился Дэйн и нас стало двое, а потом, когда к нам присоединились Пакс и Гарретт, четверка превратилась в ноль, потому что никто и никогда не мог добраться до нас. 7240 — это также код от ворот в поместье. Не сообщай его никому, но всегда держи в голове.

Оникс Блейк только что дал мне код от своего телефона и от своего дома. То, чего он никогда не делал, даже по отношению к самым близким людям. Это сделало меня невероятно счастливой. Он держал меня за руку, пока я набирала номер, моя сестра сняла трубку после первого гудка.

— Оникс? Где она?

Я слегка сжала его руку.

— Это я, Кеннеди. Все в порядке. Ну, есть легкие ушибы, но со мной все хорошо. Оникс везет меня домой.

— Что случилось? Поезжай в больницу, Торрин, мы встретимся с тобой там. Или приезжай сюда, не оставайся дома одна. — от паники в ее голосе я поежилась. Я любила свою сестру и не хотела, чтобы она боялась, особенно за меня, но интуиция подсказывала не рассказывать ей всего. Был ли это страх, что у Оникса возникнут проблемы с законом или что-то другое, я не знала. Но сказать я не могла.

— Я попала в аварию, а Оникс нашел меня.

— Но... — начала Кеннеди, но я продолжила.

— Кеннеди, я люблю тебя, но больше ничего не могу рассказать. Просто знай, что я в безопасности.

— Поговори со мной, Тор! — умоляла она.

— Сегодня был адский день, Кеннеди. Как долго ты сама скрывала от меня свои секреты? — резко возразила я. Я не хотела причинять ей боль, но и не хотела упускать этот шанс с Ониксом. — Обещаю, что скоро расскажу тебе обо всем, но пока знай, что я в безопасности. И еду домой отдыхать.

Ее глубокий вздох был наполнен облегчением и долей гнева. У нее были свои секреты по поводу ребенка, а у меня с Ониксом свои. Если бы кто-нибудь спросил меня полгода или год назад, стала бы я когда-нибудь скрывать что-либо от Кеннеди, то, безусловно, ответом было бы «нет». Однако происходящее между мной и Ониксом мне хотелось защитить и сохранить в секрете.

— Ладно. Я как раз направляюсь к тебе домой. Встретимся там.

— Нет. — я прочистила горло. — Я еду домой к Ониксу, Кеннеди, а не в свою квартиру.

— Но ты сказала, что едешь домой...

Улыбаясь, я ответила:

— Да, я еду домой. Я позвоню тебе завтра и расскажу, что происходит. Крепко поцелуй Элли от меня. Люблю вас. — я слишком устала, чтобы обсуждать все это с ней сегодня.

— Я тоже тебя люблю, но, просто для твоего сведения, я не в восторге от того, что ты от меня что-то скрываешь!

Она знала, что с Ониксом я в безопасности. Хотя я никогда не рассказывала ей всего о своем пребывании в поместье, она знала, что с ним я всегда была под защитой.

— Принято. Кстати, было время, когда и ты тоже кое-что скрывала от меня. В конце концов, все твои мечты сбылись, и, возможно, сейчас сбываются мои. Так что пока.

— Пока. — тихо ответила она, понимая, к чему я клонила.

Я сбросила звонок и хотела положить телефон на место, но Оникс остановил меня.

— Зайди в «контакты» и нажми на имя «Пакстон», затем включи громкую связь.

У меня начала кружиться голова от того, что он разрешит мне услышать их разговор. Это была привилегия, которую Оникс никому и никогда не позволял. Это лишь заставило меня полюбить его еще сильнее.

— Да. — раздался на другом конце провода глубокий голос, который я помнила еще с того дня, когда он приходил в дом моей сестры.

— Джеймса нет. Нужно навести порядок в ангаре.

— Черт! — прогремел Пакстон. — Ты в порядке?

— Ага.

— Больше можешь ничего не говорить. Я разберусь со всем. — связь прервалась. Их отношения ставили меня в тупик, но об этом в другой раз.

Поездка не заняла много времени, и как только Оникс припарковал внедорожник, то велел:

— Сиди здесь. Я занесу тебя внутрь.

— Оникс! Я вполне в состоянии ходить сама.

Его глаза сузились, когда он посмотрел на меня.

— У тебя ушибы, и что я тебе говорил насчет лжи?

— Это не ложь! Я правда могу идти сама.

— Но тебе больно?

Я прикусила нижнюю губу.

— Да, но ты про это и не спрашивал.

Улыбка за считанные секунды превратила выражение его лица из угрожающего в загадочное.

— Я отнесу тебя, детка.

Румянец залил мои щеки. Это был первый раз, когда он назвал меня так, и черт возьми, я снова почувствовала себя подростком. Он обошел машину, открыл мою дверцу и с легкостью поднял меня на руки. Оникс отпер дверь, все еще удерживая меня. Обвив руками его шею, я положила голову ему на плечо, вдыхая его запах.

Оникс внес меня внутрь, и у меня перехватило дыхание. Стены были окрашены в голубовато-серый цвет, который выглядел почти как цвет камня.

— Ты покрасил стены?

— Не я, пришлось нанять людей.

— Почему? — любопытство взяло надо мной верх. Это были огромные изменения, и дом выглядел намного уютнее.

Он наклонился ко мне, касаясь своими губами моих.

— Без тебя все было безлико.

Слезы навернулись на мои глаза, когда Оникс нежно поцеловал меня, наши языки сплелись между собой, и мое тело ожило после трехмесячного воздержания. Я подумала, что он отнесет меня в спальню, но вместо этого Оникс направился в сторону библиотеки.

Дверь была открыта, и у меня отвисла челюсть от увиденного. Книги! Они были повсюду, начиная с самой высокой части книжного шкафа, которая практически касалась потолка, и заканчивая полом. Во всем помещении пустовали лишь две полки.

Стены были выкрашены в тот же цвет, что и входная дверь, но здесь было так много полок, которые теперь переливались всеми цветами радуги, что их почти не было видно. Под диваном и двумя стульями лежал огромный цветной ковер. Диван остался белого цвета, тот самый, на котором мы с Ониксом впервые занялись сексом. А стулья были в синих, серых и черных тонах.

Я была сбита с толку.

— Тут так красиво, Оникс!

Он сел на диван, потянув меня за собой и усадив на себя сверху.

— Вон те полки, — он указал на дальнюю стену, — это книги из твоей предыдущей квартиры. Тебе так нравилась эта комната, даже несмотря на то, что сюда запрещено было заходить. Я хотел, чтобы в доме хоть где-нибудь осталась частичка тебя.

Слезы градом потекли по моему лицу от его признания.

— Ты хотел, чтобы я была здесь, рядом с тобой?

Оникс обхватил меня за шею, притягивая к себе и целуя в губы.

— Да.

— Ты не звонил и не приезжал. — разочарование было трудно скрыть.

Он пальцами откинул прядь волос с моих глаз.

— Нужно было, чтобы ты сама это сделала. Я больше не хотел тебя заставлять, как раньше.

С моих губ сорвался тихий смешок.

— Я ждала тебя, а ты, получается, ждал меня. Мы так облажались, Оникс!

— Нет, детка. Не облажались. Я испытал самые настоящие чувства. Раньше со мной такого не было.

Целовать его было моим любимым занятием. Это было волнующе и словно связывало нас еще сильнее. Именно это я чувствовала, находясь рядом с этим мужчиной. Привязанность. Будто у нас была такая связь, которая обжигала душу. Когда мы прижались друг к другу, целуясь, я чувствовала себя самой счастливой на свете. Такой же счастливой, когда родилась наша Элли.

Я зашевелилась и застонала от боли, разрушая чары, под которыми мы находились.

— Ты идешь в постель, а я позабочусь о твоих ранах. — сначала он вытащил свой телефон и набрал номер, прежде чем я успела возразить. — Ты нужен мне дома. Код — 1410. Заходи и поднимайся в мою спальню.

Я ахнула, когда он повесил трубку.

— Ты дал ему код от ворот в поместье? Ты случайно не заболел?

— Детка, я сделаю ради тебя, что угодно. — Оникс поднялся, держа меня на руках. — И я просто сменю его, когда доктор уйдет. Этот код предназначен для гостей, и я его постоянно меняю. Так я могу отследить, кто входит и выходит из поместья. Поэтому тут

безопасно и чужие зайти не смогут.

— Через сколько приедет врач?

Он пожал плечами.

— Пятнадцать-двадцать минут.

Я лукаво улыбнулась. Да, было больно, но мне хотелось побыть с Ониксом. Нам нужно было вернуться к тому, с чего все это началось. Мне нужно было почувствовать его внутри.

— Сядь, Оникс.

Он изогнул бровь.

— Детка, твои приказы не очень-то на меня действуют.

— Оникс! — предупредила я, и он улыбнулся.

Когда он сел, я оседлала его. У меня болели ноги и спина, но ничто не могло удержать меня. Я бы вытерпела боль, слезы или что бы то ни было еще, чтобы обрести эту близость с ним, которой мне так долго не хватало.

Он положил руки мне на бедра.

— Ты нужен мне, — прошептала я. На мне была лишь его футболка. Я отбросила ее на пол, и Оникс зарычал в ответ.

— Мне больно видеть все эти синяки на тебе.

— Я знаю, но прямо сейчас ничто другое не имеет значения. Только ты и я.

Он выглядел так, словно собирался возразить, поэтому я начала покачивать бедрами, чувствуя, как его твердый член уперся в мою киску.

— Я даже готова умолять, — поддразнила я, возвращая его внимание ко мне и отвлекая от ушибов.

— Можешь начинать.

— О, да, — прошептала я, целуя его. — Я хочу тебя прямо сейчас, Оникс. Хочу объездить тебя.

Его член дернулся. Ониксу потребовалось всего несколько секунд, чтобы сорвать с меня нижнее белье и вытащить член из джинсов. Когда я опустилась на него, то впервые в своей жизни почувствовала себя целостной. Я принадлежала ему, он был моим, и это было все, что имело значение в этом мире сейчас.

Оникс глубоко вошел в меня, крепко обнимая. Мы замерли в этом положении, и когда я посмотрела в его глаза, в них светились чистый огонь и желание. Оникс нуждался во мне так же сильно, как и я нуждалась в нем.

Мы поцеловались, и я начала двигаться вверх и вниз. Между нами разгорелся огонь, посылая ощущения по всему телу. Боль от ран совсем не ощущалась. Мы двигались в едином ритме, то быстро, то медленно, и все это время я не отрывала свои губы от его.

Наши тела оставались напряженными, но движения были приятными и спокойными. Это не было обычным, диким трахом, как раньше. Это было нечто совершенно другим. Любовью. Единением. Связью. Все это сплеталось воедино, связывая нас и делая единым целым.

— Я люблю тебя! — Я обхватила Оникса за шею, когда на меня волной накатило удовольствие. Оникс хмыкнул, приподнимая бедра, и кончил в меня.

Дышать было трудно, и я уткнулась лицом ему в шею. Мы просидели так несколько долгих мгновений, приходя в себя.

— Торрин?

Я приподнялась, глядя в глаза Оникса, в которых было столько эмоций, что это

поразило меня до глубины души.

— Я не знал, что такое любовь, пока ты не вошла в мою жизнь. Думал, что не заслуживал этого. Но, детка, теперь у тебя есть я, и я чертовски тебя люблю.

С улыбкой и радостью в сердце я наклонилась, целуя его, а из глаз покатились слезы. Вот на что было похоже счастье — найти того единственного человека, который делал твой мир полноценным и без которого этот мир бы рухнул. Я чувствовала полное опустошение вдали от Оникса. Но теперь он принадлежал мне, а я ему.

ОНИКС **МЕСЯЦ СПУСТЯ**

Широко раздвинув ноги Торрин, я облизывал и посасывал ее киску. Девушка, вздрогнув, проснулась и со стоном приподнялась.

— Оникс! — сонно вскрикнула она.

Я продолжал щелкать языком по клитору, скользнул пальцем внутрь киски, наслаждаясь ощущением того, как она оживала подо мной. Она была такой теплой после сна, идеальной.

— И кому с утра нужен кофе? — пробормотала она, откидываясь на подушку. — У меня есть мужчина, который умеет работать языком!

Я рассмеялся, когда она напряглась в нарастающем оргазме.

— Ты уже на грани, Торрин, — сказал я, добавляя палец.

— Хочу твой член, хочу всего тебя, Оникс!

Целомудренно целуя ее живот, я ненадолго остановился, чтобы подразнить ее пупок, который так любил. Я ласкал Торрин пальцами, пока, наконец, не добрался до ее губ.

— Командирша! Ты же знаешь, как я отношусь к твоим приказам, — пошутил я. Наши губы встретились, а языки сплелись между собой.

Я убрал пальцы и медленно вошел в Торрин.

— Ты действительно смог бы мне отказать? — поддразнила она.

— Никогда, — честно признался я. — Отдам тебе всё, что пожелаешь, черт возьми.

Сначала я медленно входил в нее и выходил, пока она не приподняла бедра, желая большего. Только тогда я ускорил темп, и вскоре Торрин закричала в экстазе, а затем и я достиг освобождения.

Каждую ночь засыпать и каждое утро просыпаться с ней с одной постели стало еще одним приятным удовольствием. Закончив «желать» ей доброго утра, я принимал душ и уходил. Она проводила день со своей сестрой и племянницей, затем занималась работой, потому что да, она хотела продолжать работать. Мы нашли компромисс и в итоге, решили, что Торрин будет работать из дома. У меня был плотный график, и дома я хотел проводить с ней побольше времени. Кеннеди поначалу была не в восторге от наших отношений. Мне было наплевать, однако Торрин переживала из-за этого. Постепенно ее сестра смирилась. Возможно, мы никогда и не будем справлять семейные праздники вместе, но я отказываюсь терять Торрин, так что чем быстрее Ланье поймут это, тем лучше для всех нас.

К сожалению, у меня были обязанности, поэтому я не мог проводить каждую свободную минуту с Торрин. Сегодня я отправился в Филадельфию, на встречи, в которых не очень-то и хотел участвовать.

Когда я зашел, Дэйн, Пакстон и Гарретт уже сидели на своих местах.

— Черт, ты у нее на крючке, — пробормотал Дэйн, вставая, чтобы в знак приветствия хлопнуть меня ладонью по плечу. — Ходишь весь такой спокойный и расслабленный! Я рад за тебя, Оникс!

Я должен был бы разозлиться из-за того, что Торрин сделала меня мягким. Но нет. Если бы возникла необходимость убить, я бы сделал это и глазом не моргнув. Изменился ли я? Да, теперь я хотел, чтобы в моей жизни присутствовал не только белый цвет. Черт возьми, я

действительно хотел жить полноценно, хотел семью и любви. Но думал, что все это невозможно в моей жизни. Когда я увидел имя Торрин в той папке с информацией о Ланье, то сразу вспомнил ее. Мое чутье подсказывало, что она будет очень важна во всем этом. Так что да, я совершил несколько по-настоящему дебильных поступков, например, купил полный шкаф одежды. Каждый наряд лично подбирал специально для нее. Хотя я и не предполагал, что она окажется в доме своей сестры в тот день, но я увидел возможность и воспользовался ею. Казалось, я даже на шаг опередил самого себя.

Гарретт встал и быстро пожал мне руку.

— Видя все дерьмо, которое происходило с тобой, должен сказать, Оникс, тебе определенно не нравится, когда тебя игнорируют, — пошутил он, поскольку он был в доме Ланье тогда, когда Торрин Макалистер просто ушла от меня.

Да, вначале я хотел преподать ей урок, потом хотел преподать урок жизни Джеймсу, но, в конце концов, сам усвоил один жизненный урок.

Любовь — это сильное, потрясающее и всепоглощающее чувство. Это не слабость, не нечто опасное, и уж тем более моя империя не рухнет из-за нее, как я считал раньше. Это яркое, вдохновляющее чувство, которое делало мою жизнь полноценной.

Пакстон повертел в руке зажигалку «Zippo», прежде чем сунуть ее в карман.

— Рад за тебя. — он кивнул мне, и я ответил ему тем же.

— Давайте перейдем к делу. — Гарретт снова сел и достал папки.

Ознакомившись с данными о каждом клиенте, о каждой суррогатной матери, нашими финансовыми показателями и юридическими потребностями, мы завершили встречу. Глубоко внутри, мне очень хотелось вернуться домой к Торрин. Она дважды писала мне сообщения, в последнем сообщила, что была у Кеннеди, играла с Элли. Ее племянница была красавицей, и Торрин была совершенно очарована ею. На экране моего телефона была фотография Торрин и Элли, в то время как на экране Торрин был я с Элли. Да, мы стали *той* самой влюбленной парочкой.

Дверь конференц-зала распахнулась. Женщина в дверях была очень зла и держала в руке пистолет.

— Пакстон, бля*ь, Уильямс, ты сукин сын! — кричала она, в то время как Пакстон встал, подняв руки в знак капитуляции.

Дэйн сделал первый шаг, вытащив свой пистолет и направив на дамочку.

— Привет, Лорел, — спокойно поздоровался Пакстон с женщиной. Он даже достал сигарету и поднес ее к губам, но не закурил. Он посмотрел на нас.

— Давайте, парни, идите уже. Не стреляйте в нее, и, что бы вы ни услышали, не возвращайтесь. — он ухмыльнулся, в то время как Дэйн неохотно опустил оружие.

— Не думаю, что это правильное решение, — ответил я, заметив ядовитый взгляд женщины.

— О, Лорел была бы счастлива убить меня, но она так не поступит и знает это, — небрежно успокоил Пакстон.

Гарретт прошел мимо Пакстона, сжав его плечо, и шагнул к женщине.

— Только не стреляй ему по яйцам, окей? — пошутил он, выходя.

Если Гарретт решил уйти, и сам Пакстон хотел, чтобы мы ушли, тогда я думаю, нам с Дэйном была пора сваливать.

Мы с Дэйном вышли, не сказав больше ни слова. Закрыв за собой дверь, услышали, как щелкнул замок. Даже отойдя подальше, мы все еще слышали, как они ругались.

— Мой ангел, я так рад видеть тебя снова! — высокомерно заявил Пакстон.

— Ты чертово зло, Пакстон Уильямс, а я не гребаный ангел!

Это были последние слова, которые мы услышали перед тем, как выйти на улицу.

Громкий хлопок выстрела раздался как раз в тот момент, когда я садился в свою машину.

Мы с Гарретом и Дэйном бросились обратно.

Помещение было пустым. Пакстон и Лорел исчезли. Единственное, что осталось — это его телефон и маленькая струйка крови на полу. Где-то вдалеке послышался визг от шин.

Гарретт расхаживал по конференц-залу, задаваясь тем же вопросом, что и мы.

Что, черт возьми, только что произошло?